

Анатолий Невара

Моя судьба – граница

Воспоминания
и размышления
о судьбе
моего
поколения

ББК 84(2Рос=Рус)6-44(2Рос-4Вор)
Н40

Невара, А. А.

Н40 **Моя судьба — граница** [Текст]: воспоминания и размышления о судьбе моего поколения / Невара Анатолий. Волгоград: Издатель, 2009. — 288 с.: ил.
ISBN 978-5-9233-0779-5

Документальная повесть А. Невары, автора книг «Крутые повороты», «И кровь, и слезы», «Зарницы победы», «Дозор не бывает последний», «Сталинградские зарницы», «Севастопольцы» и др., руководителя литобъединения «Патриот» при Волгоградском гарнизонном Доме офицеров, охватывает период с первых послевоенных лет до наших дней, действие происходит в Западной Украине, Заполярье, Забайкальском и Ленинградском пограничном округах, Москве, Волгограде. Повествование отличает захватывающее описание событий, создание сильных, самоотверженных, мужественных характеров людей, верных своему долгу.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44(2Рос-4Вор)

ISBN 978-5-9233-0779-5

© ГУ «Издатель», 2010
© Невара А. А., 2010

Вместо предисловия

*Несколько документов из книги
«ПОГРАНИЧНЫЕ ВОЙСКА СССР,
1945—1950 годы»,
изданной Академией наук СССР,
Институтом истории СССР,
Управлением пограничных войск
и Центральным архивом СА*

Документ № 221
18 июля 1947 г.

Сообщение ГУПВ СССР в вышестоящие инстанции, с. 341

В период с 29 июня по 15 июля 1947 года группами частей Украинского пограничного округа, действовавших по ликвидации банды «Бира», было убито и задержано 27 бандитов... Захвачено оружия и боеприпасов: ручных пулеметов — 3, автоматов — 5, винтовок — 10, пистолетов — 6, ручных гранат — 17, патронов 2738 штук. У нас потерь нет.

Остальная часть банды численностью до 30 бандитов скрылась в лесном массиве, в 40—50 км от границы.

Представитель Войска Польского майор Валенский при встрече с нашим представителем сообщил, что банда «Бира» участвовала в убийстве заместителя министра национальной обороны Польши генерала Сверчевского, и просил передать им задержанных нами бандитов из числа банды «Бира» для привлечения их к ответственности по законам Польской Республики...

Генерал-лейтенант Стаханов

Документ № 227
19 ноября 1947 г.

**Из краткого сообщения о боевой и служебной деятельности
ордена Красной Звезды пограничного отряда, с. 348**

17 ноября 1947 года группа пограничников ордена Красной Звезды пограничного отряда в четырех километрах от линии границы настигла 6 вооруженных бандитов и вступила с ними в бой. Бандиты оказали вооруженное сопротивление, но решительными действиями пограничников банда была разгромлена.

На месте боестолкновения убито три бандита, ранено и задержано два бандита. В числе задержанных — главарь банды.

Пограничники уничтожили в лесном массиве схрон^{*} бандитов с большими запасами продовольствия и задержали 9 активных бандпособников.

18 ноября, в ходе дальнейшего проведения операции, пограничники обнаружили еще два схрона, задержали четырех бандитов и пять бандпособников.

Начальник погранвойск Украинского округа
генерал-майор Никифоров.
Заместитель начальника штаба
полковник Теплов

Документ № 246

15 февраля 1948 г.

Из описания действий личного состава ордена Красной Звезды пограничного отряда Украинского округа по ликвидации банд, с. 363—366

В период с 4 по 11 февраля 1948 года группой пограничников ордена Красной Звезды пограничного отряда под командованием майора тов. Старченко проведена операция, в результате которой ликвидированы сотня УПА^{**} «Бира» и куст ОУН^{***} «Хитрого».

23 марта 1947 года банда «Бира», совместно с сотней «Хрина», участвовала в убийстве заместителя министра обороны Польской Республики Сверчевского и зверском убийстве 46 офицеров и солдат Войска Польского, производивших поиск Сверчевского.

До конца июня 1947 года банда «Бира» действовала в «Польском выступе»... К этому времени банда насчитывала до 80 бандитов, 8 ручных пулеметов, 20 автоматов и винтовки.

Куст «Хитрого» Борынского районного прохода ОУН насчитывал в своем составе 12 бандитов... При переформировании куст «Хитрого» был пополнен за счет банд «Бурового», «Кивка», «Степы» и «Клима».

В августе и в сентябре 1947 года куст участвовал вместе с сотней «Грузина» в вооруженном нападении на колхоз им. Франко, в подрыве моста на узкоколейной ж. д. и в крушении паровоза.

Сотня «Бира», приняв в свой состав остатки разгромленных сотен «Хрина» и «Стаха» общей численностью до 100 чел., в ночь с 29 на 30 июня 1947 года перешла с территории Польши на территорию СССР.

В период с 30 июня по 13 июля, в тылу участка, проводилась операция по поиску и ликвидации банды «Бира». Всего за этот период убито, ранено и захвачено 26 бандитов.

В ноябре 1947 года отряд активизировал поиск банды, имея основание предполагать, что местом ее укрытия является тыл Борынского района, в так называемом Черному лесу.

* Схрон — подземное убежище бандитов.

** УПА — Украинская повстанческая армия.

*** ОУН — организация украинских националистов.

В 12 ч 30 мин 4 февраля 1948 года войска вышли на операцию. В 5 ч 00 мин 6 февраля группы пограничников вышли на свои места и к 8 ч 30 мин оцепили район предполагаемого нахождения бандитских схронов.

7 февраля в ходе поиска, на скатах горы Стара Шебела, группой под командованием капитана Цыганенко было обнаружено первых два схрона, в которых скрывалась банда «Хитрого». Бандиты, выбегая из схронов и отстреливаясь, стали отходить в ложину по направлению расположения схронов сотни «Бира».

Группа младшего лейтенанта Утина, преследуя отходивших бандитов огнем и движением, уничтожила 8 бандитов.

В начале перестрелки сотня «Бира» вышла из схронов и, прикрываясь мелкими группами с ручными пулеметами, начала отход в общем направлении на север. Группы пограничников под командованием майора Стеникова, ведя преследование, на протяжении 3,5—4 км от схронов убили 10 бандитов.

В это время уцелевшие бандиты стали разбиваться на мелкие группы по 3—5 человек, стремясь уйти от преследования в разных направлениях...

В результате преследования по всем направлениям все бандиты, за которыми велось преследование, были уничтожены.

В ходе преследования и боя взяты следующие трофеи: ручных пулеметов — 4, винтовок — 15, автоматов — 10, пистолетов — 8, гранат — 68, биноклей — 2, патронов — 3500.

Начальник ордена Красной Звезды пограничного отряда полковник Агеев.
Начальник штаба подполковник Малышев

Документ № 275

Не ранее 22 апреля 1949 г.

Из истории ордена Красной Звезды пограничного отряда Украинского округа, с. 406—418

Обстановка в западных областях Украины, в особенности в пограничной полосе, характеризуется действиями бандитских и националистических групп ОУН и УПА, которые совершают нападения, терроризируют местное население, убивают сочувствующих и лояльно относящихся к нам людей...

По поступившим данным, комендант пограничной комендатуры тов. Якушин 13 июля 1947 года вышел в район леса, что севернее села Бандрыв Колена. Проведенным обыском обнаружил схрон. В течение двух часов бандиты вели огонь из схрона, но вскоре сопротивление прекратили. При вскрытии схрона были обнаружены трупы, один из которых оказался

проводником повитовой боевки СБ** «Атаман», а второй — представителем областного провода*** «Крыга», прибывший в Нижне-Устрицкий район для восстановления работы повитового провода. Были обнаружены также два автомата, один пистолет, один револьвер и 500 штук патронов.

Несмотря на то, что повитовый провод ОУН Нижне-Устрицкого района был разгромлен, его боевка продолжала действовать... 26 ноября 1947 года капитан Якушин еще в темное время блокировал окраину села Бандрыв Коленя, а как только начало светать, к блокированному дому выслал группу под командой лейтенанта Смирнова. Лейтенант Смирнов поручил опытным ефрейторам Распутину и Нахалову провести разведку. Вскоре ефрейторы вернулись из разведки с трофеями: привели с собой пленного бандита, который принес на себе труп второго бандита. Захваченный бандит сообщил, что в доме находится вся боевка СБ.

Бандиты обратили внимание на отсутствие часовых у входа в дом, поняли — что-то случилось. Вот из дома выбежали 5 бандитов и направились в сторону леса, где их уже ожидал лейтенант Смирнов со своей группой. Вскоре выбежало еще две группы, которые побежали в разных направлениях. Лейтенант Смирнов первым открыл огонь по группе бандитов, направлявшихся в лес. Открыли огонь и группы сержантов Заяц, Распутин и Нахалова.

Бандиты не ожидали такого и вынуждены были бежать в разные направления, лишь бы скрыться, но везде попадали под перекрестный огонь пограничников... Так повитовая боевка была полностью уничтожена.

Документ № 258

Октябрь 1948 г.

Из краткой справки о боевой и служебной деятельности пограничных застав, представляемых для присвоения почетных наименований, с. 682—684

Пограничная застава ордена Красной Звезды пограничного отряда Украинского округа (секретарь комсомольской организации младший лейтенант Невара).

Пограничная застава создана в июле 1944 года. Пограничники этой заставы вели активную борьбу с врагами советского народа — бандами немецко-украинских националистов. Комсомольцы в этих боях показали пример мужества и отваги. За образцовое выполнение заданий командования по разгрому бандитских формирований ОУН 12 пограничников награждены правительственными наградами.

С момента выхода на восстановленную границу личный состав заставы задержал значительное количество нарушителей границы. В настоящее время пограничная застава является лучшей в отряде.

* Проводник — руководитель.

** Повитовая боевка СБ — районная боевка службы безопасности.

*** Областной провод — областная организация.

Пограничная застава Закарпатского округа (начальник заставы старший лейтенант Тяпкин, секретарь бюро ВЛКСМ тов. Коваленко).

Застава выполняла задачи по ликвидации бандитских групп украинско-немецких националистов в Станиславской и Дрогобычской областях УССР и в Польше.

6 января 1946 года около местечка Рыбно Станиславской области застава вступила в бой с многочисленной бандой, которую разгромила, а остатки банды обратила в бегство. За проявленную смелость и отвагу в боях с бандитами начальник заставы старший лейтенант Тяпкин награжден орденом Отечественной войны II степени, а бывший секретарь комсомольской организации заставы тов. Колесников, героически погибший в бою, был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Часть первая

МОЛОДО, НО НЕ ЗЕЛЕНО

Граница

Много, очень много воды утекло с тех пор, когда я, самый молодой выпускник Харьковского общевоинского пехотного училища — мне едва исполнилось восемнадцать лет, — в звании младшего лейтенанта в марте 1946 года прибыл в составе офицерского пополнения в 93-й ордена Красной Звезды пограничный отряд, расположенный в городе Добромиле Дрогобычской области, и был назначен заместителем начальника двенадцатой пограничной заставы, третьей пограничной комендатуры.

Застава располагалась в селе Лобизва Нижне-Устрикского района Дрогобычской области в бывшем помещичьем фольварке, и мне представилась возможность занять одну из многочисленных комнат, правда самую маленькую. Но и туда заходил только для того, чтобы несколько часов поспать, чаще всего в два приема. Все остальное время был с пограничниками или ходил на границу, иногда два раза в сутки.

Сначала пограничники приняли меня за салагу, так как все они были старше меня на пять-семь лет и немало прошагали по фронтовым дорогам войны. Грудь многих из них украшали ордена и медали. А я свою единственную медаль спрятал и не показывал никому. Почему? Да было стыдно. Но, как потом оказалось, зря. Фронтвики тогда признавали только фронтовиков. Но мне ведь тоже, пусть немного, пришлось познать, почему на фронте фунт лиха.

И выручил неутомимый и вездесущий помощник начальника заставы по политической части старшина Царин. Когда вся застава при помощи моего дополнительного пайка отмечала мой девятнадцатый год рождения, он буквально приказал мне надеть медаль, хотя был моим подчиненным. Когда я появился с медалью на груди, солдаты заставы буквально засыпали

меня своими вопросами: где воевал, в каком звании, в каком качестве? И когда я рассказал, что воевал рядовым в качестве снайпера, лед в наших отношениях наконец-то растаял. После этого все мои распоряжения и приказания выполнялись беспрекословно.

И мои труды не пропали даром. Вскоре застава уже «гремела», как выражались мои однокашники по училищу, на весь округ, так как считалась самой боевой заставой в пограничном отряде. Особенно после того, как комсомольскую организацию заставы наградили Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

В то время год на пограничной заставе в Карпатах — это триста шестьдесят пять бессонных ночей и триста шестьдесят пять нелегких, поистине боевых дней без отдыха и без выходных. Нам тогда выходных просто-напросто не давали. И начальство строго следило за тем, чтобы офицеры застав ежедневно несли боевую вахту. Почему?

Во-первых, потому, что сама Государственная граница СССР не знала выходных.

Во-вторых. Как объясняли нам наши начальники, выходные и ненормированные рабочие дни нам будут компенсированы при уходе на пенсию, так как тогда служба на заставе будет засчитана в выслугу лет год за полтора.

Забегая наперед, скажу, что это оказалось иллюзией, а точнее, обманом. Наш «дорогой Никита Сергеевич» в поисках средств для развития народного хозяйства, а точнее, для прекращающихся испытаний ядерного оружия, съедавших астрономические суммы, уволил из армии «миллион двести тысяч», не задумываясь над судьбами офицеров, многие из которых не дослужили до пенсии несколько месяцев, а то и дней и вынуждены были идти даже «доярками», чтобы иметь средства для существования.

Мне каким-то чудом удалось избежать этой мясорубки. Очевидно, потому, что жена была на сносях вторым сыном.

Тогда же были отменены и «год за полтора» на заставе. Таким образом, из трехсот шестидесяти пяти рабочих дней в году около двухсот дней оказались неоплаченными, то есть не были компенсированы при увольнении. Не говоря уже о том, что условия службы в Западной Украине в то время были близки к фронтовым.

Правда, все это мы познали через многие и многие года, а тогда абсолютным большинством офицеров, в том числе и мной, владело высокое чувство патриотизма. Мы не только не

роптали, а, имея служебную нагрузку десять-двенадцать часов в сутки, гордились тем, что охраняем государственную границу родной страны.

Тогда я впервые написал стихи с названием «Иду в дозор»:

Потух закат, и снова ночь густая,
Как пологом, покрыла все вокруг:
Зашторенные окна на заставе,
И синь реки, и белоснежный луг.

Природа спит, и людям сладко спится.
Притих степной размашистый простор.
Только не дремлет чуткая граница,
И я опять иду в ночной дозор.

Иду в дозор, чтоб день сиял лучисто,
Чтобы шумели нивы и леса.
И чтоб была нетронутой и чистой
Контрольно-следовая полоса.

Но если бы была только охрана государственной границы с ее тысячами дозоров, часовых границ, секретов и засад... К сожалению, были еще и сотни боевых операций по ликвидации оуновского подполья, которые нередко длились по несколько суток.

Вообще-то мне здорово повезло.

Во-первых. Начальник заставы, чуть ли не алкоголик, так как частенько заглядывал в бутылку, вскоре после моего прибытия на заставу уехал в госпиталь, после пребывания в котором был уволен из войск. Другого начальника долго не присылали, и я длительное время работал исполняющим обязанности начальника заставы.

Было нелегко. Даже тяжело. Но это лучше, чем служить с начальником заставы — пьяницей.

Во-вторых. Ко мне благоволил, и даже очень, комендант пограничной комендатуры капитан, а потом майор Якушин. Он как-то даже проговорился, что я похож на его сына, который погиб с матерью, то есть с женой капитана Якушина во время войны.

Вообще капитан Якушин был исключительно ортодоксальным человеком. Требовательный до предела, он никогда не повышал голоса. А офицеров независимо от возраста и звания называл только по имени и отчеству. Строгий до педантичности, он в то же время по-отечески относился к подчиненным. Офицеры иногда, незлобиво, называли его «капитан пш-ш-ш»

за часто употребляемое в таком звукосочетании слово «пони-маешь». Вместе с тем он был для нас, его подчиненных, непререкаемым авторитетом. На операциях против оуновского подполья он, не отличавшийся силой и здоровьем, никогда не пользовался транспортом, а шагал впереди всех, забросив за спину автомат. В поношенной телогрейке, солдатских брюках и юфтевых сапогах, он был похож на исхудалого мальчишку, а о его смелости ходили легенды.

Я безумно любил этого сурового, но справедливого человека какой-то тайной любовью и старался во всем ему подражать.

Однажды осенью 1947 года я находился в канцелярии, когда раздался телефонный звонок. Звонил капитан Якушин.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, — прозвучал в трубке голос капитана.

А когда я поздоровался и доложил о состоянии охраны границы на участке заставы, он продолжил:

— Принято, пш-ш-ш, решение о предоставлении отпусков пограничникам — участникам войны. Сегодня же направьте двух человек в штаб комендатуры для следования в отпуск.

Положив трубку, я задумался: кого отправить первым? В это время в канцелярию вошел помощник начальника заставы по политической части старшина Царин. На пять лет старше меня, прошедший всю войну, он был отличным помощником и, я бы сказал, негласным моим наставником.

— Ага, на ловца и зверь бежит. Вы как раз мне нужны, Григорий Иванович, — обрадовался я.

— А опытный зверь, товарищ лейтенант, всегда чувствует охотника, — отшутился Царин.

— Ну да ладно. Я серьезно, — внимательно посмотрев на Царина, сказал я. — Нам разрешили направить в отпуск пока двух участников войны. А они почти все участники войны.

И вдруг у меня появилась, как мне показалось, спасительная мысль:

— Вы, Григорий Иванович, с ефрейтором Поздняковым поедете первыми.

Я знал, что Царин уже шесть лет не был дома и ожидал бурной радости от такого приятного сообщения. Но вопреки ожиданию улыбка на лице Царина пропала. Красивые, смольяного цвета брови сошлись на переносице, а в уголках губ появились жесткие складки.

— Спасибо, товарищ лейтенант, но я не могу ехать первым, — медленно проговорил он.

— Почему? — удивился я, — вы же работаете за троих... Кто-кто, а вы отпуск заслужили...

— Если бы вы знали, как истосковалась душа по дому, — в задумчивости произнес Царин. — Боюсь, что и мать уже не узнаю. А о сестрах и говорить нечего... Только я подожду, когда на заставу пришлют второго офицера.

— Что вы, Григорий Иванович, поезжайте. А я как-нибудь и один покручусь на заставе.

Царин долгим и внимательным взглядом посмотрел на меня и тихо проговорил:

— Трудно вам будет одному... Да и границу как-нибудь охранять нельзя.

Я представил, как буду работать без этого умного, неутомимого и вездесущего человека, и понял, что Царин прав. Мне захотелось сказать ему что-то душевное, теплое, но не нашел нужных слов, чтобы выразить те чувства, которые овладели мной.

— И Позднякова, думаю, нельзя отпускать, — продолжал Царин. — Единственный инструктор розыскной собаки, да еще какой — след берет десятичасовой давности.

— И все же, думаю, мы егопустим... Он это заслужил... А Сита временно передадим водителю, — не согласился я.

— Сита?.. Другому водителю?.. Это невозможно, товарищ лейтенант. Поздняков и Сит — одно целое. Шесть лет назад вместе начали службу на дальневосточной границе. С тех пор ни разу не разлучались. У них не просто дружба — у них любовь.

Мы еще долго говорили и сошлись на том, что Поздняков все же в отпуск поедет, а я доложу коменданту и попрошу на заставу прислать другого инструктора.

А через пару часов, когда вся заставка провожала первых отпускников, пограничники наблюдали трогательную картину прощания Позднякова со своим четвероногим другом.

Здоровенный пес, почти с теленка росточком, встав на задние лапы, а передние положив Позднякову на грудь, словно догадываясь о расставании, тихонько повизгивая, нежно касался своим ярко-розовым языком щек и подбородка хозяина. А когда Поздняков, вытирая слезы, скрылся за воротами заставы, Сит заметался по вольеру и его громовой голос, нередко переходящий в вой, всю ночь разносился над притихшей заставой и окрестными лесами.

А еще через час я с тревожной группой, по приказу коменданта участка капитана Якушина, бежал в село Яблунове. Слыша за собой в темноте тяжелое дыхание и топот солдатских сапог,

все ускорял и ускорял бег. Вот уже взбежали на последний взгорок, и перед нами открылась ужасающая картина — три огромных факела освещали село. Это горело три крестьянских подворья. Но никто их не тушил. Даже людей поблизости не было. Боялись люди. Под угрозой смерти бандеровцы (так обычно называли оуновцев по фамилии их предводителя Степана Бандеры) запрещали тушить подожженные ими дома.

В первой горящей хате двери были открыты, внутри огня пока не было. С ходу заскочив в дом, я остановился, пораженный увиденным: посреди комнаты, в луже крови, лежала женщина. Кофточка с нее была сорвана, и на левой стороне груди кровоточила рваная рана. Рядом с ней лежал голый младенец с раздробленной головой, а чуть поодаль — мальчишка лет шести с простреленной грудью и в неестественной позе, с карабином в руках мужчина.

У меня словно тисками сжало сердце, спазмой сдавило горло, тяжело стало дышать:

— Всех на улицу! — наконец взяв себя в руки, крикнул я.

Только пограничники вынесли трупы и положили их рядом подалеже от горящего дома, кровля рухнула и в ночное небо полетели мириады искр, словно давая последний прощальный салют своим хозяевам.

В Яблунове прибыл заместитель коменданта пограничной комендатуры с заставой боевого обеспечения. Он организовал поиск банды, а мне, как самому молодому офицеру, приказал обеспечить тушение пожара, после чего возвращаться на заставу. А тушить-то, собственно говоря, уже было нечего. Все три дома сгорели дотла.

Весь обратный путь перед моими глазами стояла картина бандитской звериной жестокости, и только на подходе к заставе мое внимание привлек какой-то странный тоскливый звук. Он проникал во все поры моего организма, вызывая неприятный холодок на душе и еще не до конца осознанное чувство новой тревоги. Чем больше вслушивался в этот звук, тем больше росло тревожное чувство. Наконец понял: это был протяжный, с каждой минутой усиливающийся вой собаки. И тут я вспомнил, что в суматохе забыл позвонить коменданту в отношении Сита и нового инструктора. А теперь придется ждать до утра.

Подойдя к заставе и отправив пограничников в казарму, направился к вольеру. Сит сидел у своей будки и, запрокидывая голову, выводил такие рулады, которые не мог бы, пожалуй, повторить ни один певец в мире.

— Сит, Сит, ну перестань, дурашка. Вернется твой хозяин, — тихо проговорил я.

Сит на несколько секунд опустил голову, посмотрел на меня грустными-грустными глазами и снова завел еще более печальную ноту.

С горьким чувством вины я прошел в комнату и, не раздеваясь, лег на свою холостяцкую кровать, твердо решив ранним утром обо всем доложить коменданту участка. Но долго не мог уснуть — над заставой, над окрестными лесами многоголосым эхом разносился печальный вой Сита.

Проснулся я от какого-то странного ощущения. Сон как рукой сняло. Открыл глаза и прислушался. Странная тишина. Внезапно нахлынувшая тревога окончательно прогнала остатки сна. Быстро поднявшись, посмотрел в окно. Небо на горизонте посерело. Наступал рассвет. Дверь, тихо скрипнув, отворилась, и вошел старшина Царин.

— Что случилось, Григорий Иванович? — увидев его хмурый взгляд, тревожно спросил я.

— Сита больше нет, — тяжело вздохнув, словно упрекая меня, тихо проговорил Царин.

— Как нет? — испугался я так, что ноги стали ватными.

— Сита убил часовой комендатуры, который принял его за волка... Сит, порвав цепь, шел по следу повозки, на которой уехал хозяин. Но Позднякова в комендатуре уже не было. Отпустили вечерним поездом уехали в отряд.

У меня предательски задрожали руки. Я закурил и задумался: «Сит — отличная овчарка... Не сберег!.. И никто, кроме меня, не виноват в ее гибели».

Из угнетенного состояния меня вывел тревожный возглас старшины Царина:

— Ракета!... Красная... В районе правого стыка.

Резко повернувшись к окну, увидел, как ракета, описав дугу, медленно опускалась над лесом. Не успела она до конца догореть, как взвилась вторая ракета, за ней третья.

В голове молнией пронеслась мысль: «Час от часу не легче... Прорыв в наш тыл!.. А розыскной собаки нет!»

— Григорий Иванович! — крикнул я, опомнившись. — Поднимайте заставу в ружье. Я сейчас выйду.

Один миг, и Царин был уже в коридоре.

— Застава, в ружье! — раздался его громовой голос.

И тишины как не бывало. Заставу заполнил шум, топот ног, строгие слова команд.

Когда я выбежал в коридор, личный состав уже стоял в строю. В глазах немой вопрос и жажда действий. Короткие слова команды — и они бросятся туда, где нависла угроза прорыва врага через границу. И все их действия подчинены воле одного человека, моей воле. Ошибаться нельзя. Иначе потеряю их доверие.

— Григорий Иванович, прикройте плотно правый фланг участка заставы. Особое внимание обратите на хребет Жукова. Доложите в комендатуру. Информировать соседей. Вы остаетесь на заставе. Я с тревожной группой — к месту прорыва.

Выскочив на улицу, увидел пограничников из состава тревожной группы, которые стояли у крыльца, держа под уздцы лошадей.

— По коням! — дал команду и прыгнул в седло.

Серая в яблоках Красотка нетерпеливо перебирала ногами.

— Товарищ лейтенант! — раздался голос старшины Царина. Я оглянулся.

— На подходе к заставе наряд ефрейтора Могильникова! — крикнул Царин. — Возьмите его с собой.

— Хорошо, Григорий Иванович, — ответил я, натянув повод. Красотка дала свечу и рывком вынесла меня за ворота заставы.

«Милый Григорий Иванович! — промелькнула мысль. — Который раз ты своими добрыми советами незаметно исправляешь мои ошибки. Как же я забыл о Могильникове? Сибиряк, потомственный охотник, с детства привыкший к тайге, он прекрасно разбирался в звериных и птичьих голосах, безошибочно читал любые следы. После того как он пять километров без собаки преследовал и задержал нарушителя границы, его на заставе иначе и не называли, как Дерсу Узала. Вот его-то в тревожной группе и не хватало. Молодец, старшина».

Наряд Могильникова мы встретили примерно в километре от заставы.

— Могильников, на коня и за мной! — дал команду и, зная его мгновенную реакцию, пришпорил коня.

Легко преодолев небольшой перевал, Красотка вынесла меня на стык с соседней заставой. Метрах в трехстах увидел пограничный наряд и подлетел к нему. Доклада не потребовалось — на контрольно-следовой полосе сразу увидел цепочку следов.

Спешились. Несколько минут Могильников колдовал над следами, изучал местность возле следовой полосы, затем, вздохнув, доложил:

— Три человека. Шли налегке и ступали след в след. Давность около двух часов. Пошли влево по дозорной тропе вдоль КСП.

— Не может быть, — неожиданно вырвалось у меня.

— Невероятно, но это так, — пытаюсь скрыть обиду, проговорил Могильников.

— Я вам верю, Коля, — примирительно сказал я. — Ведите по следу.

Могильников быстро побежал по тропе. Оставив лошадей коноводам, я с тревожной группой последовал за ним. Могильников иногда останавливался, приседал, осматривал траву рядом с тропой и снова бежал вперед. Примерно через километр мы снова увидели на контрольно-следовой полосе теперь уже три цепочки четких человеческих следов, уходящих в сторону сопредельного государства. Они словно бы говорили: смотрите, мы все ушли обратно!

— Они, товарищ лейтенант, — подтвердил Могильников, — все ушли обратно.

— Странно... — тихо произнес я. — Неужели они нарушили границу только для того, чтобы тут же уйти обратно?! Слушай, Могильников, а может, это наш наряд блуждал.

— Нет. Обувь не армейская и даже не фабричная, а кустарная, на деревянных шпильках.

— Тогда, может быть, местные жители потеряли ориентировку?

— Не похоже, товарищ лейтенант. Эти трое шли уверенно и очень быстро.

Вдруг глаза Могильникова загорелись, а лицо снова стало сосредоточенным.

— Смотрите, товарищ лейтенант, — и Могильников показал рукой на следы.

Я посмотрел, но ничего нового не увидел.

— Смотрите, смотрите, — снова возбужденно заговорил Могильников. — У того края КСП следы поворачивают влево. Не буду Могильниковым, если мы с ними снова не встретимся. За мной, — дал команду Могильников и побежал по тропе вдоль КСП.

Еще не успев ничего сообразить, я почему-то молча повиновался его властной команде и тоже побежал, слыша за собой топот ног остального состава тревожной группы.

Пробежали больше двух километров. Миновали овраг Сташки. Дозорная тропа круто пошла на Козлиную гору — самый кру-

той подъем на участке заставы. Дыхания не хватало. Пот заливал лицо, глаза. Волосы прилипли ко лбу.

Я уже стал сомневаться, правильно ли поступил, побежав за Могильниковым. Не лучше ли было там, на месте, внимательно разобраться в следах и доложить коменданту? Но какая-то неведомая сила влекла меня вперед, и я механически продолжал двигаться за Могильниковым.

Подъем кончился. Облегченно вздохнув, я увидел, что Могильников, почти припав к земле, рассматривает траву вдоль контрольно-следовой полосы. Подбежал к нему — неприятный холодок пробежал по всему телу: снова те же три цепочки человеческих следов! Но теперь они шли в нашу сторону.

— Опять они, — поднимаясь и тяжело переводя дыхание, выдохнул Могильников. — И все тот же прием — снова пошли вдоль КСП... Побежали, товарищ лейтенант.

— Давай, давай, Могильников.

Теперь уже не было сомнения, что мы имеем дело с ухищренным нарушением границы. Тревога прибавила силы, и бежать стало несколько легче.

Быстро спустились в лощину и подбежали к ручью, пересекавшему границу. Прозрачная вода весело журчала по каменистому руслу. Могильников с ходу перемахнул на противоположный берег и стал внимательно рассматривать траву, кусты и даже прощупывать пальцами дозорную тропу. По тому, как хмурились его брови, нервно подергивалась правая щека, я понял: следов нет.

В это время мое внимание привлек большой плоский камень на дне ручья. Буро-зеленая тина на нем местами была сорвана, и ее клочья болтались у края камня по течению ручья.

— Могильников, ко мне!.. Смотри!.. — и я показал на камень.

Пройдя вверх по ручью, мы обнаружили еще в нескольких местах сорванную тину.

— К нам в тыл, товарищ лейтенант, — сделал вывод Могильников. — Только шел один человек... Что будем делать?

— Вернемся к КСП и еще поищем там, — уверенно произнес я, и то, с какой готовностью Могильников направился к КСП, свидетельствовало о том, что он одобрил мое решение.

Следы двух нарушителей обнаружили быстро — по ручью они вели на сопредельную сторону. Значит, в тыл пошел один человек. Может ли быть такое? Рискнет ли он идти один? И зачем тогда его сопровождали те двое? Множество вопросов, но ответ на них может дать только задержанный нарушитель границы.

— Коля, давай вперед... На тебя теперь вся надежда, — не столько приказал, сколько попросил я.

И снова непрерывный бег. Мигунов бежал впереди, на ходу просматривая кусты и траву по берегу ручья. Только в одном месте, где образовалась большая заводь, он остановился и показал на дно. Оно было покрыто густым слоем ила, на котором глубоко и достаточно четко отпечатались след человека.

Огибая сопку, ручей шел дальше параллельно границе на левый фланг участка заставы. До моего сознания наконец стал доходить смысл всего хитросплетения следов и замысел нарушителей границы. Их расчет оказался настолько прост, что меня даже покорило: отвлекая первыми следами силы заставы на правый фланг, они создавали условия для прорыва через границу одному из нарушителей на открытом левом фланге. И были близки к цели, так как изменить уже ничего невозможно. Старшина Царин все наличные силы заставы использовал накрытие правого фланга. И перебросить их на левый фланг уже невозможно — время безвозвратно утеряно.

Я в бессилии заскрипел зубами. Что делать? Надежда только на тех, кто со мной, и особенно на Могильникова.

«Но есть еще резерв комендатуры, — подумал я. — Как же я забыл об этом».

И, не прекращая преследования, отправил двух человек с донесением на заставу. Нас осталось четверо. Ничего, на одного нарушителя хватит! Быстрее вперед! Посмотрел на часы — заканчивался третий час с того момента, как мы обнаружили первые следы.

Могильников остановился. Подбежав к нему, без труда увидел место, где нарушитель выходил из ручья, а немного поодаль увидел и лежку человека.

— Выкручивал портянки и отдыхал, — сказал я, показывая на еще сохранившееся мокрое пятно.

— Нет, товарищ лейтенант, — не согласился Могильников, — не отдыхал, а ожидал.

— Кого? — удивленно спросил я.

— Тех троих, чьи следы от границы идут сюда, — присев и показывая в сторону границы, проговорил Могильников. — Вот смотрите, видите три пунктирные линии чуть потемнее остальной травы?

— Кажется, вижу, — присев рядом и внимательно присмотревшись, сказал я. — Но почему три?.. У ручья на ту сторону ушли два человека...

— Значит, прихватили еще одного, которому не надо было рисковать до этого, — хмуро ответил Могильников.

Фронтальной разведчик, награжденный двумя орденами Славы, он прекрасно понимал, что силы численно выравнялись, но преимущество внезапности — на стороне нарушителей.

— А вы твердо уверены, что следы идут сюда, а не в сторону границы? — как можно мягче спросил, чтобы не обидеть.

— Если бы они шли в сторону границы, то в зависимости от расположения солнца были бы светлее остальной травы... Что будем делать, товарищ лейтенант? Отсюда до границы около двух километров. На движение туда и обратно да на проверку КСП в общей сложности уйдет около часа.

— Нет, такое время нам терять нельзя. И так уже потеряно много, очень много, — с горечью произнес я. — Вперед, только вперед.

Солнце поднялось уже достаточно высоко. Роса, высыхая под его теплыми лучами, поднимала примятую чужими сапогами траву, и Могильникову все труднее становилось отыскивать следы. Он то убегал вправо и, низко наклоняясь, осматривал траву против солнца, то влево — и осматривал ее по солнцу, затем снова устремлялся вперед. Гимнастерка его почернела от пота, а под лопатками белыми полукругами выступила соль.

Наконец следы привели в лес, который встретил пограничников освежающей прохладой и какой-то особой настороженностью. А может, это сработали собственные предохранительные чувства... Вот и Могильников передвинул автомат стволом вперед, его движения стали резче и динамичнее. Правильно! Разумная осторожность ценнее безрассудной храбрости.

Вопреки моим опасениям Могильников в лесу шел по следу увереннее, чем на открытой местности. Да и нарушители, очевидно считая себя уже в безопасности, наследили больше, чем на косогорах.

Начался спуск в глубокую падь, по которой протекал ручей. На его сыром песчаном берегу Могильников наконец увидел четкие отпечатки четырех человеческих следов.

— Наконец-то! — обрадовался он, ведь до сих пор шел по следам почти вслепую. — Четыре отпечатка, товарищ лейтенант!.. Три уже знакомых, а вот четвертый, пожалуй, зверь покрупнее. Обувь добротная, фабричная, с подковками на каблучках. Видно, западное производство... Так вот почему они его бергли, товарищ лейтенант.

— Вперед, Коля, вперед! Не будем задерживаться, — попросил, уже понимая, что мы вступили в схватку с хитрым, коварным и сильным противником.

И снова подъемы, спуски, подъемы и непрерывный изнурительный бег. Точнее, уже даже не бег, а механическое передвижение непомерно тяжелых ног. А вокруг — зловещий сырой полумрак, готовый в любую минуту взорваться грохотом автоматных очередей.

Пусть уж будет и это, лишь бы скорее наступила развязка. Ничто так не изматывает человека, как томительное ожидание чего-то решающего или опасного.

А силы уже были на исходе. Посмотрел на Могильникова, на остальных ребят — с ними было то же самое... И все же вперед, только вперед.

Наконец вокруг посветлело. Между поредевшими кронами деревьев засияло яркое солнце. Лес кончился, впереди показалось поле, по которому пролегалась дорога. Так это же дорога из Устрик Дольных в село Бандрыв Коленя.

«Сколько же мы пробежали? — мелькнула мыслишка. — От границы сюда минимум пятнадцать да по границе пять... Двадцать! Без отдыха, без передышки».

Вдруг Могильников словно споткнулся и, падая на землю, показал рукой вперед. Посмотрев в ту сторону, я увидел несколько темных пятен. Рядом с одним мелькнул солнечный зайчик. Оружие!

— Ложись! — скомандовал я и сам упал на землю.

Секунда, вторая, третья, пятая. Тишина. Пока я прикидывал, как действовать в невыгоднейших условиях, на пригорке выросла фигура человека. Несколько взмахов рукой — условный сигнал. Свои!.. Поднявшись, дал ответный сигнал и медленно пошел вперед. За мной последовала тревожная группа.

На пригорке располагался заслон из резерва комендатуры, выставленный уже после того, как нарушители границы прошли этот рубеж. Значит, на их пути пограничников больше нет. И виновником безнаказанного нарушения границы являюсь я. А был бы Сит — этого бы не случилось.

— Давно заняли рубеж, — спросил у пограничника.

— Около часа, товарищ лейтенант, — ответил улыбающийся простодушный ефрейтор.

— Кто старший?

— Комендант участка, — ответил ефрейтор. — Да вот он и сам идет.

Я уже увидел приближающуюся группу пограничников. Впереди шел капитан Якушин, за ним два инструктора с розыскными собаками. Выражение лица капитана не предвещало ничего хорошего.

— Ну, что? Прошляпили сначала овчарку, а потом, пш-ш-ш, нарушителей границы? Так надо вас понимать, да? — строго спросил капитан Якушин.

Я молчал. И от усталости, и от злости на самого себя.

— Кстати, что вы здесь делаете? — вдруг дошел до моего сознания новый вопрос капитана Якушина.

— Как что?.. Идем по следу четырех нарушителей границы, — тихо проговорил я, боясь посмотреть коменданту в глаза.

— По следу?.. По какому, простите, следу вы можете идти без собаки в двадцати километрах от границы?

— По следу нарушителей границы, товарищ капитан, — несколько бодрее ответил я.

— А вы случайно того, пш-ш-ш, не фантазируете, молодой человек?

— Никак нет, товарищ капитан. Мы действительно идем по следу четырех нарушителей границы, — уверенно прозвучал голос Могильникова рядом со мной. — Я ведь, почитай, с пеленок хожу по следам, товарищ капитан.

Капитан Якушин уже знал Могильникова как отличного следопыта и, увидев его, преобразился.

— Обождите, обождите... Вы в самом деле идете по следу?.. Без собаки... Двадцать километров?! Так что же вы сразу, пш-ш-ш, Анатолий Антонович...

Глаза капитана заблестели, действия стали энергичными, команды четкими. И вот уже первая группа пограничников с розыскными собаками, взявшими след, со свежими силами готова рвануться вперед.

— А вы, Анатолий Антонович, следуйте к себе на заставу, — отдал распоряжение комендант.

— Как же так, товарищ капитан, столько прошли, а теперь на заставу?!

— Вот именно, столько прошли!.. Выполняйте!

— Товарищ капитан!..

— Это приказ! — твердо сказал капитан Якушин и побежал за своими поисковыми группами.

«Ничего не поделаешь... Придется выполнять», — подумал я и двинулся на заставу. Теперь, когда нервное напряжение спало, снова почувствовал страшную усталость и, отойдя кило-

метра на два от места встречи с капитаном Якушиным, на перевале хребта Жукова сделал привал.

С высоты хребта взгляду открывался широкий простор, и необычайная красота Карпат в который уже раз поразила меня. Казалось, передо мной лежала не долина, а огромный ковер, простирающийся на десятки километров. По краям, по склонам гор, он был темно-зеленым от хвойных деревьев, ближе к центру отливал светлой зеленью буков и грабов, а в центре, в самой долине, бело-розовыми букетами цвели фруктовые сады.

Чистый воздух и первозданная красота Карпат подействовали успокаивающе и мысленно понесли меня в далекое, но милое сердцу село на Харьковщине, где прошло безоблачное детство...

Очнувшись от воспоминаний, посмотрел на пограничников, которые спали глубоким сном, особенно Могильников, которого я взял прямо с ночной службы. И только часовой, стоявший в сторонке, внимательно смотрел вокруг.

Остаток пути к заставе прошли молча. Сказывалось чувство незавершенности большого труда и неизвестности. А при подходе к заставе совсем замедлили шаг. И не только потому, что чертовски устали, но еще и потому, что стыдно было возвращаться ни с чем.

Каково же было наше удивление, когда увидели во дворе заставы всех свободных от службы пограничников, а в центре стоял старшина Царин. Лица у всех сияли.

— Товарищ лейтенант! Мы поздравляем вас с успешным преследованием и уничтожением четырех прорвавшихся через границу нарушителей, — вместо доклада, в торжественной тишине произнес старшина Царин.

— Вы что, серьезно или шутите, Григорий Иванович? — растерянно спросил я.

— Какие могут быть шутки, товарищ лейтенант? Сам комендант звонил. Нарушителей обнаружили в семи километрах от места встречи с вами, прямо в схроне, севернее села Бандрыв Коленя. Сдаваться отказались, поэтому их уничтожили гранатами прямо в схроне. Капитан Якушин сказал, что главная заслуга в этом — ваша. Так что принимайте наши поздравления.

От теплых слов, от солдатских улыбок стало приятно на душе. Казалось, что даже заходящее солнце весело улыбается мне.

«Только ты, Григорий Иванович, можешь так просто, так по-человечески здорово поднять настроение, — подумалось мне. — Только ты, дорогой мой человек».

После приема поздравлений я повернулся к Могильникову. — Спасибо тебе, Коля, — тепло произнес я, обнимая Могильникова. — Ты выдержал тяжелейшие испытания и одержал победу.

— Что вы, товарищ лейтенант. Если бы не вы — не выдержал бы я. Одно время совсем было не вмоготу, а посмотрю на вас — и снова силы появляются.

Через месяц нас вызвали в управление Украинского пограничного округа. Были на приеме у начальника войск округа генерал-майора Никифорова. Могильникову вручили медаль «За боевые заслуги», а мне именные наручные часы. Это были первые наручные часы в моей жизни. До этого я имел карманные часы — отцовский подарок.

А за Сита все же удержали из моей зарплаты полную стоимость.

Потеря друга

Возвратившись утром с границы, я лег на кровать, стоявшую в канцелярии заставы, в надежде немного отдохнуть. Но не успел я закрыть глаза, как раздался телефонный звонок. Взяв трубку, я услышал голос своего закадычного друга, Миши Лунина. На шесть лет старше меня, прошедший через всю войну, награжденный орденом Славы, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалью «За отвагу», он был сгустком неумемной энергии, благодаря чему во всех наших помыслах и поступках, как правило благородных, был инициатором.

Познакомились мы с ним на пересыльном пункте в начале 1945 года, когда он скрутил огромного верзилу, пытавшегося стащить с меня новенькие кирзовые сапоги, которые я получил всего несколько дней назад по окончании снайперской школы, и отвел его к начальнику пересыльного пункта. После этого он был инициатором написания рапортов с просьбой отправить как можно быстрее на фронт, так как он еще не рассчитался с фашистами за то, что они расстреляли его отца, мать и маленькую сестренку. А нас отправили в Харьковское общеобразовательное пехотное училище, которое переводилось на двухлетний курс обучения. Но и там мы писали рапорты с просьбой отправить на фронт. Но добились только одного: нам разрешили сдать экзамены за первый курс обучения и сразу перейти на второй курс. Так что училище мы закончили за одиннадцать ме-

сяцев по двухгодичной программе. Там же, в День Победы, когда нас выпустили из училища без увольнительных записок на сутки, чтобы со всем народом отметить праздник, мы встретили Марийку, у которой отец погиб на фронте, а мать немец изнасиловал, и она наложила на себя руки. Миша и Марийка полюбили друг друга, и через полгода мы сыграли их свадьбу.

— Привет, Толя, — радостно поздоровался Миша. — Можешь меня поздравить — наконец еду в отпуск. Ты представляешь, после четырех лет войны и двух лет службы без сна и отдыха буду целый месяц бить баклуши.

— Поздравляю, Миша, поздравляю, — и я порадовался за него. — Передай низкий поклон Марийке. Небось заждалась мужа... Привезешь ее на заставу?

— Конечно, Толя. Я думаю, что мы больше расставаться не будем никогда.

— Ну, что же, Миша, ни пуха тебе, ни перышка. К черту можешь не посылать, сам догадаюсь. Да... На обратном пути положите букетик цветов на могилку Ани и ее подруг.

— Хорошо, Толя... Мог бы и не говорить... Сами бы догадались.

— Это я на всякий случай. Счастливого пути, Миша.

— До встречи после отпуска.

И встреча состоялась, но какая.

В круговерти событий месяц пролетел, как один день. И я снова слышу голос Миши.

— Привет, Толя, — прозвучал в трубке голос Михаила.

— Здравствуй, Миша, — обрадовался я. — Целый месяц не слышал твоего голоса. Даже соскучился. Ну, как отдыхал?

— Ты даже не представляешь, Толя, что значит месяц отпуска после многолетнего напряженного труда. Впрочем, с комендантом я договорился, он пришлет тебе на подмену старшего лейтенанта Товстика, а ты послезавтра приедешь ко мне, и я все тебе подробно расскажу. Да, твою просьбу мы выполнили. Вместе с Марийкой возложили букетик цветов на могилку Ани. Марийка даже всплакнула. Кстати, передаю трубку.

— Здравствуй, Толя, — услышал я такой знакомый голос Марийки. — Я очень рада, что мы будем рядом. Но хочу увидеть тебя самого

— Ну как тебе Карпаты, Марийка? — вместо того чтобы поздороваться, задал я глупый вопрос.

— Это чудо природы, Толя. По-моему, такой красоты не встретишь больше нигде.

95-й пограничный отряд

Курсант Харьковского общевоинского пехотного училища А. Невара

А. Невара — заместитель начальника 12-й погранзаставы 95-го пограничного отряда

Заместитель начальника 10-й погранзаставы младший лейтенант М. Лунин

Младший сержант Долгополов

12-я погранзастава

Старший сержант Колесников

Ефрейтор Могильников

Младший сержант Горбулев

Помощники начальника
12-й погранзаставы
старшие сержанты,
в последующем старшины
Царин (слева) и Медведев

Ефрейтор Поздняков

Рядовой Коваленко

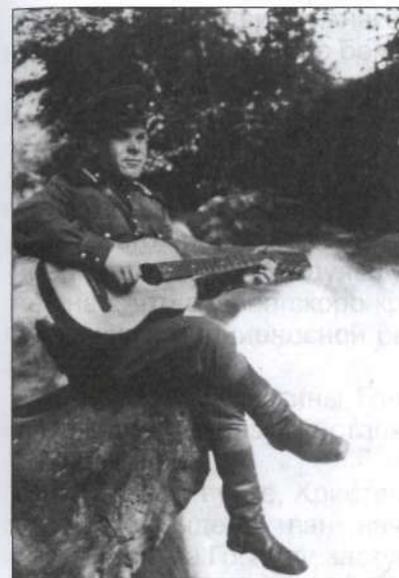

Рядовой Коннов

Рядовые Мацкевич,
Зиновьев, Гвоздев

Рядовые Сахипов и Валлиуллин

Рядовой Калашников

Рядовой Семерня

Ефрейтор Гричениченко и рядовой
Краузовский

Рядовой Князев

Рядовой Довгань

Младший сержант Гусев
и рядовой Евдокимов

Рядовой Скурятин

— Ой, я на радостях забыл даже поздороваться. Здравствуй, Марийка. С приездом тебя.

— Толенька, — прозвучал в трубке веселый голос Марийки. — Мы были у майора — вашего коменданта... Ты знаешь, это прекрасной души человек. Так вот он разрешил тебе послезавтра приехать к нам. Ну, ты же понимаешь, что завтра я буду приводить в порядок Мишину хижину. Так что прошу к нашему шалашу.

— Спасибо, Марийка, обязательно приеду. А как там твой дед?

— Дед цветет, как маков цвет. Безумно рад за свою внучку. Передавал тебе низкий поклон. Ну, пока Толя, до встречи послезавтра.

— До встречи, Марийка, — попрощался я и, положив трубку, стал составлять план охраны границы на следующие сутки.

Закончив составлять план охраны, пошел в курилку, где обычно собирались пограничники перед боевым расчетом. Поговорив о том о сем, незаметно стали петь песни. Вдруг подбежал дежурный и сказал, что меня срочно к телефону зовет начальник штаба комендатуры.

Я прибежал в канцелярию и взял трубку.

— Здравствуй, Невара, — послышался в трубке голос капитана Зубанова. — У тебя все в порядке?

— Так точно, товарищ капитан, — произнес я и попытался доложить по всей форме.

— Тогда поднимай заставу в ружье, — перебивая меня, приказал капитан Зубанов. — Бери с собой двадцать человек и выдвигайся в квадрат двенадцать ноль шесть, где изгиб дороги. На месте сосредоточения быть в девятнадцать часов тридцать минут.

— Что случилось, товарищ капитан? — дрогнувшим голосом спросил я, так как по схеме увидел, что пункт сосредоточения находится в трех километрах от заставы Михаила.

— Не задавай лишних вопросов. Действуй. Время очень дорого, — приказал Зубанов и положил трубку.

Подняв заставу по тревоге и отдав соответствующие распоряжения старшине Царину, я впереди группы из двадцати человек двинулся на место сосредоточения. На подъем идти было тяжело, но когда перевалили через хребет Жукова (кстати, никто мне так и не мог сказать, откуда и когда появилось название хребет Жукова), дорога пошла под уклон и идти стало легче. За десять минут до назначенного времени мы были уже на месте. Там уже находилось около сотни пограничников. Я увидел

коменданта и направился к нему, чтобы доложить о прибытии. Но только я поднял руку для рапорта, майор Якушин обнял меня и тихо, с болью в голосе проговорил:

— Крепись, лейтенант Невара. Крепись, сынок. Нет больше твоего друга Михаила Лунина. Бандиты сделали засаду, убили его, молодую жену и ездового пограничника.

У меня спазм перехватил горло, а сердце, казалось, пропустило два удара. Хотелось кричать: «Да что же это такое? Почему Мишу и Марийку? Ведь они сироты и только-только нашли свое счастье. За что же их?»

Подошел заместитель коменданта по разведке и доложил, что заставы готовы к прочесыванию леса.

В течение суток мы прочесали лес вдоль и поперек, но банда как в воду канула.

Хоронили погибших на следующий день в городе Добромиле в скверике, рядом с могилкой Ани и ее боевых подруг.

Меня на заставе подменил из комендатуры старший лейтенант Товстик, и я всю гражданскую панихиду простоял у гробов Миши и Марийки, глотая слезы и думая свою горькую думу: «Нет больше Ани, нет Миши с Марийкой. Нет больше дорогих моему сердцу друзей юности. Остался я один на один со своей судьбой».

Через два дня пришел приказ о присвоении мне звания старшего лейтенанта. Но потеря друзей подействовала на меня так, что я воспринял это сообщение почти безразлично.

Боевые операции

Операции, операции... Боевые операции. Сколько их было проведено на участке пограничного отряда за три года?! Особенно после того, как сотня Бира, приняв в свой состав остатки разгромленных сотен Хрина и Стаха общей численностью до 100 человек, в ночь с 29 на 30 июня 1947 года перешла с территории Польши на территорию СССР.

Но особенно запомнилась одна.

Совещание офицеров пограничного отряда по ликвидации остатков сотни Бира проходило под руководством офицера штаба пограничного отряда майора Старченко. И чем больше говорил он, тем мрачнее становилось лицо майора Якушина, так как третьей комендатуре отводилась второстепенная роль в разгроме сотни. Хотя сведения о численно-

сти и месте нахождения сотни Бира были получены майором Якушиным. Я доподлинно знал об этом, так как лично обеспечивал охрану майора Якушина при его встрече с бывшим уполномоченным райотдела милиции, недавно ушедшим в банду, Грайвороном.

В целом же совещание было коротким, конкретным и деловым.

— В операции примут участие два взвода маневренной группы, три заставы боевого обеспечения комендатур и от каждой заставы по боевой группе численностью по пятнадцать человек во главе с офицером, — излагал замысел операции майор Старченко. — Будет почти пятикратное наше превосходство над сотней. Надеюсь, что это поможет избежать потерь с нашей стороны или хотя бы свести их к минимуму.

После этого Старченко внимательным взглядом обвел присутствующих и медленно проговорил:

— Но в район боевой операции общей колонной двигаться не будем. О такой колонне сразу станет известно Биру от своих пособников из местных жителей. Командиры боевых групп, получите карты с указанием маршрутов выдвижения, рубежей заложения заслонов и кратким изложением боевой задачи. Внимательно изучите карты. Если что неясно, будем уточнять.

Я посмотрел внимательно на свою карту и понял, что база сотни Бира находится в тылу моего участка в семи-восьми километрах от границы. Движение от заставы до места операции займет примерно полтора часа, а по плану отводилось два. Поэтому никаких вопросов у меня не возникло.

— Так как расстояния от застав до места операции различные, — продолжал майор Старченко, — а все заставы должны прибыть на рубеж в одно время, время «Ч» для каждой заставы будет передаваться отдельно, по сигналу «Буран — три пятерки». В пути следования радиосвязь категорически запрещается. А вот по прибытии на рубеж по рации передаете на командный пункт трижды точку и тире. Получив в ответ три единицы, передаете три цифры, указанные у вас на картах. Наконец последнее: живым ни одного бандита не брать.

— А если кто поднимет руки? — пораженный услышанным, спросил я.

— Что вы сказали, старший лейтенант? — спросил Старченко.

— Я говорю, — поднимаясь и более внятно произнес я, — если бандит бросит оружие и поднимет руки, тогда что?

— Вы совсем еще наивны, старший лейтенант, — повисив голос, медленно произнес Старченко. — И, очевидно, не знаете изуверств этих нелюдей. Вы не видели звезд, вырезаемых ими на груди, удавок на шее изуродованных ими тел. Иначе бы вы такой вопрос не задавали, а нажимали бы на спусковой крючок автомата.

Пока я раздумывал, что сказать в ответ майору Старченко, раздался голос майора Якушина:

— Вы зря, товарищ майор, обидели старшего лейтенанта. Он видел, пш-ш-ш, и звезды, вырезанные на груди, и удавки... Более того, от рук бандитов погибли его близкие друзья.

— Садитесь, майор, мы с вами потом поговорим, наедине.

— Нет, зачем же наедине, — вспылил Якушин. — Этот разговор мы должны продолжить сейчас. Да, изуверства бандеровцев не знают пределов. На то они и бандиты. И законы для них не писаны. Но мы-то живем и действуем по законам. И для нас убийство безоружного человека является преступлением. Я не хочу, чтобы мои подчиненные совершали уголовные преступления.

— Ну, хватит, майор Якушин. Я думаю, вы все сказали, — с сарказмом произнес Старченко.

— Да, пш-ш-ш, все. В заключение хотел лишь...

— Заключать буду я, майор Якушин, — перебил его Старченко. — Да, по закону мы должны сделать оклик «стой», затем дать предупредительный выстрел вверх, и если враг не сдастся, уничтожить его. Так вот, майор Якушин, пока пограничники будут соблюдать предупредительные меры, бандиты их перестреляют, как куропаток. И то, в какой очередности будут осуществлять эти правила наши офицеры, пусть останется на их совести.

— Но совесть должна быть чиста, — не выдержал майор Якушин. — Только тогда спокойно спится.

— Я нахожусь здесь не для того, чтобы спать, а должен бороться с врагом моего народа, — медленно и жестко произнес Старченко. — А враг моего народа — это и мой личный враг. И совесть моя станет только чистой, когда на этой земле не останется ни одного врага моего народа... Иначе тяжелым бременем будут для меня кровь и слезы невинных людей, убитых и растерзанных бандеровцами.

В зале наступила гробовая тишина. Каждый по-своему переосмысливал слова, произнесенные майором Старченко. Действительно, изуверства бандеровцев не знали пределов. И многие офицеры жаждали мести.

«И все же мне непонятно, — подумал я, — почему я должен стрелять по человеку, который поднял руки, даже если он бандит. Майор Якушин прав: такие действия надо рассматривать как уголовные преступления».

В моей душе появилось чувство антипатии к майору Старченко, хотя тогда я еще не знал, какую роковую роль он сыграет в будущем в моей судьбе.

Возвратившись после совещания на заставу, я сразу же приступил к подбору и подготовке боевой группы.

Проверив оружие, боеприпасы, индивидуальные пакеты и санитарную сумку, тщательно проинструктировав пограничников боевой группы, приказал им немедленно ужинать и ложиться спать. Сам пошел в комнатку и прилег на кровать. Перед глазами поплыли печальные картины боя. И тут я вспомнил поговорку, которую недавно где-то вычитал: «Печаль — как море, можно утонуть». Силой воли заставил себя расслабиться. Тело стало почти невесомым, и через несколько минут я провалился в глубокий сон.

Как ни крепко я спал, а проснулся от легкого прикосновения к плечу. Это был старшина Царин.

— Товарищ старший лейтенант, — тихо произнес он, — из комендатуры поступил сигнал «Буран — три пятерки».

— Поднимай боевую группу в ружье, Григорий Иванович. Я сейчас.

Быстро одевшись, посмотрел на часы: ровно два часа ночи, 4 февраля 1947 года.

Через несколько минут боевая группа уже двигалась за мной цепочкой в кромешной тьме вдоль опушки леса. Миновали окраину села Лобизва, растянувшегося по долине на несколько километров, на западной окраине которого стояла застава, и вышли на проселочную дорогу. Дорога, извиваясь, шла по долине между хребтом Жукова и горой Явор.

При подходе к селу Телешница Ошварова снова пришлось свернуть на склоны хребта Жукова, чтобы обойти село и ни с кем не встретиться.

Наконец вышли к отметке 746,0 с тригонометрическим знаком. Начиналось мелколесье. Здесь по плану операции и должен располагаться мой заслон.

Наградные наручные часы показывали без пятнадцати четыре. Забросив на ель антенну, я передал на командный пункт трехзначное число и получил подтверждение. Значит, там уже знают, что мой заслон занял боевой рубеж.

Уточнив на местности границы рубежа заслона, поставил пограничникам боевые задачи, и они, используя различные укрытия, стали оборудовать свои боевые позиции, тщательно их маскируя. Я же занялся организацией взаимодействия с соседями...

Небо на востоке посерело. Лес постепенно наполнился перезвоном птичьих голосов. Мать-природа просыпалась от ночного сна.

За дальними отрогами хребта Жукова появилось солнце, окрасив горизонт в ярко-багровый цвет. Вдруг на фоне багрового восхода взвились одна за одной три красных ракеты. И в этом было, с одной стороны, что-то сказочное, а с другой — что-то зловещее.

Не успела погаснуть последняя ракета, как раздались короткие автоматные очереди. И с каждой минутой напряжение боя все нарастало.

И сразу же все вокруг изменилось. Даже птицы умолкли, и лес казался каким-то хмурым, неприветливым и таинственным.

Бой на востоке то утихал, то разгорался с новой силой. Пограничники словно замерли и внимательно всматривались в редколесье.

С началом боя у меня внутри словно что-то перевернулось. Какофония автоматных очередей и взрывов гранат как бы повернула время вспять. Я снова почувствовал себя в начале сорок пятого, со снайперской винтовкой в руках.

Но ведь война закончилась почти три года назад! Так неужели рек крови, пролитой на той войне, оказалось недостаточно для того, чтобы люди жили, наконец-то, без войн и насилия. Почему же снова льется кровушка людская. Зачем? Кому это нужно?.. Неужели тем простым мужикам, одетым в старую домотканую одежду и истоптанные постолы, которые сейчас умирают под градом пуль, изрыгаемых автоматами? Конечно же нет! Тем более это не нужно парням в зеленых фуражках, на теле которых еще не до конца зарубцевались раны, полученные на той большой войне.

И все же кому-то это нужно. И этот кто-то такой могущественный, что может играть судьбами и жизнью сотен, а то и тысяч людей. Но этот кто-то не имеет осязаемого человеческого облика, а следовательно, бессердечен и оттого жесток. Полный ужаса предсмертный крик и кровушка людская для него ничего не значит. И имя ему — интерес! Интерес тех, кто сам кровь

не проливает, но кровно заинтересован в этом убийственном и бесчеловечном процессе.

Интенсивность боя наконец-то спала, и только кое-где слышались одиночные выстрелы и короткие автоматные очереди.

В бинокль я вдруг заметил какое-то движение в дальнем редколесье. Темные пятна то появлялись, то снова исчезали. Наконец я понял, что это короткими перебежками передвигались люди.

— Приготовиться к бою, — передал я команду по цепи. — Еще раз напоминаю: в безоружных или поднявших руки — не стрелять!

И вот из зарослей кустарника прямо на мою заставу выскочили трое. Когда до бегущей тройки оставалось метров пятьдесят, я достаточно громко скомандовал:

— Стой, руки вверх! Бросай оружие! — и дал короткую очередь из автомата вверх!

Усатый детина, бежавший первым, вскинул автомат, и пули веером засвистели над головами пограничников, защелкали по веткам деревьев. Кто-то ойкнул и тихонько застонал. В ту же секунду я, выровняв прицел, нажал на спусковой крючок автомата. Детина, словно споткнувшись, остановился, поднял лицо кверху, будто решил в последний раз посмотреть на небо, и, медленно сгибаясь, опустил на землю.

Второй бандит, дав короткую очередь, бросился в сторону соседней заставы, но успел пробежать всего несколько метров. На нем скрестились автоматные трассы, и он рухнул как подкошенный.

Третий же, еще юнец, сначала резко остановился, бросил карабин на землю, поднял руки и словно прирос к земле.

Когда же по команде он наконец подошел к пограничникам, я был поражен — мне показалось, что ему было не более шестнадцати лет, а может, и того меньше. Грязный, оборванный, с желтизной на впалых щеках и пушком на верхней губе, он, скорее, походил на гадкого утенка, а не на борца за «самостийну Украину». И все же я, на всякий случай, приказал связать ему руки и выделил для охраны пограничника.

А по всему рубежу заслонов уже гремел бой. Бандиты, встретив сопротивление на водоразделе хребта Жукова, бросились врассыпную, надеясь где-нибудь вырваться из окружения, и кое-кому это удалось. Наконец бой постепенно затих.

Посыльный от коменданта пограничного участка передал мне приказание майора Якушина оставить на рубеже старшим

старшину Медведева, а мне с пятью пограничниками, в том числе с Могильниковым, как можно быстрее прибыть к нему.

— Тут вот какое дело, пш-ш-ш, Анатолий Антонович, — сказал майор Якушин, когда я доложил ему о прибытии, — собак у нас нет, а нужно идти по следу. Но лучшего следопыта, чем ефрейтор Могильников, у нас тоже нету. Надеюсь, вы его взяли с собой.

— Так точно, товарищ майор, — ответил я, еще не понимая, что произошло.

— От и добре. Я знал, что вы Могильникова возьмете с собой. Поэтому и снял вас с заслона. Пошли, время не ждет. — Через несколько минут мы уже были в глубокой пади. Бой в основном закончился. Лишь изредка вдалеке слышались короткие автоматные очереди.

— Вот заканчивается подземный ход из схрона, — майор Якушин показал еле заметную расщелину, заросшую кустарником. — Несколько человек в ходе боя воспользовались этим лазом и убежали.

— Три человека, товарищ майор, — раздался голос ефрейтора Могильникова, который уже понял свою задачу и приступил к изучению следов.

— Ну вот, это уже неплохо, — констатировал Якушин. — Всего три человека. Значит, у вас, Анатолий Антонович, двойное, пш-ш-ш, превосходство. Но преимущество внезапности на их стороне. Следовательно, на рожон, сын мой, не лезьте. Если что, сразу открывайте огонь на поражение. Эти будут драться до последнего патрона.

— Все понял, товарищ майор. Разрешите выполнять?

— Выполняйте, Анатолий Антонович. Желаю вам удачи.

— Могильников, вперед, — дал я команду. — Остальные за мной!

Могильников по свежим следам шел свободно, почти не останавливаясь. Поэтому темп движения был предельный.

Минут через сорок впереди, по ходу движения, пророкотала автоматная очередь. Могильников мгновенно остановился.

— Метров триста, — тихо сказал он мне.

— Хорошо. Давай, Коля, тихо вперед, но будь осторожен.

Через несколько минут раздалась вторая очередь. Теперь уже совсем рядом. Жестами я дал команду боевой группе окружить место предполагаемого нахождения автоматчика, а сам с Могильниковым потихоньку двинулся вперед. Вскоре мы увидели и автоматчика. Могильников вскинул автомат, чтобы дать очередь, но я остановил его. В бандите я узнал бывшего

уполномоченного милиции, ушедшего в банду, Грайворона, с которым за несколько дней до операции встречался на опушке леса майор Якушин, а я рядом в кустах обеспечивал его безопасность.

Чтобы предупредить остальных, громко крикнул:

— Не стрелять!

Услышав мой голос, Грайворон бросил на землю автомат и поднял руки.

— Сколько вас, Грайворон? — громко спросил я.

— Живой я один, товариш лейтенант, — ответил он.

Я вместе с Могильниковым, который, недоумевая, продолжал держать автомат наизготовку, направился к нему.

Подойдя к Грайворону, я увидел два трупа. Один распластался у сосны лицом вверх, другой — лицом вниз, неестественно скрючившись. Грайворон продолжал стоять с поднятыми руками.

— Опустите руки, Грайворон. Кто они? — показывая на трупы, спросил я.

— Що у сосны лежить, Стах — приближенный самого Бира. А цэ — провидный районного провода ОУН Гайда.

— Кто же их? — пока еще ничего не понимая, спросил я.

— Я, — тихо ответил Грайворон.

— Идите к ребятам покурите, — сказал я Могильникову.

— Вони хотили уйты за кордон, — продолжал говорить Грайворон. — Кроме того, я Гайде отомстыв за смерть моего отца.

— Спасибо тебе, Грайворон, — пожимая ему руку, сказал я. — Ты отомстил не только за своего отца, но и за моих самых дорогих друзей... Но что же мне с тобой делать?

— Возьмете с собой? — в свою очередь спросил Грайворон.

— Да нет, тебе сейчас туда нельзя, — немного подумав, ответил я. — В горячке могут не разобраться... Вот что, у тебя встреча с майором Якушиным назначена?

— Да. После операции. Якщо останусь живым.

— От и добре, — по-якушински произнес я. — Тогда иди, раз остался жив, приходи на встречу с майором.

Когда Грайворон скрылся в лесу, я приказал своей боевой группе делать из веток волокуши, чтобы перетащить трупы к месту нахождения штаба операции.

Через полтора часа мы были уже на месте. Я доложил майору Якушину о выполнении задания и подробно рассказал о Грайвороне.

И если в начале доклада лицо его было мрачным, даже каким-то серым, то когда до конца рассказал о Грайвороне, оно несколько повеселело.

— От и добре, Анатолий Антонович. Трупы положите рядом, — и он показал на два десятка трупов, лежащих на краю уже вырытой ямы. — А то, что взял на себя ответственность и отпустил Грайворона, так это, пш-ш-ш, совсем здорово! Не дай бог, привел бы сюда...

Когда я подошел к пограничникам, которые подтащили трупы Стаха и Гайды к яме и положили скраю других бандеровцев, меня словно током ударило: самым крайним лежал тот юнец, которого задержал мой заслон. Глаза у него были открыты, словно он глядел с укоризной на живых.

«Как же так? Почему он мертв? Что случилось?» — забурлили в голове мысли. Я направился к майору Якушину.

— Товарищ майор, там юноша... которого мы задержали... Почему?..

— Майор Старченко... Построил взвод маневренной группы и... Их было двенадцать... И всех... В том числе и юношу, — снова мрачней, медленно, почти речитативом проговорил Якушин. — Когда я прибежал, было уже поздно. Это же... Это же варварство... Ни в какие рамки... Вопиющее беззаконие.

Дальше говорить он уже не мог. Голос его от негодования сорвался. Я же с трудом поверил в то, что услышал. И только потому, что сказал мне об этом майор Якушин.

— Да, вот еще что, — немного успокоившись, сказал он. — Строго-настрога прикажите своим ребятам: кто бы ни спрашивал, отвечать, что в коротком бою убили двух бандитов. Про Грайворона — ни слова.

— Понял, товарищ майор, — ответил я и пошел к своим пограничникам.

Мы еще неделю прочесывали близлежащие леса. Было несколько боевых столкновений с мелкими группами немецко-украинских националистов, как было тогда принято их называть, так как они были вооружены и оснащены немцами, да и готовили их немецкие инструкторы. Было убито еще несколько бандеровцев.

Наконец 11 февраля я возвратился на заставу, до предела уставший. Отдав распоряжение старшине Царину дать пограничникам, которые были со мной, сутки отдыха, сам завалился спать.

А через месяц я узнал, что майора Старченко, за расстрел без суда и следствия двенадцати бандеровцев, судом приговорили к двум годам лишения свободы — условно, учитывая его мужество и отвагу.

А майора Якушина, дорогого и близкого мне человека, за то, что «вынес мусор из избы», под предлогом слабого здоровья перевели в конвойные войска. И я остался без близких мне людей, один на один со своей судьбой.

А еще через месяц на заставу прислали нового начальника — капитана Бочарова Ивана Филипповича, прошедшего через всю войну и несколько раз раненного.

Я стал заместителем начальника заставы по политической части. А заместителем по боевой подготовке прислали старшего лейтенанта Яшу Завирюху. Должности же помощников начальника заставы были упразднены, хотя старшины Царин и Медведев еще долго исполняли эти обязанности.

А в связи с несколькими ранениями капитана Бочарова и хорошим знанием мною участка заставы на боевые операции в основном ходил я.

Право выбора

Постепенно многие мои однокашники по училищу стали продвигаться по службе. Я же, хотя и характеризовался положительно, и заставка, где я был секретарем комсомольской организации, была удостоена Почетной грамоты ЦК ВЛКСМ, продолжал служить в одном и том же качестве. Сам себе объяснял это тем, что все мои однокашники на пять-семь лет были старше меня. Поэтому думалось: «Молодой, дескать, еще успеется». И все же маленький червячок неудовлетворения стал иногда появляться в душе. Особенно после того, как привез на заставу молодую жену.

Но вот и мне пошел двадцать пятый год. Позади остались тысячи дозоров по границе, тысячи тревог. Наконец и меня пригласили в пограничный отряд на собеседование по вопросу выдвижения. Собеседование проходило в кабинете начальника штаба пограничного отряда подполковника Малышева. При этом присутствовали начальник политотдела пограничного отряда подполковник Касперович и заместитель начальника пограничного отряда по разведке подполковник Кузнецов.

Беседа проходила в доброжелательном тоне, в основном об успехах заставы, на которой служил, и мое настроение посте-

пенно улучшалось, хотя я и не понимал, зачем присутствует заместитель начальника отряда по разведке.

— Не кажется ли вам, Анатолий Антонович, — наконец, улыбаясь, произнес подполковник Касперович, — что вы засиделись на пограничной заставе?

— Так это же зависит только от вас, товарищ подполковник, — ответил я как можно спокойнее, хотя в душе запели свирели.

В последнее время жена стала частенько возникать с вопросами, когда наконец кончится ее одиночество? Мало того, что она единственная женщина на заставе, так еще и спит по ночам чаще с автоматом и гранатами, чем с мужем.

— Вот мы и пригласили вас по вопросу перевода в пограничный отряд, — все так же с улыбкой сообщил подполковник Касперович. — А вот на какую должность — это зависит от вас.

— От меня? — удивился я.

— Да-да, только от вас, так как у нас вам два предложения. Первое — Москва запросила кандидатуру в резерв выдвижения на должность помощника начальника политотдела отряда по комсомольской работе. Вы несколько лет работали секретарем комсомольской организации пограничной заставы. И работали неплохо. Вот вам и карты в руки.

— А как долго ждать назначения, находясь в резерве? — робко поинтересовался я.

— От нескольких месяцев до года. Не больше, — твердо заявил подполковник Касперович.

— А второе какое предложение? — с некоторой долей разочарования спросил я, внешне стараясь скрыть это от начальника политотдела.

— Второе вам изложит подполковник Кузнецов, — вмешался в беседу начальник штаба подполковник Малышев.

И я уже более заинтересованно посмотрел на начальника разведки пограничного отряда.

— Тут вот какое дело, Анатолий Антонович, — медленно, словно в раздумье, начал подполковник Кузнецов. — Бывший комендант вашего участка майор Якушин, уезжая из отряда, написал рапорт с ходатайством о переводе вас в разведывательное отделение отряда. При этом он вас называл приемным сыном. Вы знаете об этом?

— Впервые слышу, — ответил я, приятно удивленный. — Хотя майор Якушин иногда называл меня сыном. Говорил, что я похож на его сына, погибшего в годы войны под немецкими

бомбами. Но и думал, что он называет меня так потому, что мы все называли его батей.

— И все же, насколько нам известно, он к вам благоволил больше, чем к другим.

— Ссылаясь на разоблачение участкового уполномоченного Грайворона как бандпособника и на ваш аналитический, как он выразился, ум, майор Якушин настоятельно рекомендовал перевести вас в разведку, — подключился к беседе и начальник штаба подполковник Малышев.

— Но какое бы предложение вы ни выбрали, нужно ваше согласие.

Для меня все это было так неожиданно, что я растерялся и не знал, что ответить. На ум пришла пословица: «Никогда наперед не узнаешь, где найдешь, а где потеряешь».

Поняв это, подполковник Малышев пришел мне на выручку:

— Мы понимаем, что вам трудно сразу принять решение. Поэтому идите подумайте, взвесьте все за и против, а после обеда придете и дадите ответ.

«Да, задачка со многими неизвестными — подумал я, выходя из кабинета. — Оба предложения, конечно, заманчивы. Но что касается первого, то одно дело вместе с пограничниками решать вопрос, как повысить боеспособность заставы, и совсем другое дело — писать в теплом кабинете бумажки, протирая штаны до дыр, и делать вид, что ты умнее других. А вот в разведке надо работать практически. И судить о тебе будут не по бумажкам да словам, а по практическим делам».

Так, мысленно рассуждая и выкуривая одну папиросу за другой, я и не заметил, как оказался в скверике перед Добромильским райисполкомом — перед могилами моих друзей: Ани, Миши и Маринки. Пройдя уже по знакомой улочке, купив цветов, я снова возвратился в скверик и, положив их на могилки, надолго задумался, словно советуясь с друзьями. На память пришла пословица: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе». Когда там еще представится возможность перейти на комсомольскую работу, а в разведку через пару месяцев точно переведут. И решение пришло само по себе:

«Пойду в разведку. Только там я смогу отомстить бандеровцам за убийство моей любимой Аннушки и друзей — лейтенанта Михаила Лунина, его жены Марийки и еще неродившегося младенца».

И, уже подходя к штабу отряда, подумал:

«Да и жену обрадую. Через полгода в городишке, пусть и провинциальном, будет жить. С офицерскими женами подружится, и одиночество ее закончится. Да и я чаще ночевать буду дома».

В четырнадцать часов я уже был в кабинете подполковника Малышева.

— Ну, что, какое решение принял, товарищ Невара? — спросил он.

— Если командование пограничного отряда считает, что из меня получится разведчик, то я согласен перейти в разведку.

— Да вы же прирожденный политраблотник, Анатолий Антонович, — не выдержал подполковник Касперович.

— Может быть, товарищ подполковник. Но я считаю, что в разведке у меня будет больше возможности отомстить бандитам за смерть моих друзей. И я сделал выбор окончательно.

— Очень жаль, очень, — тихо произнес подполковник Касперович, выходя из кабинета. — Впрочем, если передумаете, дайте мне знать, — произнес он уже с порога. — Пока не поздно.

После этих слов у меня в глубине души появилось сомнение, правильно ли я поступаю. И я молча стоял.

— Ну, что, Анатолий Антонович, передумал или нет? — спросил подполковник Малышев.

— Никак нет, товарищ подполковник, — придя в себя, ответил я твердо.

— Тогда перейдем ко второй части нашей беседы, — сказал он. — Давай, Иван Петрович, излагай, — и кивнул головой в сторону начальника разведки отряда.

— Дело в том, Анатолий Антонович, что в разведывательное отделение отряда мы можем вас перевести только в августе этого года, когда один из офицеров-разведчиков уедет на учебу в академию. А пока мы просим вас выполнить одно задание. — Подполковник Кузнецов замолчал и внимательно посмотрел на меня.

К такому обороту событий я не был готов и несколько замешкался.

— Какое задание? — наконец спросил я. — А вдруг я не смогу его выполнить?

— Только вы и сможете его выполнить, — тихо, словно боясь, что его услышат за пределами кабинета, произнес подполковник Кузнецов. — Вы украинец. Свободно владеете местным наречием. Майор Якушин писал, что вас в селе даже называют

«своим хлопом», то есть своим парнем. А это очень важно для выполнения задания.

— Что же я конкретно должен делать? — так же тихо, словно заговорщески, спросил я.

— Сначала вас переведут на вторую пограничную заставу в село Губичи, расположенное недалеко от города Добромилля, в качестве исполняющего должность начальника заставы, — начал излагать свой план подполковник Кузнецов.

— На одну из самых трудных пограничных застав отряда, — произвольно вырвалось у меня, так как я уже знал об этой заставе из неблагоприятных приказов по отряду.

— Нет, Анатолий Антонович, — на самую трудную, — уточнил начальник штаба подполковник Малышев. — Но мы вас переводим туда только на пять месяцев.

— И это все? — удивился я.

— Нет, это только начало. На заставе нет квартир. Там живут только холостяки.

«Поэтому их там и меняют как перчатки», — подумал я, а вслух, перебивая начальника штаба, возбужденно произнес:

— Вы хотите, чтобы я оставил семью на прежней заставе?

— Как раз наоборот, — подключился к разговору и подполковник Кузнецов. — Вам необходимо семью забрать с собой, — тихо произнес он. — Только так вы можете выполнить задание. А мы вам поможем снять квартиру в добротном доме, недалеко от заставы, хозяйка одинокая, очень уважительная и чисто-плотная... Христина Михайловна Гонтарь.

Меня словно током ударило.

«Гонтарь... Гонтарь... Гонтарь... Что-то знакомое и страшное», — произвольно пронеслось в голове. И вдруг меня прошиб холодный пот.

— Николай Гонтарь — руководитель боевки СБ по кличке Олень, кем он ей будет? — наконец выдавил я из себя.

— Племянником, — невозмутимо произнес подполковник Кузнецов. Эти слова, произнесенные тихо, но очень четко, для меня прозвучали сильнее грома. Николай Гонтарь, по кличке Олень, возглавивший боевку СБ, районного провода ОУН, после убийства пограничниками прежнего руководителя по кличке Май, за короткое время стал известным на всю округу как самый дерзкий из оуновцев. За один год, днем, на центральной площади города Добромилля, он лично убил добромильского райвоенкома, начальника районного отдела МГБ и заместите-

ля начальника районного отдела МВД (начальник был из местных). И каждый раз исчезал бесследно.

«Так вот почему они свое задание стали излагать после того, как я отказался от политрабты. Дать задний ход теперь — значит прослыть трусом», — пронеслось в разгоряченном мозгу.

— И вы предлагаете мне жить вместе с семьей у тетки Оленя? — еще не веря в реальность подобного, робко спросил я.

— Не просто у тетки, а у любимой тетки Оленя.

— А разве от этого что-то меняется? Все равно я рискую не только своей жизнью, но и жизнью жены и маленького сына. Оленю никакого труда не составит прийти ночью к тетке и перерезать нас, как котят.

— Отнюдь, Анатолий Антонович. Вы там будете в большей безопасности, чем на той заставе, где вы сейчас служите, — убежденно произнес подполковник Кузнецов.

— Как так? — удивился я. — Не смогу же я круглосуточно держать наряд у дома Христины Гонтарь.

— Как раз этого и не надо делать, вы будете под бдительной охраной самого Оленя. Прочитайте вот это, — и подполковник Кузнецов протянул мне пожелтевший листок бумаги.

Это был приказ Оленя, в котором он, под угрозой смерти, категорически запрещал кому бы то ни было совершать террористические акты в северной части села Губичи, то есть там, где размещалась застава.

— Ничего не понимаю, — в нерешительности произнес я.

— Мы тоже сначала ничего не понимали, пока не узнали, что он боится, как бы его тетку не выселили в Сибирь органы МГБ, посчитав, что теракт совершен племянником. Теперь и мы тетку Оленя оберегаем, чтобы исключить террористические акты против офицеров и личного состава заставы.

В наступившей тишине я долго размышлял над этими словами, а командиры не торопили меня с принятием решения, понимая, какую ответственность я беру на себя.

— Я, пожалуй, в это могу поверить. Но что я скажу жене? Ее я вряд ли смогу убедить. Она ведь знает о гибели лейтенанта Лунина и его жены от рук бандеровцев.

— А вы ей ничего не говорите, — после паузы сказал подполковник Малышев. — Скажите, что вас на эту заставу переводят всего на пять месяцев, а потом она будет жить в городе.

Беседа длилась около двух часов, в ходе которой я наконец усвоил задачу, которая передо мной ставилась. Она заключалась в том, чтобы через Христину Гонтарь убедить Оленя вый-

ти с повинной. Уже год, как действовал указ Президиума Верховного Совета Украины и приказ министра внутренних дел генерала Строкача о том, что оуновцам, вышедшим с повинной, объявлялась амнистия. Более того, тем, кто боялся мести своих лесных братьев, оказывалось содействие и материальная помощь при выезде в другие области Украины.

Несмотря на мои твердые убеждения в том, что Олень никогда не выйдет с повинной, — слишком много жертв на его совести, задача оставалась прежней, и я дал согласие принять вторую пограничную заставу.

На другой день подполковник Кузнецов, комендант первой пограничной комендатуры капитан Игнатенко и я выехали на машине в село Губичи и, обойдя больше десятка домов, чтобы не вызвать никаких подозрений, подошли к дому Христины Гонтарь. Дом был добротный, крытый черепицей, а не соломой, обнесенный высоким, глухим забором, с хорошими хозяйственными постройками во дворе, цветочной клумбой и подметенными дорожками.

Жила Христина Гонтарь одна: муж несколько лет назад умер, а дочь училась в Дрогобыче в пединституте, там в общечитии и жила.

Едва мы открыли калитку, хозяйка, которая в это время находилась во дворе, пошла нам навстречу. Было ей лет сорок пять, на лице еще не было ни единой морщинки. Ее голову покрывал яркий платок, закрученный каким-то особым способом. Чистая цветастая юбка, такой же передник и белая, вышитая украинским узором кофта вызывали чувство уважения к ней.

— Шо панам трэба? — приятным грудным голосом спросила она и заметно побледнела, хотя в голосе не чувствовалось испуга.

— Мы ищем квартиру для вот этого старшего лейтенанта, нового начальника заставы, — показывая на меня, ответил подполковник Кузнецов. — Обошли уже полсела, но ваш дом больше всех понравился.

При этих словах на лице Христины Гонтарь вместо бледности постепенно стал появляться румянец.

— Прошу панив до хаты, — доброжелательно произнесла она и, не ожидая ответа, направилась в дом.

Мы последовали за ней. В большой комнате, куда мы вошли, посредине стоял стол, покрытый чистой, вышитой по краям красивым узором скатертью, и шесть стульев фабричного производства в отличие от предыдущих домов, где стулья и ска-

мы были сделаны кустарным способом, возле глухой стены — железная кровать с горой цветных подушек, рядом — фабричный платяной шкаф. В углу — образа с горящей лампадкой. Все свидетельствовало не только о достатке, но и о высокой культуре хозяев.

— Сидайте до стола, будь ласка. Я зараз, — пригласила хозяйка и быстро вышла на кухню.

Вскоре на столе уже стояли кринка молока, три стакана, литровая банка свежего янтарного меда, три блюдечка, три чайные ложечки и тарелка с ломтями белого подового хлеба.

— Прошу вас, панове, отвидаты тэ, що Бог послав, — произнесла хозяйка спокойным голосом и налила в блюдца меда.

— Спасибо, хозяйюшка, за угощения, но мы пришли по делу, — сказал подполковник Кузнецов.

— Я знаю. Но вы мои гости. А Богу угодно гостей привечать.

Нам ничего не оставалось, как отведать свежего меда. А у меня в голове между тем промелькнула мысль: «Буду покупать у нее молоко и мед для жены и сына».

— Ну спасибо, хозяйюшка. Было очень вкусно, — поблагодарил хозяйку подполковник Кузнецов, поставив пустой стакан. — А теперь — о деле. Старший лейтенант Невара назначен сюда начальником заставы, и ему нужна квартира.

— Пан мае дружину*?

— Да, у него есть жена и маленький сынишка, — подтвердил подполковник Кузнецов.

— Прошу панив в цю кимнату, — открыв дверь, сказала хозяйка, и мы направились туда.

Это была продолговатая, но достаточно уютная комната с окном, выходящим в сторону заставы.

— Цэ кимната моей дочки, Ганнуси. Она живэ в Дрогобыче и учится в институти. Якшо пан согласный, вин можэ тут жыты, — сказала хозяйка.

— Да, я согласный и дужэ вдячный вам, — переходя на украинский, поблагодарил я хозяйку.

— Пан знае украинську мову? — удивилась хозяйка.

— Я українець, Хрыстыно Михайливно, — улыбнувшись, произнес я. А тэпэр я хотив бы знаты, скількы я буду платыты за кимнату?

— Та господь з вами, паночку, яка плата? Я про плату и слухаты нэ хочу, — категорично заявила хозяйка.

* Дружина — жена.

Наступила неловкая пауза.

«Будет более естественно, если я буду платить за квартиру, — подумал я и, упреждая подполковника Кузнецова, который что-то хотел сказать, с напускной грустью произнес:

— Дужэ жаль, Хрыстыно Михайливно... Комната мэни понаравылася. Тилькы я нэ маю права в ний жыты и нэ платыты... Пошли, товарищ подполковник, — обращаясь к Кузнецову, сказал я, — поищем другую квартиру.

— Та що вы, пан начальник? Яку другу квартиру? Жывить у мэнэ. А про плату — хай будэ сто карбованцив.

Плата была самой минимальной, но все же это была плата, и я согласился.

— А вы молодец, Анатолий Антонович, — тихо произнес подполковник Кузнецов, когда шли на заставу, где нас ждала машина. — С платой за квартиру получилось вполне естественно. Наверное, майор Якушин был прав, рекомендуя вас в разведку.

Упоминание о Якушине почему-то вызвало у меня щемящее чувство тревоги. Получив от него письмо, в котором он сообщал, что назначен в войска, охраняющие заключенных, я сразу же отправил ему послание с последними комендатурскими новостями. Но прошло уже несколько месяцев, а ответа все не было. На Якушина это было непохоже. Он был до педантизма обязательным человеком.

К вечеру следующего дня я был уже на заставе. Когда рассказал жене, что через пять месяцев будем жить в городе Добромиле, она запрыгала от радости, повисла у меня на шее и, впервые за всю нашу совместную жизнь, первая поцеловала в губы.

«Значит, умеет целоваться, — промелькнула мысль. — Почему же ждет, чтобы целовал только я?»

— Ох, Толя, чуть не забыла — тебе письмо, — сообщила она и подала конверт.

Письмо было мне лично, но в обратном адресе стоял только номер войсковой части. Вынув из конверта машинописный лист бумаги и прочитав его, я узнал, что майор Якушин был зверски избит заключенными. Врачи несколько суток боролись за его жизнь, но безуспешно. Чувствуя приближение кончины, он попросил сообщить об этом приемному сыну — Неваре Анатолию Антоновичу, так как больше никого из близких у него не осталось — погибли под немецкими бомбами. Дальше сообщалось, где он похоронен.

Мне показалось, что потолок надо мной закачался, и я впервые в жизни почувствовал боль в левой части груди.

На новой заставе

Через несколько дней после принятия второй пограничной заставы мы с женой, сыном и двумя чемоданами, в которых находился весь наш семейный скарб, прибыли к новому месту службы и направились на снятую мной квартиру.

Хозяйка, как и в прошлый раз, такая же аккуратная, была во дворе. Увидев мою жену, ведущую за руку трехлетнего сынишку, она заулыбалась, словно встретила родную дочь, и направилась к ней.

— Добрыдэнь, добрыдэнь, пани. Я дуже рада вам, — неподдельно радостным голосом произнесла она и, наклонившись, взяла руку жены и поцеловала.

— Что вы, что вы, Христина Михайловна, у нас так не принято. Какая я вам пани? У нас панов давно нету, зовите меня просто Полиной.

— Та хвайно, хвайно*, пани Полина, хай будэ по-вашему. Будь ласка, прохосьтэ в хату, — согласилась хозяйка и направилась в дом.

Мы последовали за ней. В доме была безукоризненная чистота, а деревянные некрашенные полы прямо блестели. А когда вошли в отведенную для нас комнату, жена от радости чуть не запрыгала — рядом с кроватью стояла детская кроватка, которой прошлый раз не было. В кроватке лежал матрасик в свежестиранном чехле.

Не успели мы распаковать и разложить свои вещи, как в дверь постучала хозяйка и пригласила на обед.

Когда мы снова возвратились в свою комнату, жена второй раз за период совместной жизни обняла и нежно поцеловала меня.

— Спасибо тебе, Толя, я очень довольна, — прошептала она.

А потом, ночью в постели, жена никак не могла нахвалиться хозяйкой. Жаль только, что эта ночь была почти единственной на этой заставе, когда мы были вместе до самого позднего утра и любовью занимались спокойно, без страха, что меня могут вызвать на заставу, заместитель начальника заставы эту ночь полностью взял на себя.

— Толя, ты сегодня принесешь автомат и гранаты домой? — спросила вдруг жена, когда я собрался идти на заставу.

* Хвайно — хорошо.

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что я сначала растерялся, но, к счастью, быстро нашелся:

— Понимаешь, дорогая, обстановка улучшилась, и командование запретило брать домой оружие.

— Ну и ладно, обойдемся, — согласилась жена и подставила щеку для поцелуя. — А теперь иди.

Вторая пограничная заставка была действительно не из легких. Располагалась она между двух хребтов, уходящих за границу, где в урочищах, покрытых вековыми лесами, обитали бесчисленные стада диких кабанов. А на нашей стороне была огромная роща американского красного дуба, в которой земля была обильно покрыта желудями.

С наступлением темноты кабаны шли к нам, полакомиться желудями, а на рассвете уходили обратно, при этом каждый раз, прорываясь через сигнализационную систему, вызывали бесконечные тревоги.

Кроме того, на сопредельной территории, в километре от границы, на самой высокой горе располагался монастырь. Днем под солнцем ярко блестели золоченые купола, видимые на десятки километров, а ночью там постоянно горел свет, ориентируясь на который, нарушители обязательно попадали на участок второй заставы. Поэтому командование пограничного отряда держало на заставе не шестьдесят человек, как положено по штату, а сто двадцать. Этого было достаточно для того, чтобы с наступлением темноты расположить пограничные наряды на четырехкилометровом участке границы почти на видимость.

Ежедневно к вечеру кавалеристы седлали лошадей для двух тревожных групп: одну возглавлял я, другую — мой заместитель лейтенант Попов. Менялась только очередность.

Командант пограничного участка капитан Игнатенко, дважды за полтора месяца побывав на заставе, остался доволен, высказав мысль, что заставка наконец-то «выходит в люди». Кстати, за это время было задержано два нарушителя границы.

В круговерти дел и тревог я так и не смог выкроить хотя бы полчаса для разговора с Христиной Михайловной о ее племяннике. А если честно признаться, я даже не представлял, как мне начать этот разговор и как она будет реагировать на него.

Как-то выкроив несколько минут, я сел за стол, закрыл глаза и попытался представить эту беседу. В это время, совсем нестати, в канцелярию вошел лейтенант Попов и, словно прочитав мои мысли, вдруг спросил:

— А вы знаете, товарищ старший лейтенант, что ваша хозяйка — тетка Оленья?

— Ну и что? — ответил я вопросом на вопрос.
— Как что? Он же отъявленный бандит! Неужели вы не знаете? — удивился Попов.
— Знаю, Саша. Только ты не проговорись моей жене, — попросил я Попова.
— Вашей жене я не проговорюсь, но вас я, товарищ старший лейтенант, не понимаю. Вы же положили голову в пасть хищному зверю. И не только свою, — не унимался Попов.
— Понимаешь, Саша, так надо, — не удержался я.
— Не понимаю, — удивился Попов. — Кому надо? Вам или для дела?
— Для дела, Саша. Конечно, для дела.
— И вы рискуете своей жизнью и жизнью своих близких ради дела?
Попов смотрел на меня широко открытыми глазами, словно на чудо, свалившееся с неба.
— Я ничем не рискую, Саша. Для Оленя я, наверное, не представляю большой ценности, а его любимая тетка, случись что со мной, пострадает.
Не знаю, убедил я Попова или нет, но сам подумал: «Если я ничем не рискую, то почему домой возвращаюсь с пистолетом в руке и с гранатами в кармане? Почему тихонько подбираюсь к дому и условным сигналом стучу в окошко, чтобы жена знала, что это я, и открыла дверь?»
Попова я конечно же не убедил, поэтому на всякий случай попросил:
— Об этом разговоре, Саша, никому, и особенно жене, не проговорись.
— Что вы, товарищ старший лейтенант. Я же понимаю, — согласился он и занялся своим делом.
Этот разговор оставил неприятный осадок в моей душе. И даже ночью, возвратившись с границы и лежа в постели рядом с женой, я думал об одном и том же:
«Зачем я дал согласие поселиться у тетки Оленя? И чем это может закончиться — трудно даже представить! Да и нагрузка на этой заставе значительно выше, чем на прежней. Дома, если это жилище можно назвать своим домом, я появляюсь только для того, чтобы поспать шесть-семь часов — и все. Эйфория у жены от встречи с хозяйкой прошла, и она снова стала возникать».
Из-за этих тревожных раздумий я уснул только на рассвете. Но уже через четыре часа подхватился и побежал на заставу. В круговерти дел даже не заметил, как прошел день.

Вечером, закончив составлять план охраны границы на следующие сутки, я и не заметил, как за столом уснул.

Проснулся от легкого прикосновения к плечу. Подняв голову, увидел рядом Попова.

— Товарищ старший лейтенант, — категоричным тоном начал Попов, — я, конечно, не имею права приказывать, но как ваш заместитель требую, чтобы вы на следующие сутки взяли себе выходной.

Сгоряча я чуть было не наделал глупостей — Попов ведь знает, что нам выходные не положены, но вовремя сдержался, а немного поразмыслив, сказал:

— Спасибо, Саша. Наверное, ты прав, мне надо немного отдохнуть. Но в план охраны поставь не выходной, а оперативную работу. Я действительно буду этим заниматься.

Когда я засветло появился дома, жена не поверила своим глазам.

— Что-нибудь случилось, Толя? — удивленно спросила она.

— Ничего не случилось, дорогая. Я просто взял себе выходной.

— Что? — не поверила она.

— Я говорю — взял себе выходной, — невозмутимо повторил я.

— Ты же говорил, что вам выходные не положены, — не унималась она.

— Положены не положены, какая разница? А я вот принял решение и взял.

— А ты, Толя, чаще принимай такие решения.

— Нет, Полинка, чаще не могу.

И, чтобы этот разговор не перерос в ссору, я подошел к ней, легонько обнял и поцеловал.

После ужина, понежившись в постели, оба удовлетворенные, вскоре мы уснули.

Ночью я вдруг проснулся с какой-то неясной тревогой на душе. Прислушался. Тишина. Ночь была лунная, я посмотрел на часы — два часа пятнадцать минут. И тут я услышал, как скрипнула половица, затем тихонько открылась дверь и снова закрылась.

Я знал, что скрипит только одна половица возле порога. Значит, на нее наступила хозяйка и вышла в сени. Вскоре так же тихо заскрипел засов и открылась входная дверь. Но не хозяйка вышла на улицу, а кто-то вошел в сени, и дверь закрылась.

«Олень! — промелькнуло в голове, сердце учащенно застучало, а спина мгновенно покрылась потом. — Значит, я проснулся от сигнала, который он подавал своей тетушке».

Тихо, чтобы не разбудить жену, я вынул из-под подушки пистолет, снял его с предохранителя и весь превратился в слух. Доносились лишь еле уловимые звуки речи, и ни одного слова я не слышал. Но по интонации голосов почувствовал, что беседа протекала спокойно.

«А может, это кто-то из соседей? — подумал я. — В третьем часу ночи?.. Нет, конечно, это Олень! Ну, пусть сунется! Один на один я его одолею. Чудак, рядом с домом — его боевка... Ну вот и настал мой роковой час!»

Беседа в сенях продолжалась около получаса. Затем входная дверь отворилась, кто-то вышел, и дверь снова закрылась на засов. Хозяйка возвратилась в комнату, о чем свидетельствовала скрипнувшая половица, и через несколько минут слышался скрип кровати.

«Ну, слава богу, на этот раз пронесло», — подумал я, а во всем теле наступила предательская слабость. Прижавшись к теплому телу жены и обняв ее, постепенно успокоился и уснул.

Утром, пока жена готовила завтрак и кормила сынишку, я вышел из дома. Хозяйка в дальнем углу двора кормила зерном кур.

— Добрэ утро, Хрыстыно Михайливно! — поздоровался и подошел к ней.

— Добрэ утро, добрэ, — ответила хозяйка, не употребив общепринятого слова «пан».

«Значит, жена все-таки добилась своего», — подумал я и наконец, имея предлог в виде ночного визитера, решил поговорить с хозяйкой о ее племяннике.

— Ну, як спалось, Хрыстыно Михайливно? — издалека начал я.

— Та хвайно, добрый чоловиче, хвайно, — дружелюбно ответила она. — Жыву нэ бидую, чому нэ спаты?

— У вас ночью гость був? — тихо спросил я.

— Який гость? — деланно улыбаясь, спросила хозяйка, но голос дрогнул, и лицо побледнело. — Кыш, злодий, кыш! — очевидно выигрывая время, замахала она рукой на петуха.

«Значит, точно был Олень, раз так стусевалась», — подумал я и решил вести разговор напрямую.

— Цэ був Мыкола Гонтарь, ваш плэминнык, правда, Хрыстыно Михайливно? — не давая ей опомниться, спросил я, — та

вам нэ трэба боятыся. Для вас ниякой угрозы нэмае, — заметив, как она вздрогнула и совсем побледнела, произнес успокаивающе.

— Пан начальник, паночку, — прошептала она, — ни вас, ни вашу дружину вин и пальцем нэ тронэ.

— Значит, був вин.

— Ох, матка боска, що правда, то правда, — еле слышно ответила хозяйка. — А вы про Мыколу и раньшэ знали?

— Знав, а Полина нэ знала, — не стал я отрицать. — И тэ знав, шо Мыкола умный и способный хлоп, алэ нэ жалие свого життя. А ради чого?

— То тожэ правда, вин хвайный, трудолюбивый хлоп... Та тилькы шо йому тэпэр робыты?

— Вэрховна Рада Украины прыйняла закон, по якому будэ амнистия тому, хто покыне бандэровцив и выйдэ з повинною.

— Та я ужэ говорила йому, алэ вин боится, — вздохнув, грустно призналась хозяйка. — Сказав, шо на Чорний Грыви, хто выйшов з повинною, их тоже пострилялы.

В операции на Черной Гриве, весной сорок девятого года, по ликвидации остатков куреня Бира, которой руководил майор Старченко, принимали участие и подразделения третьей пограничной комендатуры под командованием коменданта майора Якушина, в том числе одной из оперативных групп руководил и я. Там действительно сдались без боя двенадцать бандитов. Но майор Старченко, несмотря на категорические возражения майора Якушина, приказал их расстрелять.

При упоминании об этом у меня защемило под ложечкой, словно я сам был виновен в этом расстреле, но быстро справился с болью и попросил тетку Оленя:

— Скажите йому, хай с повинною прыходе до мэнэ на заставу. Я даю гарантию, шо останэтыся живым.

В это время на крыльцо вышла жена и позвала меня.

В течение дня мне еще раз представилась возможность продолжить беседу с хозяйкой. В заключение она заверила меня:

— Пан начальник, я всэ, всэ Мыколи роскажу. А ще скажу, шо вы добрый, добрый чоловик.

Когда за час до боевого расчета я появился на заставе, лейтенант Попов, после доклада об обстановке, восторженно воскликнул:

— Ну вот, теперь вы на человека похожи, товарищ старший лейтенант. А то был словно с креста снят.

— Спасибо тебе, Саша, — пожав руку своему заместителю, поблагодарил я.

В это время часовой доложил, что к заставе движется легковая автомашина, и мы с Поповым пошли встречать начальство.

— Тебе, Саша, звонили о том, кто к нам пожалует на автомобиле, — спросил я у Попова.

— Никак нет, товарищ старший лейтенант.

«Кого же к нам нелегкая несет на ночь глядя? — подумал я.

А когда машина подошла и из нее вышел заместитель начальника отряда по разведке подполковник Кузнецов, обрадовался: «Слава богу, никаких проверок не будет».

— Вот ехал мимо и решил к вам заглянуть, Анатолий Антонович, — выйдя из машины и пожав руки, оказал он. — Оставьте нас вдвоем, лейтенант.

— Ну как, вы говорили с Христиной Гонтарь? — спросил подполковник Кузнецов, когда ушел Попов.

— Говорил, товарищ подполковник, только мне кажется, что это напрасный труд. Не выйдет Олень с повинной. Слишком много крови на его руках. Да и про расстрел двенадцати бандитов, которые сдались без боя на Черной Гриве, он тоже знает.

— И все-таки надо продолжать работу, тем более что тетушка уже уговаривает его бросить банду, — всматриваясь куда-то вдаль, медленно проговорил подполковник Кузнецов. — Так что продолжайте на нее влиять, но без особого нажима.

Мы проговорили еще минут двадцать, уточняя отдельные детали, после чего подполковник Кузнецов, пожав мне руку, уехал.

Падение

В апреле пятьдесят второго года наступили теплые, солнечные дни. Карпаты оделись в свое зеленое убранство. В долинах богатыми бело-розовыми коврами расцвели сады. В один из дней, когда солнце начало клониться к закату, как нередко бывает в Карпатах, небо вдруг заволокло свинцовыми тучами и начался дождь, постепенно перешедший в грозу. Молнии со страшным треском кромсали небо, вонзая свои стрелы в пади и долины.

Я отдал распоряжение дежурному связисту выключить все силовые приборы, в том числе и сигнализационную систему «Клен», и, связавшись с нарядами, приказал перейти на учащую проверку КСП*.

* КСП — контрольно-следовая полоса.

Так же внезапно, как началась, гроза мгновенно утихла, и я приказал включить все силовые приборы. К вечеру тучи постепенно стали расходиться. Временами появлялось даже солнце.

Заполнив книгу пограничной службы за прошедшие сутки, я собрался было идти на ужин, как услышал тревожные сигналы «Клена» и в канцелярию вбежал дежурный по заставе.

— Товарищ старший лейтенант, сработал четвертый участок правого фланга, — доложил он.

— Саша, резервом заставы прикрой правый фланг, проинформируй наряды и соседнюю заставу. Я с тревожной группой — к месту сработки, — скороговоркой выпалил я и, сменив хромовые сапоги на юфтевые и надев дождевик, бросился к выходу.

Уже через пару минут я летел на своем гнедом во главе тревожной группы, как выражались кавалеристы, «аллюр — три креста», на правый фланг участка заставы.

Открытая местность закончилась, и дозорная тропа пошла по лесу. Но скорость я не сбавлял, так как не только я знал, но и лошадь знала все извилины на тропе. Тем более что совсем недавно группа пограничников срубила все ветки, нависавшие над тропой.

Вдруг я почувствовал тупой удар в нижнюю часть груди, прямо в нервное сплетение, и, теряя сознание, вылетел из седла. Хорошо еще, что не завис на стремянах, так как при быстрой езде вставлял в них только носки сапог.

Очнувшись, я сначала ничего не понял. Открыв глаза, увидел, что лежу в чистом белье на кровати в канцелярии заставы. Во всем теле какая-то легкость, словно нахожусь во взвешенном состоянии, а надо мной в белом халате и со шприцем в руках наклонился начальник медсанчасти отряда.

— Не надо уколов, товарищ майор, — попросил я. — У меня ничего не болит.

— Хорошо, хорошо, Анатолий Антонович, третий укол делать пока не будем, — услышал я в ответ. — А следующая фраза потрясла меня: — Вы более четырех часов были без сознания. Но, слава богу, все обошлось более-менее благополучно.

— Вы шутите, товарищ майор? — не поверил я и попытался подняться.

— Лежите, лежите, Анатолий Антонович, — положив ладонь мне на грудь, строго сказал майор. — Какие там шутки? Посмотрите в окно — уже светает.

За окном занимался рассвет, и я понял, что со мной действительно произошло что-то серьезное.

— А что случилось? — спросил я и тут увидел Попова.

— Расскажите ему, лейтенант, — попросил майор.

— Недалеко от второй развилки молния расщепила дерево, — медленно, подбирая слова, проговорил Попов. — Одна половина упала в лес, а другая склонилась на дозорную тропу. Лошадь прошла свободно, а вас сбросило с седла.

И тут я вспомнил, что скакал на лошади по тревоге.

— А что со сработкой? — спросил я.

— Да ничего. Стадо кабанов снова приходило полакомиться желудями.

В это время в канцелярию вошли два солдата с носилками в руках.

— Ну что, Анатолий Антонович, ложитесь на носилочки, и поедем в санитарную часть отряда, — сказал майор.

— Да вы что, товарищ майор, зачем в санчасть? Я же нормально себя чувствую, — удивился я.

— Дело в том, дорогой мой, что вас всего необходимо на рентгене просветить на предмет переломов или травм. Так что придется ехать.

— Ну что же, на денек можно и съездить, — согласился я. — Только жене сейчас ничего не говори, Саша, вечером скажешь.

Весь день, пока делали рентгеновские снимки, брали анализы, я чувствовал себя абсолютно здоровым.

— Ну что, товарищ майор, — обратился я к начальнику медслужбы, — переломов, как видите, нет. Может, поеду на заставу?

— В принципе, конечно, возражений нет, — хитровато улынувшись, ответил он, — но давайте договоримся так: переночуете здесь, а завтра утром, если будет все нормально, поедете на заставу.

На том и порешили.

Преыдущая ночь была бессонной, и поэтому, сразу после ужина, я уснул. Ночью проснулся от страшной боли во всем теле, особенно в суставах. Даже пальцами ног невозможно было без боли пошевелить. Я и не заметил, как начал стонать.

Дверь тихонько отворилась, и в палату вошел начальник медсанчасти.

— Ну что, старший лейтенант, все тело как в молотилке побывало? Да?

— Да, — простонал я. — А вы что, знали, что так будет?

— Конечно, знал.

— А почему же вы мне об этом не сказали?

— Чтобы вы, Анатолий Антонович, хотя бы немного уснули, — улыбнулся майор. — А если бы я вам сказал, то в ожидании боли вы бы не уснули. Но слава богу, что все стало болеть. Значит, ваша нервная система травмирована, но не разрушена и выходит из состояния шока.

Мы проговорили около часа, и я понял, что майор этой ночью находился в медсанчасти из-за меня. Пока мы говорили, несколько раз заходила медсестра и делала уколы. Боль постепенно утихла, и я не заметил, как уснул.

От каких-то странных звуков проснулся. Открыл глаза. В окна светило яркое солнце, а возле кровати сидела жена и, всхлипывая, вытирала слезы.

— Здравствуй, Полина, — как можно спокойнее поздоровался я. — Чего это ты расплакалась, голубушка?

— Я испугалась... Я подумала...

— Что подумала? Что я уже на том свете? — стараясь не стонать, спросил я. — Со мной все в порядке, немного отлежусь и приеду. Мы еще повоюем.

— Тебе бы только воевать, — успокаиваясь, произнесла Полина, вынимая из авоськи баночки и пакетики. — Вот тебе мед, вот молоко, а вот масло сливочное, свежее домашнее. Все это тебе передала Христина Михайловна. Ты знаешь, я вдруг поняла, что она тебя любит... как сына... Когда она узнала, что тебя увезли в санчасть без сознания, так побледнела, что я даже испугалась...

«Милая моя женушка, к счастью, ты не знаешь почему? Она связывает судьбу своего племянника с моей судьбой. Значит, лед тронулся», — подумал я, но вслух произнес совсем другое:

— Передай ей большое спасибо. И скажи, что со мной все обошлось благополучно. Через несколько дней возвращусь на заставу.

— Хорошо, передам, Толя. Но ты-то... ты-то как чувствуешь себя?

И хотя мне становилось все хуже и хуже, я взял ее руки в свои, поцеловал и тихо произнес:

— Со мной все хорошо, голубушка. Спасибо тебе. Езжай на заставу и не волнуйся. Я же сказал, что через несколько дней буду дома.

— До-ма! — тяжело вздохнув, произнесла жена. — Будет ли у нас когда-нибудь свой дом?

— Будет, будет, дорогая. Обязательно будет.

На следующий день жена не приехала и хорошо сделала. Боли стали невыносимыми. Не помогали никакие уколы. А может, помогали и без них было бы еще хуже. Наступил, как выразился начмед, кризис.

Со стоном, извиваясь на кровати, чуть ли не теряя сознание от боли, я просил:

— Ну сделайте что-нибудь, товарищ майор, чтобы не так было больно.

— Все, что нужно было, Анатолий Антонович, уже сделали. Потерпи немного, завтра будет лучше, — успокаивал начмед.

И в самом деле, на другой день я почувствовал себя значительно лучше и даже сам пошел на процедуры в физиокабинет. А когда возвратился и едва лег на кровать, вошла сияющая медицинская сестра.

— Вам передача, Анатолий Антонович, — улыбаясь, сообщила она и протянула пакет.

— Какая передача? — удивился я. — От кого?

— От симпатичной молодой леди. Зовут ее Галиной Павловной.

— А... Это директор школы из нашего села. Я выделял солдат для ремонта школы, — краснея, произнес я, — вот она в знак благодарности...

— Только ли в знак благодарности, Анатолий Антонович? — перебивая меня, с многозначительной улыбкой произнесла медсестра. — А на ее лице было написано, что она в вас влюблена по уши, если не больше.

— Что вы такое выдумываете, — попытался я возражать, еще больше краснея, а сам вспомнил, какими влюбленными глазами Галина Павловна действительно смотрела на меня при встречах.

— Да ладно вам, Анатолий Антонович, не краснейте, я вас не выдам, — успокаивающе произнесла медсестра и вышла из палаты.

Конец Оленя

Постепенно дело пошло на поправку, и я стал упрашивать начальника медицинской службы отряда отпустить меня на заставу.

— Рано, Анатолий Антонович, рано, — неизменно повторял он. Наконец после длительных уговоров начмед сдался. Но, провожая меня на заставу, серьезно предупредил:

— Имейте в виду, Анатолий Антонович, что недолеченная нервная система — это бомба замедленного действия в вашем организме, готовая взорваться в любой стрессовой ситуации. Старайтесь, ну хотя бы годик, избегать стрессов.

— Спасибо, товарищ майор, буду стараться, — пообещал я. Быстро вышел на улицу, вскочил в седло, прижал шенкеля и стал наслаждаться встречным потоком свежего воздуха.

«Такого чистого, ароматного воздуха, как в Карпатах, наверное, нигде нет», — радуясь утренней свежести, подумал я, еще не зная, что судьба скоро круто завернет и события будут развиваться с молниеносной быстротой, сменяя друг друга, как в калейдоскопе.

Вот и дом Христины Гонтарь. Отдав повод коноводу и открыв калитку, сразу же столкнулся с ней, словно она ждала моего приезда.

— Здравствуйте, Христина Михайловна, — поздоровался я.

— Добрыдень, пан начальник, — радостно произнесла она. — Слава Господу, заступнику нашему, за тэ, що вы здорови.

Подойдя ближе, я тихо спросил:

— Мыкола був?

— Був, пан начальник, був, — так же тихо ответила хозяйка. — Хотив з вамы поговорыты, алэ бачите, у вас нэщастя...

— Якщо знову прыйдэ, дайтэ мэни знаты.

— Та хвайно, хвайно, пан начальник, будэ так, — обрадовалась хозяйка.

Когда я вбежал в свою комнату, жена сидела возле кровати спящего Саши. Увидев меня, она медленно пошла навстречу. На безжизненном лице — ни кровинки, и я почувствовал, что произошло что-то неладное. Она была внутренне возбуждена, но это возбуждение было сжато до предела, как пружина, которая могла в любую минуту распрямиться и выплеснуть наружу то, что накопилось в душе.

Чтобы предотвратить вспышку гнева, я обнял ее и стал целовать в губы, в щеки, в лоб. Вдруг я почувствовал, как она напрыглась и, склонив мне голову на грудь, зарыдала.

— Что с тобой, дорогая? Почему ты плачешь? — Не на шутку встревожился я.

— Я боюсь, Толя... Я боюсь... в этом доме быть одна. И без тебя ночью не могу спать.

— Почему? — пытаюсь выразить удивление, спросил я.

— Три дня назад... ночью... кто-то ходил по чердаку, — дрожа всем телом и продолжая плакать, тихо произнесла Полина.

— Ну что ты, милая, кто там мог ходить? Это тебе показалось, — стал разубеждать ее я, а у самого на душе стало мурно, так как я уже знал, кто там ходил.

— Нет, Толя... Помнишь «Тамань» Лермонтова?.. Здесь тоже нечисто. Я боюсь.

Хотя и с трудом, все же мне удалось успокоить Полину, и я собрался идти на заставу. Она решила идти со мной, вспомнив, что на складе надо получить продукты.

Круговерть жизни на заставе сразу же втянула меня в свою орбиту, и я не заметил, когда Полина ушла на квартиру.

Вечером я пошел на границу, хотя имел освобождение от службы на семь суток.

«Ничего, проветрюсь немного», — подумал, направляясь на ближайший участок границы. Проверив несение службы нарядами, я в час ночи возвратился на заставу. Сдав автомат и боеприпасы, направился «домой». Еще издали увидел огонек в своей комнате.

«Наверное, Саша не спит», — подумал я и, бесшумной тенью приблизившись к окну, тихонько постучал условным сигналом. В ответ — тишина. Я постучал громче — опять тишина.

Сердце учащенно забилося, а в душу закралась смутная тревога.

«Может, их уже увезли в лес? И такое бывает», — мелькнуло в голове.

Выхватив пистолет, я очертя голову бросился к входной двери и застучал кулаком.

— Кто там? — вскоре послышался голос хозяйки.

— Анатолий! — почти крикнул я.

В висках стучали уже не молотки, а кувалды, спина покрылась холодным потом, а в голове как молнии пролетали мысли: «Сейчас в сенцах набросят на голову мешок, и я ничего не успею сделать... Ну и поделом тебе, дураку, чтобы глупо не рисковал ни собой, ни семьей».

В это время заскрежетал засов, дверь отворилась и на пороге появилась хозяйка:

— Где Полина?

— В кимнати... Та що з вами, пан начальник? — уступая мне дорогу, испуганно спросила хозяйка.

Войдя в горницу невредимым, я немного успокоился и, сунув пистолет в карман, хотел открыть дверь в свою комнату, зная, что она не запирается. Но дверь не поддавалась, и леденящий страх снова сковал душу. Всей мощью своего тела я навалил-

ся на дверь, и она, вместе с какими-то тяжелыми предметами, медленно стала двигаться.

— Полина! — крикнул я.

— Не кричи, разбудишь сына, — услышал я голос жены. — Сейчас помогу.

У меня отлегло от сердца. Уже более спокойно поднажав на дверь, в образовавшуюся щель я проник в комнату и окинул ее быстрым взглядом. Саша, одетый, спал на своей кроватке, жена, тоже одетая, сидела на неразобранной кровати, вид у нее был отрешенный, глаза опухли от слез. Дверь подпирали комод и стол.

Поставив все на место и прикрыв дверь, я подошел к жене и спокойно спросил:

— Полина, что случилось?

Она ничего не ответила и осталась сидеть неподвижно, как статуя. Вдруг лицо ее исказила болезненная гримаса, а из глаз беззвучно потекли слезы. Я сел рядом, прижал ее к себе и с тревогой в голосе спросил:

— Родная, любимая, объясни мне, что с тобой? Почему ты плачешь?

И тут ее прорвало.

— Я — родная? Я — любимая?.. Да ты никогда не любил, ни меня, ни сына, — почти задыхаясь, произнесла Полина. — Если бы любил, то не привез бы в дом тетки бандита Оленя!

— Тише, Полина, тише. О чем ты говоришь? — в растерянности произнес я, еще не зная, признавать это или отрицать.

— Не притворяйся, дурак, мне все Зося рассказала.

«Зося — заставская прачка из местных, — промелькнула мысль. — Значит, действительно не надо притворяться».

— Да, Полина, я знал об этом. Как знал и то, что он нас здесь и пальцем не тронет, — тихо, чтобы не услышала хозяйка, произнес я. — Не просто знал, был уверен в этом. Иначе не привез бы вас.

— Плевала я на твою уверенность... Зато я не уверена, — все более распалялась жена. — Это он был три дня назад на чердаке! Он... он... он!

— Тише, Полина, тише, — попросил я. — Хозяйка услышит.

— А мне и на это наплевать. Я все равно здесь не останусь ни одной минуты.

Жена резко поднялась, подошла к кроватке и взяла на руки сына:

— Бери чемоданы, и уходим отсюда.

Только теперь я заметил возле кровати упакованные чемоданы.

— Куда уходам, Полина? — встревоженно спросил я. — Ты что такое надумала?

— До утра побудем на заставе, а утром отвезешь меня в Хыров на поезд. Я уеду к маме.

В это время, после стука в дверь, вошла хозяйка и тихо произнесла:

— Пани Полина, я все чула. Нэ трэба боятыся. Я клянусь, що с вашей головы даже волосок по його выни нэ упадэ. Оставайтэсь и живить спокойно.

— Ничего... ничего не хочу слышать, — зло бросила жена и направилась к выходу. — Я уеду к маме, иначе мои нервы не выдержат.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ней.

На заставе до утра уговаривал Полину не уезжать. Наконец она согласилась, но при одном условии: ремонт офицерского домика должен быть закончен за десять дней. А эти десять дней она готова пожить и в канцелярии.

— Если за десять дней дом не будет готов, я уеду к маме, и, может быть, навсегда!

Я согласился, хотя знал, что в доме ни окон, ни дверей, настелили только пол. И знал, почему тянули с ремонтом — чтобы я пока жил у Христины Гонтарь, выполняя поставленную мне задачу.

Утром столы из канцелярии вынесли в комнату дежурного, а там поставили еще одну солдатскую кровать. Наконец жена успокоилась и уснула мертвецким сном. Уснул и я. Но уже в десять часов лейтенант Попов позвал меня к телефону.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, — раздался в трубке голос подполковника Кузнецова. — Немедленно идите заберите семью и разместите пока на заставе.

— А что случилось, товарищ подполковник? — шокированный услышанным, спросил я.

— Сегодня ночью Олень с боевкой попал в нашу засаду. Несколько бандитов убито, в том числе, кажется, и Олень. Но его телохранителю удалось уйти. И теперь за безопасность вашей семьи мы больше не ручаемся.

— Моя семья уже в безопасности, товарищ подполковник, — доложил я и коротко рассказал, что произошло у меня за последние сутки, а в заключение попросил побыстрее отремонтировать домик.

— Не беспокойтесь, Анатолий Антонович, — успокоил меня подполковник, — сегодня утром начальник пограничного отряда уже отдал приказ командиру строительной роты немедленно приступить к ремонту дома. К обеду группа строителей будет уже на заставе.

— Спасибо, товарищ подполковник.

— А теперь вот что, — снова заговорил подполковник Кузнецов, — через полчаса к вам подойдет легковая машина, привезите в отряд Кристину Гонтарь для опознания своего племянника.

Не хотелось мне выполнять такую неприятную миссию, но что поделаешь — приказы не обсуждают, а выполняют.

За все время пути Христина Гонтарь не проронила ни единого слова, а лицо ее превратилось в какую-то застывшую маску, хотя я пригласил ее только посмотреть, нет ли среди убитых Николая Гонтаря. Но она, очевидно, поняла все.

По прибытии в отряд мы вместе с подполковником Кузнецовым и двумя офицерами госбезопасности направились в угол двора, где лежали трупы убитых оуновцев. Окинув их взглядом, я сразу догадался, что крайним лежал Николай Гонтарь — руководитель боевки СБ по кличке Олень.

— Ой Миколо, Миколо, — заголосила Христина Михайловна, упав рядом с ним на колени, — киля* я тоби говорыла, щоб ты бросыв ту бандэру, а ты мэнэ нэ слухав. Чому ты, дытыно, мэнэ не послухав?

И, так причитая, она залилась горькими слезами.

— Да, Анатолий Антонович, вы сделали все, что смогли, — сжав мне локоть, тихо прошептал подполковник Кузнецов. — Но что поделаешь, у него действительно руки были по локоть в крови. И он сам это понимал.

Самолет без опознавательных знаков

Строители уложились в срок, завершив ремонт офицерского домика, состоящего из двух квартир. Моя квартира выходила окнами на юг, в ней было солнечно и уютно. Я надеялся, что солнечный свет и уют растопят ледок, образовавшийся в

* Киля — сколько.

душе Полины за последнее время. Но она оставалась грустной и молчаливой.

Чтобы как-то вернуть ее расположение, я, как никогда, был предупредителен и ласков. Старался чаще бывать дома, благо, офицерский домик был рядом с заставой, помогал ей по дому, игрался с сынишкой.

Приближались Первомайские праздники, за несколько дней до которых пограничные войска, как правило, переходили на усиленную охрану государственной границы. Но на этот раз пришлось перейти значительно раньше.

Где-то в середине апреля на заставу прибыл начальник штаба пограничного отряда с незнакомым капитаном в новенькой пограничной форме, которая сидела на нем как-то мешковато, словно с чужого плеча. А то, с каким тактом к нему относился подполковник Малышев, давало основание понять, что он был рангом значительно выше. С ними приехали два связиста, которые сразу же стали над чем-то колдовать в комнате связи.

— Обстановка обостряется, товарищи офицеры, — серьезным тоном произнес подполковник Малышев, когда мы с Поповым вместе с ними вошли в канцелярию и сели за стол. — По полученным данным, иностранная разведка в ближайшие дни попытается забросить в нашу страну своих агентов, и вероятнее всего воздушным путем. В связи с этим начальник пограничного отряда приказал сегодня с девятнадцати часов перейти на усиленную охрану границы. Нагрузка: на личный состав — двенадцать часов в сутки, на офицеров — восемь часов. Как действовать в случае нарушения границы самолетом, расскажет Юрий Георгиевич.

— То, что я вам сейчас скажу, должны знать только офицеры, — произнес капитан тоном человека, обладающего большой полнотой власти. — Связисты вам поставили небольшой прибор, на котором имеется два тумблера под пломбами. Под одним из них написано «К нам», под другим «От нас». Это радиомаяк. Так вот, если на вашем участке самолет нарушит границу в нашу сторону, то вам лично или по вашему личному приказанию дежурному на заставе необходимо сорвать пломбу и движением вверх передвинуть левый тумблер до появления красного мигающего сигнала. Если же самолет на вашем участке нарушит границу в сторону сопредельного государства, то необходимо сделать то же самое с правым тумблером. При этом вы должны быть абсолютно уверены, что самолет действительно нарушил границу.

— Вам все понятно, товарищи офицеры? — спросил подполковник Малышев.

— Так точно, — ответил я, а сам подумал: «Значит, снова буду ходить домой, чтобы только немного поспать. Выдержит ли жена, которая еще не отошла от шока и не до конца освоилась в новой квартире?»

Но маховик границы уже был запущен. И в этом круговороте событий вращались тысячи и тысячи человеческих судеб, независимо от воли и желания людей. И судьба одного человека была в нем лишь маленькой песчинкой. И только потому, что это была государственная граница.

Прошло десять дней. На границе было спокойно. И, как обычно бывает в таких случаях, началось расслабление. Если до этого, ежеминутно ожидая какой-нибудь каверзы от противника, я сам находился в напряжении и в таком же напряжении держал подчиненных, то постепенно наступало успокоение.

За три дня до Первого мая тысяча девятьсот пятьдесят второго года, переговорив с Поповым о программе праздника, я выехал на границу. Ночь была лунная, тихая, и казалось, что убагодворенная природа после напряженного дня отходила ко сну. Это успокаивающе подействовало и на меня. А может, покой в душе наступил потому, что я снова был в своей стихии, так как охрана границы давно стала сущностью моей жизни.

До границы оставалось около километра, и мы с коноводом, привязав лошадей, пошли дальше пешком проверять пограничные наряды. Вдруг в душе появилось какое-то смутное чувство тревоги. Еще ничего не осознавая, я остановился и прислушался. Кругом стояла звенящая тишина.

— Вроде как самолет, — тихо сказал коновод, остановившись рядом со мной.

— Где? — удивленно спросил я, так как ничего пока не слышал.

— Там, — показал он на запад.

Вскоре и я услышал едва уловимый шум моторов, который постепенно усиливался.

«Значит, самолет на сопредельной территории приближается к границе, — подумал я. — Стоп, а может, это и есть тот самый?»

— За мной! — тихо скомандовал я, и мы побежали на ближайшую сопку, где имелась телефонная розетка.

Когда мы выбежали на сопку, покрытую мелким кустарником, сомнений уже не было — самолет приближался к линии

границы. Гул моторов все усиливался, а вскоре на горизонте показалось темное пятно, которое с каждой секундой все увеличивалось в размерах. И вот уже над нами почти на бреющем полете, хорошо освещенный луной, с ревом пронесся двухмоторный самолет без опознавательных знаков и вскоре скрылся из виду.

Присоединив трубку к розетке, я отдал приказ дежурному по заставе:

— Сорвите пломбу с левого тумблера нового прибора и передвиньте его в верхнее положение до появления красного мигающего сигнала. Время включения запишите в журнал.

— Есть красный мигающий огонек, товарищ старший лейтенант, — доложил дежурный.

— Хорошо. А теперь доложите в комендатуру, что в двадцать два часа тридцать минут границу нарушил неизвестный двухмоторный самолет без опознавательных знаков и ушел в глубь нашей территории по курсу сто пять градусов. Я выезжаю на заставу.

Через несколько минут мы уже скакали в сторону заставы. Едва я появился на пороге, дежурный доложил:

— Товарищ старший лейтенант, ваше приказание выполнено. О нарушении границы самолетом доложили все пограничные наряды. Но уже несколько раз звонил начальник пограничного отряда и ругался, почему включили прибор, если никакого самолета нигде нету. Срочно звоните ему.

Дозвонившись до начальника пограничного отряда, едва я стал докладывать, как он, перебив меня, стал отчитывать:

— Что вы панику подняли, товарищ Невара? Какой самолет? Может, он вам приснился?

Полковник Янчук, не так давно назначенный начальником пограничного отряда, был предельно строгим, и мы уже все почувствовали его крутой нрав. Но, несмотря на это, перебивая его, я громко произнес:

— Никак нет, товарищ полковник, не приснился, я видел его собственными глазами. Он летел прямо надо мной, чуть не касаясь верхушек деревьев. И все наряды доложили о нарушении границы самолетом.

— Так почему же локаторы ПВО не засекли его? — все так же раздраженно спросил полковник Янчук.

— Возможно, потому, что он летел на небольшой высоте между двух хребтов, — высказал предположение я.

— Не может быть. Садитесь и, на всякий случай, пишите объяснительную, — прогремело на другом конце провода, и в трубке наступила тишина.

Вспомнив слова начмеда о недопущении стрессов и успокаивая себя, сколько хватало сил, сел писать объяснительную записку. Но не успел ее закончить, как снова позвонил полковник Янчук. И тон его теперь был прямо противоположный:

— Молодец, товарищ Невара. Локаторы ПВО засекли самолет, когда он поднялся для того, чтобы выбросить агентов над лесным массивом урочища Крапивник, в шестидесяти километрах от границы.

— Понял вас, товарищ полковник, — еле выдавил я из себя.

— Да ты не обижайся, не обижайся. На службе все бывает, — стал успокаивать меня начальник отряда. — И жди не наказания, а поощрения.

У меня отлегло от сердца. И вдруг как снег на голову:

— Срочно формируйте два взвода по сорок человек и под общим командованием лейтенанта Попова направляйте на пункт сбора резерва отряда в район расположения маневренной группы для участия в операции по ликвидации иностранных агентов.

— Товарищ полковник, а с кем же я буду охранять государственную границу? — растерянно спросил я.

— У вас остается сорок человек.

— Всего только сорок, товарищ полковник.

— А на других заставах и того меньше.

— Так то же на других заставах, а у меня окружное направление движения нарушителей границы.

— Я что, этого не знаю? — раздраженно произнес Янчук. — Выполняйте приказ, старший лейтенант, и не теряйте времени. Боевая группа должна быть на месте сбора в шесть часов утра.

— Так у меня же основная масса пограничников на границе.

— Срочно снимайте с границы.

Мне ничего не оставалось делать, как произнести слово «есть».

На рассвете боевая группа форсированным маршем двинулась к месту сбора.

Прорыв

После обеда я сел составлять план охраны границы на следующие сутки. Составил и ахнул: вместо пяти пограничных нарядов на километр границы — всего один. И это при условии,

что началась предмайская усиленная охрана границы и пограничники несли службу по двенадцать часов в сутки.

К вечеру для оказания помощи на период усиленной охраны границы из штаба отряда прибыл майор Старченко. Знакомясь с планом охраны, он еще и еще раз просил показать на схеме места заложения пограничных нарядов и, недовольно морщась, вынужден был согласиться, что с теми силами, которые остались на заставе, больше ничего нельзя было предпринять.

Майор Старченко ходил только на проверку пограничных нарядов. По тревогам же, а их было по две, а то и три в сутки, выезжал я. Поэтому последние дни апреля дома бывал от случая к случаю.

Тридцатого апреля жена спросила:

— Как будем отмечать первомайские праздники, Толя?

— Ты же знаешь, Полина, что на праздники — усиленная охрана границы, — немного подумав, ответил я. — Приготовь обед, пригласим майора и вместе пообедаем. Это и будет маленький праздник.

По лицу жены словно пробежала черная туча, но она, ничего не сказав, пошла на кухню, а я, немного поиграв с сынишкой, побежал на заставу.

Пока составлял план охраны границы на Первое мая, майор Старченко съездил на проверку пограничных нарядов. Возвратившись и ознакомившись с планом охраны, он сказал:

— Я пойду в село на оперативную работу. Если что — дадите красную ракету.

— Хорошо, товарищ майор, — ответил я, удивленно подняв брови, так как знал, что у него никаких оперативных сил в селе не было.

Вскоре сработал четвертый участок левого фланга, и я по тревоге ускакал на границу. Когда в двадцать три часа возвратился на заставу, Старченко еще не было.

«До двух часов отдохну в канцелярии, — подумал я, — с двух до шести схожу на границу, потом часика три-четыре посплю дома».

Но этим планам не суждено было сбыться. Только я стал засыпать, как послышался шум в дежурной комнате. Поднявшись, я открыл дверь в дежурную комнату и не поверил своим глазам: Старченко в расстегнутом кителе и сдвинутой набок фуражке, явно находясь в солидном подпитии, что-то громко говорил заплетающимся языком дежурному по заставе.

— Вот старшему лейтенанту приказывайте, а не мне, — увидев меня, обрадовался дежурный.

Майор Старченко повернулся ко мне:

— Подним...те заставу в ружье, — еле выговаривая слова, приказал он. — Провер...м бо...вую готовность.

— Я не могу выполнить ваш приказ, товарищ майор, так как в период усиленной охраны границы учебные тревоги проводить запрещено.

— Выполняйте мой приказ, старший лейтенант, — все более раскаляясь, стал кричать Старченко.

— Если я выполню ваш приказ, — также громко сказал я, — то нарушу приказ начальника пограничного отряда. Я вас прошу — идите спать. Вы пьяны.

— Слушай, салага, ты кому это говоришь? Да ты еще под стол пешком ходил, а я уже охранял границу... Ах, да, ты же любимчик этого правоведа фанатика Якушина. Я тебя еще тогда приметил.

— Я вас тоже, товарищ майор. И все же прошу вас идти спать, — и, обхватив его, почти волоком потащил в канцелярию.

Хотя и с трудом, мне все же удалось уложить его в постель. А вскоре в канцелярии уже раздавался богатырский храп.

Возбужденный до предела, выкурив несколько папирос, я посмотрел на часы — время неумолимо приближалось к двум часам ночи. Поспать так и не пришлось, и я стал готовиться к выходу на границу.

Раздался телефонный звонок, я взял трубку и услышал голос коменданта пограничного участка капитана Игнатенко:

— Анатолий Антонович, — к семи часам привезите в комендатуру список пограничников, которые находятся на операции, — приказал он. — Мы отправим им туда денежное содержание, а на оставшихся на заставе получите вы.

— Есть, товарищ капитан, — постепенно успокаиваясь, ответил я.

— Где майор Старченко?

— Отдыхает.

— На это время он останется за вас.

— Понял, товарищ капитан, — без всякого энтузиазма ответил я и положил трубку.

Естественно, с двух до шести на границу я уже идти не мог. Кое-как прикорнув часа три, в шестом часу я уже был в седле и, прищипывая гнедога, наслаждался утренней прохладой, остывая от бурной ночи.

Передав коменданту список и получив деньги, я вскочил в седло и только хотел пришпорить гнедого, как услышал:

— Старший лейтенант Невара, к коменданту, срочно!

Это кричал дежурный по комендатуре.

Едва я переступил порог кабинета коменданта, как услышал суровый, похожий на приговор голос:

— У вас на заставе, старший лейтенант, безнаказанный прорыв через границу.

Эта короткая фраза ударила меня сильнее, чем тупой сук в нервное сплетение. А сердце застучало так, словно хотело вырваться из груди.

— Где?

— В районе пятьдесят второго пограничного знака.

— Не может быть. Там в двадцать один час к нам прорвалось через сигнализационную систему стадо кабанов. Я сам ездил по тревоге, очень тщательно проверял КСП, человеческих следов не было, — еще на что-то надеюсь, проговорил я.

— Прорыв не к нам, а от нас. Границу перешла женщина, и не вечером, а в три часа ночи. Поляки задержали ее и завтра передадут нам.

Я словно снова получил удар в нервное сплетение, заныли, заболели все суставчики. А в голове молниеносно пронеслись мрачные мысли, обгоняя одна другую. Я понял, что ни о каком переводе в разведку теперь и речи быть не может, так как из шестилетнего опыта службы на границе, где строжайше соблюдались утвердившиеся каноны, я усвоил несколько непреложных истин, одна из которых заключалась в том, что на начальника заставы, у которого происходил прорыв через границу, словно накладывалась печать Каина, и ни о каком выдвигении многие годы он уже не мог и мечтать.

Из шокового состояния меня вывел голос капитана Игнатенко:

— По прибытии на заставу сразу же лично проверите КСП, особенно внимательно в районе пятьдесят второго пограничного знака. Результаты доложите мне.

Через пару минут я уже гнал своего гнедого — аллюр три креста — на заставу. Въехав в ворота заставы, спросил дежурного, выбежавшего меня встречать:

— С часу до четырех ночи сигнализационная система срабатывала?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант.

У меня отлегло от сердца: может, поляки ошиблись и прорыв не у меня, а у соседей?

— Майор Старченко поднялся? — спросил я, разворачивая коня.

— Так точно. Все время разговаривает по телефону.

— Передайте ему, что я уехал на проверку контрольно-следовой полосы, — сказал я и пришпорил гнедого.

В течение трех часов я дважды тщательно проверил КСП, особенно от пятьдесят первого до пятьдесят третьего пограничных знаков, но человеческих следов нигде не обнаружил.

«Что за чертовщина? — уже более спокойно думал я, возвращаясь на заставу. — Система не срабатывала, следов нет, а нарушитель есть. Да еще и женщина! Она что, перелетела через инженерные сооружения?»

Постепенно я успокоился, уверовав в то, что произошла досадная ошибка. Но когда прибыл на заставу, неприятный холодок снова пробежал по спине — во дворе заставы стояло два легковых автомобиля.

Сдав оружие и боеприпасы, вошел в канцелярию и окинул взглядом присутствующих. За приставным столом сидели: начальник пограничного отряда полковник Янчук, два незнакомых мне полковника, два подполковника и майор Старченко. за столом начальника заставы сидел генерал-майор. Ему я и доложил:

— Товарищ генерал, контрольно-следовая полоса проверена, признаков нарушения границы не обнаружено. Начальник заставы старший лейтенант Невара.

— Что? — удивился генерал. — Как не обнаружено, если граница нарушена? Да вы что, не можете отличить следы человека от следов зайца или лисицы?

— Могу, товарищ генерал. Но человеческих следов на КСП нет. Правда, в районе пятьдесят второго пограничного знака границу перешло стадо диких кабанов. Но все равно, если бы был след человека, он где-нибудь бы сохранился.

— Вы что нам лапшу на уши вешаете, старший лейтенант? — вспылил генерал. — А может, вы замели следы в расчете на то, что удастся спрятать концы в воду? Так завтра же нам поляки передадут нарушителя границы, она покажет, где перешла КСП, и тогда вам несдобровать!

«Мне и так несдобровать», — подумал обреченно.

— Вы все слышали, полковник Янчук? — повернувшись к начальнику пограничного отряда, спросил генерал. — А вы еще докладывали, что это один из самых сильных начальников застав. Плохо вы знаете свои кадры.

«Финал ясен!» — пронеслось у меня в голове.

— Так вы, старший лейтенант, обнаружили следы на КСП или нет? — снова услышал я голос генерала.

— Нет, товарищ генерал, — твердо, но тихо и обреченно ответил я, почувствовав опустошающую душу апатию.

— Товарищ Лапшин, — обратился генерал к самому молодому подполковнику, — сейчас же, с начальником заставы, езжайте на границу и тщательно проверьте контрольно-следовую полосу, особенно в районе пятьдесят второго пограничного знака.

— Товарищ генерал, — поднявшись, вдруг произнес майор Старченко, — старший лейтенант Невара уже семь часов на лошади. Он еще не завтракал, а уже обед. Может быть...

— Ничего не может быть, — перебил его генерал. — Государственная граница не терпит ни минуты промедления. Выполняйте, товарищ Лапшин.

— Есть, товарищ генерал, — ответил подполковник Лапшин и поднялся из-за стола.

Я же о себе подумал, что не только не завтракал, но и спал-то менее трех часов.

«А Старченко, смотри, молодец! — подумал я, выходя из канцелярии. — Не побоялся генерала — проявил заботу обо мне. А я-то о нем думал значительно хуже».

Я, конечно, тогда еще не знал, какое тяжелое обвинение будет предъявлено мне по его клевете.

Увидев, как неуклюже садится подполковник Лапшин на лошадь, я подумал, что он такой же кавалерист, как я пианист, и решил ехать умеренной скоростью.

«Неровен час, еще упадет да шею сломает. Тогда вообще хана!» — подумал я, и меня охватила откуда-то нахлынувшая злость. Но странное дело — вместе со злостью появилось успокоение, и я стал воспринимать происходящие события так, словно наблюдал себя со стороны.

«Ямщик, не гони лошадей. Мне некуда больше спешить, — мысленно пропел слова знакомой песни. — И в самом деле, мне некуда больше спешить. Все равно буду виноват во всех земных и неземных грехах».

КСП проверяли спешившись, тщательно просматривая каждый метр, но, кроме кабаньих следов, обнаружить ничего не удалось. Подполковник Лапшин, поколебавшись несколько минут, принял решение проверить КСП повторно. Результаты были те же.

На заставу прибыли в восемнадцать часов. Когда вошли в канцелярию, у меня создалось впечатление, что там ничего не изменилось. Офицеры как сидели, так и продолжали сидеть на своих местах. Только теперь перед ними лежали документы: книга пограничной службы, учет сработок сигнализационной системы, учеты боевой подготовки и воспитательной работы и другие бумаги, из которых они делали выписки. А генерал просматривал тетрадь планов охраны границы.

— Товарищ генерал, контрольно-следовая полоса на всем участке заставы проверена дважды, — доложил подполковник Лапшин и замолчал, не зная, о чем дальше докладывать.

— Ну что, нашли следы, товарищ Лапшин? — пришел ему на помощь генерал.

— Никак нет, товарищ генерал.

— Что? — застыв от неожиданности, спросил генерал. — Что значит — не нашли? А куда же они делись?

— Не знаю, товарищ генерал, — растерялся Лапшин.

— А заделанные следы есть?

— Тоже нету, товарищ генерал, — уверенно произнес Лапшин.

— Значит, там не КСП, а асфальт, — распаляясь, повысил голос генерал.

— Никак нет, товарищ генерал, — обрел уверенность Лапшин. — КШ в отличном состоянии. Недавно вспаханная и забронованная так, что нет ни единого комочка.

— А как сигнализационная система, товарищ Мартынов? — спросил генерал.

Медлительный, как и большинство инженеров, подполковник Мартынов доложил:

— Сигнализационная система в рабочем состоянии. Судя по счетчику и записям в журнале, за последние сутки срабатывала в двадцать один и в пять утра.

— Ничего не понимаю, — раздраженно произнес генерал. — Система в три часа не срабатывала, следов нет, а нарушитель есть! Что вы об этом думаете, полковник Янчук?

— Тоже ничего пока не понимаю, товарищ генерал, — ответил начальник пограничного отряда.

— Может, нам тогда внесет ясность начальник заставы? — посмотрев на меня, строго произнес генерал.

Я стоял и молчал, так как и сам не знал, не только что доложить, но и что подумать. И вдруг я услышал такое, от чего даже закружилась голова и я чуть не упал.

— Может, вы нам объясните, старший лейтенант, почему вы не вышли на службу в два часа ночи, на тот участок, на котором и произошел безнаказанный прорыв нарушителя через границу.

— В двадцать один час сработала сигнализационная система. Я с тревожной группой ездил на границу. Возвратился в двадцать три. Думал часа три поспать и с двух до шести пойти на границу, на правый фланг. Но позвонил комендант участка капитан Игнатенко и вызвал меня к семи часам в комендатуру. Поэтому на границу я уже не пошел.

— То есть не выполнил боевой приказ на охрану государственной границы? — сурово спросил генерал.

— Какой приказ? — удивился я. — Никакого приказа я не получал. И кто вообще мог мне этот приказ отдать?

— Как кто? — Теперь уже спросил генерал. — Майор Старченко, вы отдавали такой приказ старшему лейтенанту Неваре?

— Так точно, товарищ генерал, — не моргнув глазом, ответил он.

«Да ты же был в дымину пьян! — чуть не закричал я, а потом подумал: ведь он боится, чтобы два года условных, полученных по приговору военного трибунала за расстрел без суда и следствия двенадцати бандитов, не превратились в безусловные. Не буду его выдавать. А мне все равно теперь долго придется отмываться... Да судя по всему — мне и не поверят. А вот то, что он мне отдавал приказ, отрицать буду».

— Товарищ майор, вы мне такого приказа не отдавали, — стал возражать я. — И вы это знаете не хуже меня.

— Тогда почему же об этом есть запись в плане охраны границы? — подвигая его ко мне, спросил генерал.

Я посмотрел и не поверил своим глазам — действительно в плане охраны черным по белому была сделана запись о том, что я должен был нести службу со своим коноводом с двух до шести в районе пятьдесят второго пограничного знака.

— Я этой записи не делал, — попробовал я защищаться.

— Вы правы. Эту запись сделал вчера вечером я, когда отдавал вам этот приказ, — тихо, с затаенной просьбой, произнес майор Старченко.

— Зачем вы так подло поступаете, товарищ майор, — возмутился я, — вы же мне никакого приказа не отдавали?!

— Замолчите, старшин лейтенант! — сурово произнес генерал. — Оказывается, вы не только можете лгать, но у вас еще хватает наглости и оскорблять старших по званию.

Я замолчал и с ненавистью смотрел на майора Старченко. Так и хотелось врезать по его отвратительной физиономии. Но я сдержался, так как уже пора было составлять план охраны границы на следующие сутки и проводить боевой расчет.

Следующая ночь была такой же кошмарной, как и предыдущая. Конечно, только для меня. Дважды срабатывала сигнализационная система, и каждый раз, с тревожной группой, выезжал на границу я, чуть ли не на четвереньках проверяя каждый метр контрольно-следовой полосы.

Возвратившись утром на заставу, отупевший от недосыпания и чувства безысходности, я хотел было плюнуть на все и пойти домой отоспаться, но начальник пограничного отряда полковник Янчук, который на соседней заставе встречался с представителями польской пограничной стражи, привез под охраной двух пограничников женщину, которая нарушила границу.

На вид ей было не больше пятидесяти, хотя шел уже шестьдесят второй год. На первом же допросе, который проводил один из полковников, прибывших с генералом, она чистосердечно рассказала о себе, то ли надеясь на смягчение наказания, то ли подводя черту своей двуликой жизни.

Перед войной была завербована немецкой разведкой и всю войну работала на нее. После войны была перевербована разведкой другого иностранного государства и устроилась домработницей у начальника отдела МГБ одной из областей Западной Украины. А чтобы не платить ей деньги из семенного бюджета, жена начальника настояла, и муж устроил ее уборщицей в свой отдел. Она убирала только его кабинет и кабинеты его заместителей.

Ориентировалась она очень хорошо и уверенно вела нас по пути, который проделала два дня назад. В этом мы окончательно убедились, когда она вывела нас точно к месту преодоления сигнализационной системы, о чем свидетельствовали аккуратно открученные от горизонтальных нитей вертикальные усы из колючей проволоки, в результате чего в заборе образовался лаз, через который она и преодолела систему. Знала она и о том, что при колебании колючей проволоки на заборе на заставе появится тревожный сигнал. Поэтому лаз делала у самого столба, и система не сработала.

А КСП, на удивление нам, прошли на носках, как балерина, и от ее следов остались только ямочки, похожие на следы кабанов, поэтому на них никто и не обратил внимания.

Когда возвратились на заставу, дежурный сказал мне, что приходила жена, разговаривала с генералом, все время плакала и так же со слезами ушла.

У меня защемило под ложечкой. Захотелось тут же бежать домой и успокоить ее. Но офицеры собрались уезжать, и я остался их проводить.

После того как стал известен способ преодоления границы нарушителем, я еще на что-то надеялся, пока не прочитал запись в пограничной книге, сделанную генералом. В ней говорилось о невыполнении мною боевого приказа, в результате чего и произошел прорыв через границу агента иностранной разведки. И я ясно осознал всю свою служебную обреченность. И не только служебную.

Минут тридцать я сидел без движения, пытаюсь представить свое будущее, но, кроме черной дыры, ничего впереди не видел. Рука механически потянулась к пистолету, но в это время дверь отворилась, и в канцелярию вошел лейтенант Попов. Саше Попову, этому замечательному человеку, прекрасному помощнику и неутомимому труженику, я обязан тем, что до сих пор живу.

— Товарищ старший лейтенант, группа пограничников в количестве восьмидесяти человек из операции возвратилась без происшествий, — доложил он. — Из трех агентов, сброшенных с самолета, один убит, а два взяты живыми.

— А у нас ЧП, Саша, — глухо произнес я.

— Я уже знаю, товарищ старший лейтенант, — садясь на стул, сказал Попов. — Да и по вашему лицу заметно. Идите отдохните и, пока не выспитесь, на заставу не приходите.

— Спасибо тебе, Саша. Я в самом деле за последние дни спал на более трех часов в сутки.

Пожав ему руку, я поспешил домой. Едва переступив порог, увидел Полину. Она стояла возле стола, и ни один мускул не дрогнул на ее лице при моем появлении. Да и видела ли она меня?

Мне стало жаль жену — ведь она страдала из-за меня. Подойдя к ней, я обнял ее и прижал к себе. И тут ее прорвало.

— Я больше так жить не могу, — рыдая, еле выговаривала она. — Я живу, как на необитаемом острове... Вокруг меня никого и ничего... Даже тебя.

У меня самого на глаза навернулись слезы. Я наклонился, чтобы поцеловать ее, и вдруг куда-то провалился...

Потом она мне говорила, что я мгновенно уснул, и она еле удержала меня, чтобы я не упал.

Проспал я почти двадцать часов. Зато поднялся на следующий день абсолютно бодрым, и события последних дней воспринимались значительно легче: дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут.

Несколько дней мы с лейтенантом Поповым работали в нормальном ритме. Жизнь на заставе снова потекла своим чередом. И вдруг...

Возбуждено уголовное дело

На заставу прибыли начальник пограничного отряда полковник Янчук, начальник штаба подполковник Малышев и с ними два капитана: один в пограничной форме, другой — в общевоинской.

— Товарищ Невара, — когда вошли в канцелярию, тихо, но жестко произнес полковник Янчук, — за невыполнение боевого приказа сотягчающими обстоятельствами — прорывом через границу агента иностранной разведки — против вас возбуждено уголовное дело на предмет предания суду военного трибунала.

Полковник говорил тихо, но в моем сознании слова звучали набатом и гулким эхом отдавались во всех клеточках моего организма. Такого оборота я, конечно, не ожидал, так как шесть лет безупречно служил границе и был на хорошем счету у командования. Мне захотелось закричать: «Это ложь! Никакого приказа не было!» — но язык почему-то не повиновался, и я не смог произнести ни единого звука.

Рука снова непроизвольно потянулась к пистолету, но этот жест не ускользнул от взгляда полковника.

— На период следствия вы отстраняетесь от командования заставой. Дела сегодня же начните передавать капитану, — и он показал на капитана в пограничной форме. — И немедленно сдайте ему пистолет.

Я снял с ремня кобуру вместе с пистолетом и передал капитану, а внутри у меня словно что-то оборвалось.

— Ваше дело будет вести следователь военной прокуратуры капитан Дружинин, — снова донесся до моего сознания голос полковника Янчука.

Я посмотрел на капитана в общевоинской форме и только теперь понял, зачем он здесь.

— Подполковник Малышев остается пока на заставе. Все возникающие вопросы решайте с ним, — сказал полковник Янчук и, пожав всем руки, уехал.

— Анатолий Антонович, — доброжелательным тоном произнес капитан Дружинин, когда кроме нас в канцелярии остался только подполковник Малышев, — вы только не отчаивайтесь, пожалуйста. У вас немало смягчающих обстоятельств, так что еще неизвестно, чем закончится дело.

Приятный голос и доброжелательный тон следователя вывели меня из шокового состояния, и меня прорвало:

— Не нужны ни смягчающие, ни отягчающие обстоятельства, — громко заговорил я, — так как не было самого приказа. Более того, майора Старченко с обеда на заставе не было, а когда ночью появился, то был до такой степени пьян, что не мог не только отдавать приказы, но и контролировать свои действия.

— Анатолий Антонович, — вмешался подполковник Малышев, — вы понимаете, какую ответственность берете на себя своим заявлением?

— Понимаю товарищ подполковник, — твердо заверил его я. — Тем более что терять мне больше нечего, — а повернувшись к следователю, добавил: — Но это правда, товарищ капитан.

— Я склонен вам верить, — капитан Дружинин остановил жестом подполковника Малышева, который хотел что-то сказать. — Но мне нужны доказательства.

Я сначала растерялся, а потом, вдруг вспомнив, что я был не один, обрадованно сказал:

— У меня есть свидетель.

— Кто?

— Ефрейтор Дронов, который в ту ночь был дежурным по заставе.

— Он подтвердит то, о чем вы сейчас нам рассказали?

Я опять растерялся — а вдруг ефрейтор сдрейфит?

— Не знаю, товарищ капитан. Я с ним на эту тему не говорил.

Через несколько минут, вызванный подполковником Малышевым, в канцелярию вошел стройный, подтянутый ефрейтор и бойко доложил:

— Товарищ подполковник, ефрейтор Дронов по вашему приказанию прибыл.

— Вас вызывал я, товарищ Дронов, — все так же тихо и доброжелательно сказал следователь. — Скажите, где вы были в ночь с тридцатого апреля на Первое мая?

— Нес службу дежурного по заставе, — несколько растерянно, очевидно не понимая, зачем его об этом спрашивают, ответил Дронов.

— С какого времени вы несли службу? — попросил уточнить следователь.

— С девятнадцати часов тридцатого апреля.

— Расскажите, что происходило на заставе в ту ночь, начиная с девятнадцати часов, — издали начал капитан Дружинин. — Только, пожалуйста, не упускайте никаких деталей.

— С девятнадцати до двадцати был ужин, — начал вспоминать ефрейтор. — В двадцать часов подготовил два пограничных наряда, начальник заставы поставил им боевой приказ, и они вышли на охрану границы... В двадцать один сработала сигнализационная система. Начальник заставы с тревожной группой выезжал лично. Система сработала от диких кабанов. В двадцать три часа старший лейтенант Невара возвратился с границы и хотел в канцелярии отдохнуть...

Дронов замолчал. Наступила пауза. У меня кровь прилила к вискам, так как решалась моя судьба. Мне казалось, что в наступившей тишине я даже слышу удары собственного сердца.

«Неужели не скажет?» — промелькнуло в голове.

— В это время, — медленно проговорил Дронов, — появился майор.

— Откуда появился, товарищ Дронов? — словно о несущественной мелочи, спросил следователь. — Его что, на заставе до этого не было?

— Не было, товарищ капитан. Он ушел в село еще днем...

Дронов снова замолчал.

— Что было дальше? — после паузы без нажима напомнил о себе следователь.

— В два часа старший лейтенант Невара отправил последние ночные наряды и лег в казарме на свободную кровать, приказав поднять его в пять часов утра.

— Обождите, обождите, Дронов, — улыбнулся следователь. — Что-то вы здорово перескочили. С двадцати трех до двух часов — это же целых три часа.

У меня снова застучало в висках: «Неужели не скажет?»

— Я — следователь военной прокуратуры, товарищ Дронов, — снова послышался спокойный голос капитана Дружинина. — И интересуюсь не ради праздного любопытства. Вы поняли меня?

— Понял, товарищ капитан, — растерянно произнес Дронов и снова замолчал.

— Скажите, Дронов, почему старший лейтенант Невара собирался отдыхать в канцелярии, а ушел в казарму, на свободную кровать? И куда делся майор? Он с вами разговаривал, когда появился на заставе? — задал наводящие вопросы следователь.

— Никак нет... То есть он не разговаривал, а приказывал, — совсем растерянно произнес Дронов.

— Что же он вам приказывал?

— Поднять заставу в ружье.

— Что? — не выдержал подполковник Малышев. — В ружье?

Дронов вдруг облегченно вздохнул и выложил:

— Майор приказывал мне поднять заставу в ружье, чтобы проверить боевую готовность. Я отказался выполнять его приказ, а он стал на меня кричать. В это время из канцелярии вышел начальник заставы. Он и на него стал кричать и требовал поднять заставу в ружье.

— В период усиленной охраны границы, товарищ капитан, учебные тревоги проводить запрещено, — обращаясь к следователю, уточнил подполковник Малышев.

— Старший лейтенант Невара так ему и сказал, — уже более уверенно подтвердил Дронов. — А потом повел майора в канцелярию.

— Почему повел? — спросил капитан Дружинин. — Он что, сам не мог идти?

С минуту поколебавшись и окинув взглядом офицеров, Дронов наконец выговорил то, что с нетерпением ждал от него я:

— Он был сильно пьян.

Услышав эти слова, я с облегчением вздохнул.

— Как вы это определили? — прозвучал очередной вопрос следователя, показавшийся мне в определенной степени странным.

Но Дронов не растерялся.

— От него разило спиртным. Он нетвердо стоял на ногах и с трудом выговаривал слова.

«Спасибо тебе, дорогой мой ефрейтор!» — с благодарностью подумал я о Дронове.

— Хорошо, товарищ Дронов, достаточно. Но все, что вы нам сегодня говорили, изложите, пожалуйста, письменно, — и Дружинин протянул ему несколько листов бумаги. — А теперь идите.

— Да-а-а!.. — протяжно произнес подполковник Малышев. — Впрочем, я с самого начала не мог поверить в то, что старший лейтенант Невара не выполнил боевой приказ... А майор Старченко за последнее время что-то частенько стал заглядывать в бутылку.

— К сожалению, товарищ подполковник, свидетельских показаний одного человека, да еще и подчиненного, недостаточно для прекращения уголовного дела. А вот мера пресечения с учетом этого для старшего лейтенанта Невары будет самой минимальной — подписка о невыезде.

Под следствием

Сначала, когда ефрейтор Дронов подтвердил, что майор Старченко был пьян, я обрадовался несказанно, наивно полагая, что мое уголовное дело будет сразу же закрыто. Но шли дни за днями, а мое положение оставалось неопределенным.

Один-два раза в неделю на заставу приезжал следователь капитан Дружинин и настойчиво искал тех, с кем майор Старченко в первомайские дни делил застолье.

Только спустя много лет я до конца осознал, как мне со следователем чертовски повезло. Это был добрейшей души человек, который не пытался спихнуть дело, как говорят на Руси, «с плеч долой», а упрямо добивался истины! Сейчас таких следователей — один на сотню, а то и на тысячу.

Но тогда я об этом не думал. Под давлением складывающихся обстоятельств окончательно сдал. Ел мало. Спал плохо. По ночам вдруг просыпался в холодном поту и с открытыми глазами, устремленными в потолок, лежал до утра, мучительно думая: как же так произошло, что я из перспективного офицера, которого на совещаниях ставили в пример другим, вдруг превратился в преступника, которому грозит если не вышка, то максимальный срок заключения.

Жена тоже ходила чернее тучи. Мы почти не разговаривали, и единственным утешением для нас и связующим звеном был сынишка Саша, которому шел третий годик.

Каждый день утром, поигравшись с сыном и выпив стакан чая, шел в канцелярию заставы, под наблюдение начальника заставы. Там либо писал какие-нибудь бумаги, либо ложился на солдатскую кровать и думал свою тяжелую думу.

— Ты хотя бы побрился, — вдруг бесстрастно произнесла жена, когда я очередной раз собрался идти на заставу.

И тут я вспомнил, что уже с неделю к моему лицу не прикасалась бритва.

— Хорошо, — так же бесстрастно произнес я и, настроив безопасную бритву, стал кисточкой взбивать мыльную пену.

Когда пена была готова, я посмотрел в зеркало и чуть не потерял сознание — вместо молодого, жизнерадостного, с темными, вьющимися волосами человека на меня смотрел заросший щетиной, седовласый старик с потухшими глазами.

Несколько минут, находясь в шоке, я сидел без движения с зажатой в правой руке кисточкой для бритья. Наконец почувствовал, как по жилам потекла кровь, и поклялся, что духом больше падать не буду, а буду бороться за свободу, за возвращение в строй. И нужно отдать должное следователю, он помог мне выполнить эту клятву.

В этот день на заставу приехал капитан Дружинин.

— Скажите, Анатолий Антонович, — после нескольких ничего не значащих вопросов вдруг спросил он, — как вы попали в пограничные войска? Ведь вы служили в пехоте, учились в школе снайперов, а потом в Харьковском общевойсковом пехотном училище.

— Снайперская школа располагалась на окраине города Пирятин Полтавской области, — начал я свой рассказ. — Недалеко от школы, на сопочке, находился пост ВНОС*. Там несли службу семь девушек. Командиром у них была сержант Аня Иванова. После случайной встречи с ней мы подружились, потом и полюбили друга друга, это была чистая, я бы сказал — святая любовь.

Я замолчал и посмотрел на следователя.

— Продолжайте, Анатолий Антонович, — как-то заинтересованно произнес он. — Я вас внимательно слушаю.

— В январе сорок пятого года пост ВНОС передислоцировался на запад и расположился недалеко от города Добромилы Дрогобычской области. А вскоре снайперская школа сформировала большую команду снайперов, в которую входил и я, и направила на стажировку на Второй Украинский фронт. В это время он находился в длительной позиционной обороне, и мы в наступательных операциях не участвовали.

* ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь.

К сожалению, я не запомнил ни номера дивизии, ни номера полка, где проходил стажировку. Но, во-первых, юношеская память — а мне шел только восемнадцатый год — не фиксировала внимание на таких деталях! А во-вторых, мы с напарником, взяв сухой паек на день, еще до рассвета выползли вперед пехоты на свою снайперскую позицию, где находились до наступления темноты. А возвратившись затемно в первую траншею пехоты, мы шли в землянку и засыпали мертвецким сном. И так повторялось ежедневно в период пребывания на стажировке. Так что с пехотой мы почти не общались.

Что же касается местности, знаю только, что находились на территории Чехословакии, в предгорье Западных Карпат недалеко от Польши, по территории которой следовали на фронт.

Со стажировки нас возвратилась едва ли половина. Остальные или погибли, или попали в госпитали по ранению.

Следователь слушал меня внимательно, и я продолжил свою исповедь:

— После стажировки меня направили в Харьковское общевойсковое пехотное училище, где я подружился с Мишей Луниным, у которого немцы расстреляли всю семью. Там, в училище, мы встретили и День Победы. Все это время я почти ежедневно получал письма от Ани и сам писал также. А вот после Дня Победы я перестал получать письма и три месяца переживал, теряясь в догадках. А в первых в числах сентября сорок пятого года я получил письмо от Наташи — подруги и подчиненной Ани. Вот оно, — и я протянул письмо, которое постоянно носил с собой, следователю:

«Здравствуй, Толя!

Пишет тебе Наташа. Помнишь из поста ВНОС, что стоял возле снайперской школы? Я долго не могла насмелиться написать это письмо, зная, какую душевную травму тебе нанесу. Наконец решила написать, чтобы ты знал все о нашей Анке и ничего плохого о ней не думал.

Толя, если бы знал, как она тебя любила! Как мечтала о встрече с тобой.

После Дня Победы Аня собиралась отпроситься у командования и поехать к тебе. Но этому не суждено было сбыться. На рассвете бандеровская банда напала на пост, и мы около часа вели бой. Но силы были неравны, и им удалось захватить пост. Взорвав технику и добив из пистолетов раненых девчонок, бан-

да ушла. Кроме меня, все шесть девушек, в том числе и твоя Аннушка, погибли.

Меня в бессознательном состоянии подобрали пограничники, которые вскоре прибыли к месту боя, и отправили в госпиталь. Они же организовали похороны девчонок. Похоронили их в городе Добромиле Дрогобычской области, в скверике перед исполкомом.

После госпиталя командование удовлетворило мою просьбу, и я в сопровождении нескольких ребят из полка побывала в Добромиле на могилке своих дорогих подружек. Положив на могилку цветы и наревавшись вдоволь, я уехала к себе на родину.

Одного бандюгу я запомнила. Он ходил в сопровождении нескольких бандюков с пистолетом в руке и добывал раненых девчонок, запомнила его холодный, безжалостный взгляд и левую руку в черной кожаной перчатке, наверное, это был протез. Что было дальше, я не знаю, так как потеряла сознание.

Прости, Толя, что я доставила тебе такое горе, но, не получая писем, ты мог плохо подумать об Аннушке, о нашей любимой Анке.

Если захочешь, напиши. Адрес на конверте. Наташа».

— Я слышал об этом, но думал, что это легенда, — прочитав письмо и возвращая его мне, тихо произнес Дружинин.

А я продолжил свою исповедь:

— Благодаря хорошей подготовке в снайперской школе и инициативе Миши Лунина мы за одиннадцать месяцев закончили училище по двухгодичной программе, закончили с отличием и получили право выбора места службы.

Первыми «покупателями» в своих красивых зеленых фуражках появились пограничники Украинского пограничного округа, расположенного в городе Львове.

Узнав от них, что Добромильский пограничный отряд входит в состав этого округа, мы с Мишей Луниным попросились к ним, сообщив, что имеем право выбора места службы. Они дали согласие.

Через несколько минут мы уже стояли перед командиром своего дивизиона, но тот, не дав нам и слова произнести, общил:

— Инженерный отдел Черноморского флота запросил восемь наиболее сильных офицеров, и мы решили предложить эти места выпускникам, окончившим училище с отличием. В том числе и вам двоим.

— А мы уже выбрали место службы, — твердо заявил Миша, который всегда успевал решать проблемы раньше меня.

Миша был на шесть лет старше меня. Прошел почти через всю войну. Кроме медалей его грудь украшали четыре ордена, в том числе и орден Славы третьей степени.

— Какое? — спросил подполковник.

— Пограничные войска, — ответил Миша.

— Что? — шокированный ответом, вдруг воскликнул он. — А вы знаете, судари, что это такое? Или судите о границе по кинофильму «Джувльбарс»?

Он битый час рассказывал нам о трудностях пограничной службы. Оказалось, что он сам перед войной служил на границе. Там и войну встретил. Но мы были непреклонны.

— Ну, что же, пойдете служить в пограничные войска, — не выдержал командир дивизиона. — В конечном счете вы на это имеете право. Только потом не жалейте.

— Есть не жалеть! — ответили мы в унисон.

Вот так я попал в пограничные войска.

— И не жалеете сейчас? — спросил Дружинин.

— В том, что произошло со мной сейчас, виноваты не пограничные войска.

— Да, конечно, — как-то задумчиво произнес капитан Дружинин и ушел в село.

Возвратился он только вечером. Где он был, что делал в селе, я, конечно, не знал. Но догадывался. Он искал свидетелей пьянки майора Старченко.

После этого каждый раз, когда он приезжал на заставу, а следствие длилось несколько месяцев, он незаметно своими, казалось бы, ничего не значащими вопросами, заставлял меня вспоминать прошлую службу на границе и внимательно слушал мою исповедь.

Зачем он это делал, я до сих пор не знаю: или хотел лучше узнать условия службы на границе, или меня, окунувшегося в эту службу с головой.

А я тогда считал, что не только служба, но и моя жизнь закончилась, и никогда не думал, что пограничная служба пройдет через всю мою сознательную жизнь. И уже в зрелом возрасте я написал стихотворение:

МОИ ДРУЗЬЯ

Опять под синим небом осени
Курлычут стаи журавлей.

И снова иней сизой проседью
Лежит средь скошенных полей.

И в мою память, словно вестники,
Приходят все мои друзья,
Мои далекие ровесники,
С кем выходил в дорогу я.

Дорога та была границею,
Где, преградив пути врагу,
Мы становились меднолицыми,
И в дождь, и в лютую пургу.

И в восемнадцать лет, безусыми,
На том, на первом рубеже,
Преодолев и страх, и трусость,
Мы были зрелыми уже.

Какие дали нами пройдены
В горах, в тайге, в тиши степей!
На всех границах нашей Родины
Найдешь теперь моих друзей.

Часть вторая

ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

Детство и юность

У Сергея Есенина есть такие строки:

Я теперь скупее стал желаньем,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Будто я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Вот и я будто скакал «аллюр три креста», только не на розовом, а на вороном коне, который вдруг резко остановился, и я вылетел из седла.

До этого у меня не было времени не только мысленно возвращаться в прошлое, но даже оглянуться назад. А тут вдруг уйма свободного времени и удивительно внимательный слушатель — следователь Дружинин. Так что, пока несколько месяцев шло следствие, я имел возможность рассказать ему про всю свою, правда очень короткую, жизнь.

Главку я назвал «Детство и юность». А ведь юности у меня фактически не было. Ее отняла у меня война, так как, кроме непосильного труда, смертельной опасности и процесса выживания, мне из юности больше нечего вспомнить.

Когда началась война, отец работал председателем Ольховатского районного исполнительного комитета Харьковской области. И, естественно, был коммунистом. В связи с угрозой оккупации области немцами он решил вместе с семьей эвакуироваться в глубь страны. Мне тогда исполнилось только четырнадцать лет.

Ехали мы на пароконной повозке с будкой, обитой от дождя клеенкой. Семья состояла из восьми человек. Естественно, все на повозке поместиться не могли и по очереди шли рядом с по-

возкой. А так как старше меня были сестры, пешком чаще всего приходилось идти мне.

Несколько раз на многотысячную колонну таких же, как и мы, беженцев налетали немецкие самолеты и, несмотря на то, что, снижаясь до бреющего полета, летчики ясно видели, что под ними женщины, дети и старики, а не армейские части, яростно обстреливали колонну из пулеметов, а то и сбрасывали бомбы.

Я на всю жизнь запомнил улыбающееся лицо немецкого летчика, поливающего из пулемета бегающую вокруг скирды соломы толпу обезумевших людей.

Когда самолеты улетали, на поле оставались десятки убитых ими людей, в том числе и детей, а по всему полю слышались стоны и истерические крики раненых и убитых горем матерей. Родственники убитых и раненых оставались с ними, а колонна двигалась дальше.

В одном из сел в заброшенном и полуразрушенном доме, которых во время войны было немало, мы пережили зимние холода и двинулись дальше.

На какой-то железнодорожной станции отец узнал, что стоит состав с эвакуированными, и, договорившись с официальными представителями, получил разрешение разместить в одном из вагонов и свою семью, передав под расписку лошадей одной из воинских частей.

«О, ура! Я впервые поеду на поезде!» — не было предела моей радости. Но ехать нам далеко не пришлось. На станции Рай Воронежской области, где остановился наш эшелон, немецкие самолеты устроили сущий ад. Взрывы бомб, гудки паровозов, крики обезумевших людей и стоны раненых превратились в сплошной душераздирающий рев. Долгогорящие немецкие ракеты на парашютиках, горящие вагоны и станционные здания освещали округу на несколько километров. От этого ада и какофонии звуков, раздирающих барабанные перепонки, я бежал в поле до тех пор, пока бесчувственно не свалился в бурьян.

Пришел в себя уже на рассвете. Бомбежки не было. На месте станции — пожарище, над которым стояло густое черное облако дыма.

Два дня я бродил вокруг станции в поисках родных, но безрезультатно. Как потом я узнал, они тоже двое суток меня искали. Но пути наши не пересеклись.

Я обессиленно сел на штабель шпал, и из моих глаз беззвучно потекли обильные слезы. Наступила апатия. Я думал, что жизнь моя закончилась. Но спасли хорошие люди. Старшина из одной воинской части, у которого сын моего возраста, остался на оккупированной немцами территории, приютил меня, и я дошел с этой частью до излучины Дона. Оттуда старшина отправил меня в Сталинград. Перед посадкой меня на попутную машину он, положив руку мне на плечо, грустно произнес:

— Чует мое сердце, сынок, здесь мы костями ляжем. А тебе надо жить. Постарайся в Сталинграде найти эвакуопункт и узнай про свою семью. Не узнаешь — найди любой детдом. Я думаю, тебя туда примут.

Два дня я бродил по городу. Нашел эвакуопункт, но мои родители там не были зарегистрированы. А детдома я так и не нашел. Живот от голода почти прилип к позвоночнику. Но пуще голода мучила жажда. Шел август сорок второго года. Стояла тридцатиградусная жара, и ни малейшего дуновения ветерка.

Я направился к Волге, чтобы набрать в поллитровую бутылку воды и попить. У реки, на бетонном парапете, сидел пожилой мужчина и, положив на большой ломоть круглого подового хлеба почти такой же кусок сала, с аппетитом ел. Я, как загипнотизированный, остановился в нескольких шагах от него и не мог оторвать взгляда от этого большого, своеобразного бутерброда, который постепенно уменьшался.

— Сынок, ты, наверное, есть хочешь? — вдруг донеслось до моего сознания.

Я с трудом оторвал взгляд от бутерброда и, посмотрев на мужчину, понял, что это он спрашивал меня. Ответить я не смог, а только кивнул головой.

— Иди, садись, — показал мужчина рукой на парапет впереди себя.

Я сел.

— Пить хочешь?

Я опять кивнул головой.

— На, попей немного, — и он протянул мне солдатскую флягу.

Я сделал несколько глотков и почувствовал, как струя воды потекла в желудок. Мужчина в это время отрезал тоненький ломоть хлеба, на который положил тоненький слой сала, и протянул мне.

«У, жадина!» — со злостью подумал я.

— Тебе, сынок, больше пока нельзя. После длительного голодания сразу много есть нельзя — будет плохо, — словно угадав мои мысли, произнес мужчина. — И это ешь небольшими глотками.

Пока я, с усилием сдерживая себя, потихоньку ел, мужчина внимательно разглядывал меня. Во взгляде его было столько теплоты, что мне стало стыдно за свои первые мысли.

— Ты откуда, сынок? — вдруг спросил он.

— С Украины, Харьковской области, — пережевывая пищу, с трудом выговорил я.

— А район какой?

— Ольховатский.

— Я так и думал. Сам оттуда. А как твоя фамилия?

— Невара.

— Значит, Антона Петровича сынок?

— Да. А вы что, его знаете?

— Конечно. И тебя немного помню. А почему ты оказался здесь один?

Я коротко рассказал.

— Ну, слава богу, что я тебя встретил. Через несколько дней ты снова будешь в своей семье.

— Вы знаете, где наша семья?

— Я работаю в Саратовском эвакопункте и направил твоего отца с семьей в село Брандербер Кукуцкого района Республики Немцев Поволжья. Немцев-то оттуда выселили, а их дома заняли эвакуированные. Сегодня вечером мы сядем на теплоход, который идет до Саратова. Послезавтра утром на одной из пристаней ты сойдешь на берег и, расспросив дорогу к селу Брандербер, пойдешь и найдешь свою семью. Там недалеко — километров двенадцать-пятнадцать.

Мужчина (к сожалению, фамилию его не запомнил) понемногу давал мне есть, пока мой желудок не заработал. После этого хорошо накормил меня. Так я убедился, что не зря существует пословица: «В миру не без добрых людей».

Через два дня, уставший, но довольный, я вошел в добротный дом немецкого колониста, в котором разместилась наша семья. Я ожидал бурной радости по случаю возвращения «блудного сына». Но увидел три горы одежды, из-под которых выглядывали желтые, болезненные лица матери и двух сестер. Как потом оказалось, их трясла тропическая лихорадка. Только мама улыбнулась одними глазами и прошептала: «Сыночек, нашел нас!» И по ее щекам скатилось несколько слезинок.

Это, пожалуй, и все, что сохранилось конкретное в моей памяти того периода. Остальное превратилось в сплошной трудовой поток на полевом стане во вновь созданном колхозе. Надо было кормить армию, да и себя тоже.

Хотя нам оставалось не так уж и много, если не сказать иначе.

Поднимались мы на рассвете, весь световой день работали, а вечером, до предела уставшие, падали на нары и мгновенно засыпали. И так изо дня в день без выходных. Работали даже инвалиды без руки или без ноги, прошедшие фронт. Остальные были в основном женщины и дети. Поэтому я, четырнадцатилетний, на правах мужчины работал на косилке-лобогрейке.

Но никто не роптал, и слова: «Все для фронта, все для победы» были для нас не лозунгом, а святым делом.

Единственное, чем мы интересовались, так это ходом боев в районе Сталинграда.

Армады немецких самолетов нередко пролетали и над Брандербером, но ни одна бомба не была сброшена на нас. Очевидно, немцы жалели своих собратьев по крови и, одержав победу, хотели сохранить их жилища в целостности и сохранности.

Незаметно подошла зима. Но работы на полях не прекращались, так как рабочих рук не хватало и за осень весь урожай не успели собрать. А зима в сорок втором году на Волге была снежная и морозная. Нередки были случаи и обморожения, хотя старались одеваться как можно теплее.

И вдруг в ноябре наши сердца и души согрело радостное сообщение о переходе наших войск под Сталинградом в решительное контрнаступление.

Женщина — парторг колхоза где-то раздобыла старенький батарейный радиоприемник, и мы, прежде чем уснуть, слушали сообщение Совинформбюро и бурной радостью встречали новые победы наших воинов под Сталинградом.

Ровно через пять месяцев после победы наших войск под Сталинградом началось новое крупное сражение на Орловско-Курской дуге, которое также завершилось победой Красной Армии. А 23 августа 1943 года уже был освобожден город Харьков.

На родине

После освобождения Харьковской области отец стал готовиться к возвращению на родину, хотя там у нас почему-то никакой родни не было. Отец с детства батрачил у зажиточного

крестьянина, а мать с детства работала в какой-то экономии, основанной иностранным колонистом. И если отцу, как достаточно способному, хозяин разрешил закончить четыре класса церковно-приходской школы, то мать не училась ни одного дня. Потом уже мы, дети, обучали ее грамоте. Кроме того, у нас на родине не было даже дома своего. Очевидно, поэтому мать настаивала на том, чтобы остаться жить в селе Брандер, где у нас уже был добротный дом и даже хозяйственные постройки.

Но отец настоял на своем, и мы, собрав свои скудные пожитки, возвратились в село Ольховатку, районный центр Харьковской области, хотя фронт пока только подходил к Днепру.

Отца сразу же назначили председателем райпромкомбината, как самой важной районной структуры в условиях военной разрухи. К этому времени в районе уже завершилось создание районных учреждений, открывались школы, детские сады, поликлиники и больницы. Все они нуждались в мебели, и райпромкомбинат наладил выпуск самого необходимого: столов, стульев, табуреток, классных парт и скамеек. А я, в свои шестнадцать лет, возглавил цех по производству самых обыкновенных ученических ручек, табуреток и примитивных парт, без которых конечно же невозможно было учиться в школе.

Уже через несколько месяцев школы имели их в достаточном количестве. Отправляли даже в соседние районы.

Когда мы возвращались на Украину, видели разрушенные города, сожженные села, а кое-где еще сохранились виселицы, на которых немцы вешали ни в чем не повинных мирных жителей и даже детей, и в душе все больше зрела ненависть к тем, кто развязал войну, то есть к немцам.

Это чувство требовало выхода, и я стал писать заявление за заявлением с просьбой отправить меня на фронт.

Райвоенком, хорошо знавший моего отца, несколько раз вызывал меня к себе и объяснял, что я еще несовершеннолетний, наконец не выдержал и, когда мне в 1944 году исполнилось семнадцать лет, прислал повестку и направил меня в 30-ю окружную школу отличных стрелков снайперской подготовки со сроком обучения шесть месяцев.

Фронт уже был за пределами нашей Родины, судьба Германии висела на волоске, и райвоенком надеялся, что, пока я буду учиться в школе, война закончится. Но она продолжалась еще почти год.

Так что и мне пришлось побывать на фронте. Пусть только месяц, с дорогой туда и обратно. Но это был фронт. Хотя поездка туда и называлась снайперской стажировкой.

Все это я урывками рассказал капитану Дружинину в период его приездов на заставу.

В один из приездов он как-то сказал:

— Я верю в вашу невиновность, Анатолий Антонович, но мне нужны свидетели, которые бы письменно подтвердили пьянство майора Старченко в селе в ночь на 1 мая.

Свидетели нашлись

Шел уже второй месяц, как я находился под следствием, но сдвигов никаких не было.

С каждым приездом на заставу капитан Дружинин все больше стал нервничать и, возвратившись из села, молча уезжал в город Добромиль.

Наконец он приехал, как он сказал, в последний раз и, смотря куда-то вдаль мимо меня, с грустью сказал:

— К сожалению, Анатолий Антонович, я так и не нашел, где же пьянствовал майор Старченко. А начальство который раз напоминает, что уже все сроки прошли... Пора передавать дело в суд, иначе меня отстранят от дела... с тяжелыми для вас последствиями. Я приехал последний раз сказать вам, что... пишу обвинительное постановление и передаю дело в суд. — И Дружинин тяжело вздохнул.

А я понял, что моя судьба решена окончательно. Возврата к прошлому и быть не может. Мне светит одно из двух: либо двадцать пять лет заключения, либо вышка. И я словно куда-то провалился, пока не услышал:

— Ну, до свиданья, Анатолий Антонович. Не поминайте лихом. Видит Бог, я все делал для того, чтобы оправдать вас, но обстоятельства сильнее меня.

И тут меня словно осенило:

— В школе работают две учительницы из восточных районов Украины. Вы с ними говорили, товарищ капитан?

— Да, говорил, черт возьми. Уже и так и эдак — категорически отрицают и все тут. Говорят, никакого майора они не знают и знать не хотят.

— А вы, товарищ капитан, сходили бы еще раз, последний... К Галине Павловне, директору школы... ну... скажем, намекну-

ли бы, что из-за этого майора Невару отдадут под суд военного трибунала.

— Она ваша любовница?

— Нет, что вы, товарищ капитан... Я ведь женат.

— При виде такой красавицы и женатый может с ума сойти.

— Нет, нет... Я только помогал школе... Посылал солдат то окна отремонтировать, то дров напилить...

Говорил, а сам чувствовал, что покраснел до ушей, так как действительно был влюблен в Галину Павловну, но даже виду не показывал. Так сказать, влюблен был заочно.

— Да не краснейте вы, Анатолий Антонович, как красная девица. На вашем бледном лице румянец очень заметен.

— Еще раз повторяю, что никаких интимных отношений у меня с ней не было.

— Хорошо, хорошо, Анатолий Антонович, сейчас же пойду к ней. В конечном счете это наша с вами последняя возможность поставить в деле точку.

Капитан устало поднялся из-за стола и ушел в село.

Почти три часа я ждал с нетерпением его возвращения, и когда он, весь сияющий, показался в калитке, облегченно вздохнул.

— А вы знаете, Анатолий Антонович, Галина Павловна вас боготворит и, по-моему, влюблена в вас до безумия... — несколько возвышенно проговорил капитан Дружинин.

— Но между нами действительно ничего не было, — снова заверил я, с нетерпением ожидая слов Дружинина о результатах его похода в село.

— А я в этом и не сомневаюсь, Анатолий Антонович. Похоже на то, что ваша любовь была горячеей, но безответной с обеих сторон, — успокоил меня капитан.

— Когда я Галине Павловне сказал, что вас по вине майора Старченко могут отдать под суд, лицо ее стало белее мела. Она чуть было не потеряла сознание. А когда успокоилась, вывернула майора наизнанку. Оказывается, он не только там пил почти весь день и полночи, но и пытался изнасиловать подружку Галины Павловны, которая старше ее. Вот их объяснительные записки.

Он показал несколько листков, исписанных мелким каллиграфическим почерком.

— Теперь с легким сердцем закрою дело ввиду отсутствия состава преступления, — с удовлетворением заключил следо-

ватель. — А через пару дней вызову вас в отряд, чтобы вы ознакомились с заключением.

Мы тепло простились, и я бегом направился домой.

— Поинка, дело закрыто ввиду отсутствия состава преступления, — с порога закричал я. — Меня оправдали... Я не виноват... не виноват... не виноват!

Но пассивность Полины несколько охладила мой пыл. Тогда я схватил сынишку Сашу и стал кружиться с ним по комнате, повторяя:

— Сынок, твой папка не виноват... не виноват... не виноват!

— Поздравляю тебя, Толя, — как-то буднично произнесла Полина, потом вдруг села и разрыдалась.

Как потом она сама объяснила, это были слезы радости.

Через два дня меня вызвали в отряд и в кабинете начальника штаба подполковника Малышева капитан Дружинин объявил мне о том, что мое уголовное дело закрыто ввиду отсутствия состава преступления, и долго жал мне руку.

Только теперь, через многие годы, я до конца осознал, что своей свободой обязан этому замечательному следователю. И как жаль, что на радостях тогда не записал его координаты.

— По душе ты мне пришелся, Анатолий Антонович, — с дружеской теплотой произнес капитан Дружинин. — Поэтому, несмотря на давление со стороны начальства, я старался довести дело до логического конца и, слава богу, при твоей помощи добился этого. А теперь твою судьбу будет решать командование.

— Спасибо вам, товарищ капитан. Всю жизнь буду помнить вашу доброту, — душевно сказал я Дружинину. — И вам спасибо, товарищ подполковник, за ваше участие ко мне, — поблагодарил и подполковника Малышева.

— Ваша дальнейшая судьба уже решена, Анатолий Антонович, — к моей радости, сообщил подполковник Малышев. — С завтрашнего дня снова принимайте свою заставу. А командование отряда очень сожалеет о том, что вам пришлось пережить эти тяжелые дни, — заключил он и пожал мне руку.

Покинув кабинет начальника штаба пограничного отряда, я сначала направился в магазин и купил бутылку вина. После этого вскочил на своего гнедого и, как прежде, дал «аллюр три креста».

Подъехав к своему дому, бросил повод коноводу, сам влетел в комнату и закричал:

— Полинка, кончились все наши кошмары. Завтра снова принимаю заставу, — обнимая и целуя жену, шептал я, а потом взял на руки и понес на кровать.

Впервые за три месяца она меня не оттолкнула. Даже отвечала взаимностью.

Потом мы ужинали и вопреки утвердившемуся у меня «сухому закону» выпили всю бутылку вина. Легко опьяненные, мы уснули только за полночь.

Нервный шок

Я проснулся первым, когда за окном был уже день. На душе ощутил смутную тревогу, а в теле какую-то невесомость. Решил встать с постели, но вдруг почувствовал, что ноги мне не повинуются, и рухнул на пол. Леденящий страх сковал душу. Попробовал подняться, но не смог и громко застонал.

— Толя, что с тобой? — испуганно закричала Полина, увидев меня на полу. Расширенными от страха глазами она смотрела, как я с трудом пытаюсь принять сидячее положение.

— Помоги мне, Полина, лечь на кровать, — еле выговорил я. Лоб у меня покрылся капельками пота. — У меня отнялись ноги, — наконец смог выговорить я.

Полина, ничего не понимая, стояла рядом с открытым ртом, не в состоянии произнести ни единого слова. Наконец до ее сознания дошел смысл сказанного. Она бросилась ко мне и неимоверными усилиями, рыдая, помогла мне взобраться на кровать.

— Что же будет с тобой, Толя? — в растерянности спросила она, обливаясь слезами. — Да и с нами... Со мной... С Сашей?

Эта фраза больно резанула мне по сердцу. Я чуть не потерял сознание, затем, отдышавшись, тихо попросил:

— Полина, иди на заставу и скажи Попову, чтобы он позвонил в санитарную часть отряда, — и закрыл глаза.

Я слышал, когда Полина вышла из дома. Только после этого из моих глаз хлынули слезы.

— Санитарная машина будет примерно через час, — сказала Полина, возвратившись с заставы, и, всхлипывая, стала собирать меня в дорогу, понимая, что теперь уезжаю надолго.

Я молча наблюдал за ней, а на сердце лежала какая-то тяжесть. Нет, не потому, что стал калекой. Мне стало жаль Полину. Сколько же ей пришлось вынести за последнее время! Другая, наверное, давно бы сломалась.

За окном послышался шум автомобиля, и вскоре в дом вошел начальник отрядной медсанчасти. Он уже получил очередное звание подполковника.

— Ну что, батенька мой, взорвалась-таки бомба замедленного действия. А я ведь вас предупреждал, Анатолий Антонович, — заговорил он прямо с порога.

Я ничего не ответил, а Полина вдруг заревела в голос. Подполковник подошел к ней.

— Что же ты, голубушка, так раскисла? — он по-отечески погладил ее по голове. — Его надо поддерживать морально, а ты его убиваешь. Сейчас же прекрати.

Полина послушно вытерла ладошками слезы и робко спросила:

— Скажите, это насовсем?

— Я не Бог и не кудесник, поэтому гарантий давать не могу. Но нередки случаи — когда шок проходил и все восстанавливалось.

— А бывает, и не... — Полина не смогла произнести больше ни единого слова, только неотрывно смотрела в глаза подполковнику.

— Бывает и не. Но всегда надо надеяться на лучшее, только тогда могут помочь и врачи. Это прежде всего тебя касается, Анатолий Антонович, — сделав паузу и повернувшись ко мне, убежденно произнес начмед. — Теперь твоя судьба находится в твоих руках. Настроишь себя на то, чтобы встать на ноги, не только будешь стоять, но и ходить. Не настроишь, растеряешься...

Подполковник сделал многозначительную паузу. В это время в дом вошли санитары с носилками. Так за короткое время меня второй раз увозила с заставы санитарная машина.

Время после этого для меня потянулось очень медленно. Разнообразие вносили только процедуры. Все остальное время я лежал на кровати и думал, думал. Несколько дней ждал приезда Полины с сынишкой, а приехал лейтенант Попов. От Полины он привез только письмо. Когда Попов ушел, я разорвал конверт и стал читать, а сердце словно остановилось.

«Толя, я несколько дней мучительно искала выход из создавшегося положения и пришла к выводу, что нам лучше расстаться. Ты месяцами будешь находиться на лечении, а мне одной быть на заставе! Пойми, я так долго не выдержу и сойду с ума. Поэтому уезжаю к родителям. О Саше не беспокойся, воспитаю одна. А когда подрастет, узнает, что его отец погиб

на границе, тем более что это недалеко от истины. Ты же всего себя отдал государственной границе, вот государство и пусть тебя теперь содержит.

Прости, не суди строго и прощай, Полина».

Я закрыл глаза и заскрипел зубами. «Все рухнуло! Все! И это в двадцать пять лет. Зачем дальше жить?»

В этот день я отказался от всех процедур и от приема пищи, хотя медицинские сестры уговаривали, даже умоляли, но я лежал молча, отвернувшись к стене.

Вечером ко мне в палату пришел начмед и, присев рядом, повелительно произнес:

— Ну-ка повернись ко мне лицом.

Я даже не пошевелился.

— Ты считаешь, что лежать, повернувшись к врачу задницей, это признак хорошего тона? Так, что ли?

Это подействовало. Мне стало стыдно, что так неучтиво отнесся к нему, не только как к хорошему врачу, но прежде всего как к добрейшей души человеку.

Тяжело вздохнув, повернулся.

— Ты что, Анатолий Антонович, решил свести счеты с жизнью? Так это слишком мучительный метод, растянутый на десять дней.

— Я другим методом не располагаю. Может, вы поможете?.. А жить действительно больше не хочу.

— Ну и дурак. Это только трусы кончают с собой, спасовав перед первыми же трудностями. А я тебя между прочим считал сильной личностью. Но ведь сильные личности стремятся преодолеть трудности и за жизнь борются до конца, до последней возможности. Покончить с собой... между прочим... никогда не поздно.

— Вы считаете, товарищ подполковник, что это не конец? — спросил я, показывая на ноги, и подал ему письмо Полины.

— Далеко не конец. А это — он помотал в воздухе письмом и возвратил его мне — должно только вызвать прилив энергии, для борьбы за жизнь, за возвращение в строй.

— Даже возвращения в строй? — удивился я.

— Да, даже возвращения в строй. Многие, находившиеся в твоём положении, боролись по несколько месяцев, а то и лет. И выходили победителями.

— Вы хотите сказать, что не только могу встать на ноги, но и возвратиться в строй?

— Конечно. Но только при одном условии: ты будешь к этому всеми силами стремиться и помогать врачам.

— Так это в самом деле возможно?

— Возможно, возможно, Анатолий Антонович. Так что настраивай себя на это. А главное, если хочешь снова увидеть сына, борись.

— Вы правы, товарищ подполковник, ради этого стоит бороться.

Мы проговорили весь вечер. Наконец начмед собрался уходить.

— Спасибо вам, товарищ подполковник, — с благодарностью произнес я. — Теперь я на все смотрю по-другому.

— Я рад, что убедил тебя. И моли Бога, чтобы начали болеть ноги. Это будет означать, что процесс восстановления начался.

Впервые за много дней я быстро уснул и проспал относительно спокойно всю ночь. Утром позавтракал и безропотно принял все процедуры. Возвратившись в палату и поставив костыли в изголовье, стал вспоминать вчерашний разговор с начмедом.

Через два дня меня в сопровождении фельдшера направили во Львов, где я два месяца пролежал в госпитале пограничных войск. После чего, без значительного улучшения, возвратился на заставу.

Начмед мне сказал, что новый начальник пограничного отряда полковник Янчук собирается послать меня на медицинскую комиссию и уволить из войск. Если это случится, тогда конец.

В это время в отряд прибыла московская инспекторская комиссия. Я попросился на прием к заместителю председателя комиссии по политическим вопросам полковнику Кузнецову. Он меня очень внимательно выслушал и сказал, что меня уволят только тогда, когда поставят на ноги. Как я потом узнал, так было записано и в акте комиссии.

Когда комиссия уехала, начальник отряда снова задумал меня уволить. Но спасли начальник штаба подполковник Малышев и начмед. Они достали две путевки в Ялту: одна — в санаторий «Золотой пляж», а после ее окончания другая — в санаторий «Курпаты», и в сопровождении фельдшера я уехал в Ялту.

Это сейчас в санатории едут отдыхать, а поэтому направляют туда только абсолютно здоровых людей. А тогда санатории были по-настоящему лечебными учреждениями.

Возвращение в строй

В санатории «Золотой пляж» три дня в палате жил один. При помощи костылей ходил на процедуры и в столовую, так как категорически отказался принимать пищу в палате. Все остальное время лежал на кровати и думал, думал...

На четвертый день, лежа лицом к стене, услышал, как тихонько отворилась дверь и кто-то вошел в палату. Сначала подумал, что вошла медицинская сестра, и хотел повернуться, но вдруг этот кто-то прошел к свободной кровати. Потом прозвучало два щелчка, очевидно, открывались замки чемодана, затем что-то шуршало, открывалось и закрывалось. Наконец услышал приятный мужской голос:

— Ну что, дружище, давай знакомиться, ведь вместе придется прожить целых двадцать два дня. (Срок путевок тогда был двадцать шесть дней.)

Я промолчал и не шелохнулся.

— Я же знаю, что ты не спишь, — снова заговорил мужчина. — Но дальнейшим своим молчанием ты проявляешь неуважение к моей скромной персоне.

Мне стало неудобно. Повернувшись и спустив с кровати ноги, сел. Передо мной стоял мужчина лет сорока в светлом костюме, который так гармонировал с его белокурыми волосами и добродушным улыбающимся лицом. От этой обаятельной улыбки на душе у меня посветлело.

— Ну вот, — продолжал мужчина, — так-то оно лучше. Меня зовут Владимиром, а тебя?

— Анатолием. А отчество ваше какое? Мне же неудобно называть вас только по имени.

— Ивановичем кличут... А ты чего такой мрачный, Толя. Ты знаешь, когда человек постоянно хмурится, у него на лице напрягается двадцать восемь мышц, и к пятидесяти годам лицо так избороздят морщины, что он становится похожим на дряхлого старика. И, наоборот, когда человек любит шутки, постоянно улыбается, у него напрягаются всего шесть-восемь мышц. Такие люди и в преклонном возрасте выглядят намного моложе своих лет.

— Стало быть, моему лицу, Владимир Иванович, морщины не грозят.

— Что так?

— Думается мне, что до пятидесяти лет не доживу.

— Отчего такие мрачные прогнозы, Толя?

— А зачем жить без ног? Даже себе такой не буду нужен. — И я показал на костыли, что стояли у изголовья.

— Стоп, Толя. Рассказывай все по порядку.

— А зачем?

— Может, чем помогу.

— Десяток врачей за три с половиной месяца не смогли помочь.

— Я ведь врач, Толя. Невропатолог. Да еще и кандидат медицинских наук.

Последний аргумент подействовал, и я стал рассказывать со всеми подробностями. (Забегая наперед, скажу, что Владимир Иванович, когда уезжал, сказал, что обо мне узнал случайно и попросил перевести его в мою палату, так как я был нужен ему для докторской диссертации.)

После обеда Владимир Иванович заставил меня раздеться и прощупал меня всего до самых последних суставчиков на пальцах ног. А потом встретился с лечащим врачом, и они внесли некоторые изменения в процедурные назначения.

После этого я в свободное время больше не лежал на кровати. Владимир Иванович уводил меня в дальний угол санаторного парка, и там, сидя на скамейке, мы подолгу беседовали, благо Владимир Иванович был хорошим собеседником, кладезем премудрости и находил все новые и новые темы для разговора. Чаще всего они были связаны с проблемами, которые стояли и передо мной. Но самое главное, я был благодарен ему за то, что он даже виду не подавал, что замечает мой недуг.

Однажды, когда мы пришли на излюбленное место, Владимир Иванович попросил у меня один костыль.

— А ты, Толя, попробуй постоять с одним, — спокойно произнес он.

Я все внимание сосредоточил на том, чтобы устоять с одним костылем, как вдруг мощный удар по ягодицам обрушился на меня сзади, и в тот же миг я услышал резкий повелительный голос:

— Иди же, чего стоишь!..

И я пошел, даже не замечая, что второй костыль выпал из руки. Впереди, шагах в восьмидесяти, стояла скамья. Мелькнула мысль: «Дойти бы до нее и сесть!»

Дошел, свалился на нее и, уже сидя, понял, что ноги мне повинновались, и тут же почувствовал острую боль во всех суста-

вах обеих ног. Но все это было мелочью по сравнению с восторгом, который охватил меня.

«Я буду ходить, буду, буду!»

Рядом на скамью опустился Владимир Иванович. Я посмотрел на него и испугался: его лицо было бледным, а лоб покрылся мелкими капельками пота.

— Что с вами, Владимир Иванович? — испуганно воскликнул я.

— Ничего, ничего, Толя. Это сейчас пройдет.

— Вам плохо? Может, вызвать врача?

— Да успокойся, пожалуйста. Ты что забыл, что я сам врач?.. А это от переживаний... Я ведь рисковал... И здорово рисковал.

— То есть как? — не понял я. На радостях и забыл о мощном ударе по ягодицам.

— Ну представь себе, Толя, я ударил, а ты бы не пошел, а упал. Что бы ты подумал обо мне... Да если бы еще кто увидел, как здоровый человек избивает калеку... Зато теперь я доволен — мой риск был оправдан. Ты будешь ходить, Толя.

— Спасибо вам, Владимир Иванович... А можно, я еще попробую.

— Ни в коем случае... Все суставчики, небось, болят до слез.

— А откуда вы знаете? — удивился я.

— Знаю, Толя, знаю... А теперь бери костыли и потихоньку пошли. Повторять будем только завтра.

Со следующего дня для меня начались ежедневные тренировки. То есть я снова начал учиться ходить. Три раза в день Владимир Иванович определял мне путь до скамьи, каждый раз увеличивая на один шаг. Всего на один шаг! И я шел. Скрипя зубами от боли в ногах и со слезами на глазах от радости. Но шел! Шел не только и не столько к скамье, сколько к своей цели!

А вечером сестра делала обезболивающий укол, и я спал сном убогого праведника.

Оставалась всего одна неделя моего пребывания в санатории «Золотой пляж», и Владимир Иванович начал изучать со мной комплекс утренней гимнастики, предусматривающий тренировку всех суставов человеческого организма. Для выполнения комплекса нужно от сорока пяти минут до часа, включая и упражнения по системе «хатха-йога», о которой я до этого даже не слышал.

Неделя пролетела, как один день. Моя путевка в санатории «Золотой пляж» закончилась, и мне нужно было переселяться

в санаторий «Курпаты». Владимир Иванович тоже был готов к отъезду. На прощанье мы обнялись.

— Прощай, Толя, теперь твоя судьба только в твоих руках. Если хочешь ходить, занимайся ежедневно тем, чему я тебя учил. Особенно гимнастикой. Занимайся до конца дней своих. Прекратишь — при очередном стрессе может наступить рецидив. Тогда уже тебе ничего не поможет.

— Спасибо вам, Владимир Иванович. Век буду помнить вас, как человека, вернувшего меня к жизни.

— Запомни, Толя, хоть в семье и не без уroda, но и мир не без добрых людей. Причем добрых людей значительно больше, чем злых.

При этих словах в моей памяти невольно всплыли: прекрасной души человек Григорий Иванович Царин, майор Якушин, следователь Дружинин, начальник штаба подполковник Малышев, начмед и, наконец, Владимир Иванович.

— А это тебе, Толя, на память, — и Владимир Иванович протянул мне новенькую трость. — Костыли уже можешь разобрать и упаковать, чтобы не забыть сдать в санитарную часть как инвентарную вещь. Кстати, тебе тоже спасибо. При твоей помощи я имею богатейший материал для докторской диссертации.

Он еще раз обнял меня, взял свой чемодан и направился к автобусу. А я взглядом провожал его, пока автобус не скрылся из виду.

«Как жаль, что мы по-настоящему оцениваем добрых людей только тогда, когда прощаемся с ними», — подумал я. И только теперь спохватился: не записал его адрес. А жаль. Но было уже поздно.

Я взял свой рюкзак, упакованные костыли и, опираясь на трость, медленно пошел в санаторий «Курпаты», благо он находился рядом с «Золотым пляжем».

С первого же дня пребывания в санатории «Курпаты» установил для себя железный распорядок. Утром — физзарядка, почти час. Начинать с упражнений, которые можно делать лежа, потом сидя, а заканчивал стоя, кроме того, три раза в день в отдаленном уголке санаторного парка ходил по замкнутому кругу с тростью в руке, опираясь на которую, поочередно облегчал боль то в одной, то в другой ноге. А расстояние мерил не шагами, а временем, каждый раз прибавляя по одной минуте.

После окончания маршрута садился на скамью, вытягивал свободно ноги, вытирал вспотевший лоб и любовался многопа-

лубными белыми лайнерами на фоне голубого моря, которые медленно таяли за горизонтом.

К окончанию пребывания в санатории уже мог обходиться без трости, совершая довольно длинные прогулки, — боли в ногах значительно приутихли. И я с чувством огромной благодарности вспоминал тех, кто удержал меня от рокового шага. Да и сын Саша все чаще представлял перед моим мысленным взором.

Когда по окончании срока путевки я надел форму, то понял, что поправился и обмундирование уже не висело на мне, как на вешалке.

Итак, первая цель достигнута. Я прочно стою на ногах и хожу на достаточно большие расстояния. Осталась вторая цель: возвратиться в строй и продолжить службу в пограничных войсках.

И вот я возвратился в пограничный отряд на своих собственных ногах. Захожу в кабинет начальника штаба пограничного отряда подполковника Малышева, который, не веря своим глазам, все же поздравил с выздоровлением, но тут же огорченно сказал:

— На заставу, Анатолий Антонович, не поедете. Там уже другой начальник заставы. А ваш чемодан с вещами находится в отрядной гостинице. Там пока будете жить.

— А меня на какую должность назначили, товарищ подполковник? — растерянно спросил я.

— Вы пока зачислены в резерв. Вашу судьбу будем решать после того, как вы пройдете военно-врачебную комиссию.

— А когда она будет?

— Ждите, сообщим.

Ждать пришлось недолго, уже через неделю с начальником медицинской службы отряда, который являлся членом военно-врачебной комиссии, выехал во Львов, в окружной госпиталь погранвойск. Пока ехали, я начмеду рассказал про Владимира Ивановича и обо всем, что со мною произошло в санатории.

На другой день, по прибытии во Львов в 10 часов, вместе с пятью другими офицерами ожидал своей очереди возле кабинета, где заседала военно-врачебная комиссия. Меня вызвали последним.

Членов комиссии было пятеро, включая и начмеда пограничного отряда. Председательствовал молодой, но уже седовласый полковник медицинской службы. Он зачитал выписку из госпитальной истории болезни и попросил членов комиссии вы-

сказать свое мнение. Три члена комиссии, за исключением начмеда пограничного отряда, были единодушны. Они сразу предложили признать меня негодным к военной службе.

Я побледнел. Вторая цель грозила превратиться в несбыточную мечту. Я не выдержал и громко произнес:

— Я с вами не согласен. Я здоров и готов служить на границе.

— Вы, сударь, думаете, что говорите? — вспыхнул подполковник, сидевший справа от председателя. — У нас же документы, которые говорят сами за себя.

В это время к нему наклонился начмед пограничного отряда и что-то стал тихо говорить. Это ободрило меня.

— Вы правы, товарищ подполковник, — вспыхнул и я. — У вас документы, которые говорят сами за себя. А я говорю про себя. После госпиталя я два месяца лечился в санаториях «Золотой пляж» и «Курпаты».

— Ха-ха-ха. Не смешите нас молодой человек, — возник до этого тихо сидевший майор. — Какое лечение в санаториях?

— Однако я туда прибыл на костылях, а уехал на своих двоих ногах.

— Я думаю, что эти прения никому не нужны. У нас документы — давайте по ним и принимать решение, — снова возник майор.

— Для вас документы важнее, чем живой человек.

Члены комиссии не ожидали подобного. Наступила тишина. И в этой тишине я пошел ва-банк!

— Товарищ полковник, если вы считаете, что я не годен к военной службе, а вы все годны, пусть любой из членов комиссии выходит из-за стола и мы будем вместе приседать. Если я не выдержу первым, можете меня комиссовать. Если же первым не выдержит член комиссии, то вы признаете меня годным к военной службе.

Это было так неожиданно, что члены комиссии сразу не нашлись, что сказать.

— Кто из вас желает помериться силами со старшим лейтенантом? — обведя взглядом членов комиссии, вдруг серьезно спросил полковник.

— Здесь же не цирк и не ринг, — раздраженно бросил подполковник, который уже высказывал свое мнение.

— Правильно, здесь не цирк и не ринг... Здесь решается судьба человека, — серьезно возразил полковник и вышел из-за стола.

Этого я не ожидал и растерялся. Но полковник меня ободрил:
— Ну что, старший лейтенант, будем приседать. Или вы совали?

— У меня же нет другого выхода, товарищ полковник.

В это время из-за стола быстро вышел майор:

— Если вы, товарищ полковник, считаете, что так нужно, тогда разрешите мне... Я все-таки помоложе.

— Пожалуйста, коллега, — серьезно сказал полковник и сел на свое место.

Потом он дал команду и мы начали приседать.

Десять, двадцать, тридцать раз... Потом я потерял счет.

«Еще на четыре-пять раз духу у меня хватит, — подумал я. — А потом упаду. И все пропало».

Но майор после очередного приседания вдруг с трудом поднялся и молча пошел на свое место. Я еще раз присел, поднялся и устремил свой взор на полковника. С минуту стояла гробовая тишина.

— Побудьте в коридоре, Анатолий Антонович, — наконец произнес полковник. — Мы здесь посоветуемся.

Тридцать минут, переживая, ходил я по коридору. Но когда меня пригласили в кабинет и объявили, что военно-врачебная комиссия признала меня годным к военной службе, чуть было не бросился всех целовать.

Значит, достигнута и вторая цель. Теперь бы вернуть Полину с Сашей и больше ничего не надо. Но, к сожалению, почти за полгода я не получил от нее ни одной весточки.

Уже когда возвращались в пограничный отряд, в поезде начмед сказал, что мою судьбу решил полковник — председатель комиссии.

— Два члена комиссии остались на прежней позиции — признать негодным тебя к военной службе. А два члена комиссии, в том числе и я, — признать годным. Наконец полковник присоединился к нам и решил твою судьбу.

«Еще одна добрая душа на моем жизненном пути», — подумал я и совсем другими глазами посмотрел на окружающий меня мир.

На перепутье

Радость била через край — меня признали годным к воинской службе. Признать-то меня признали, но на должность начальника пограничной заставы не назначили, в разведку не пе-

ревели, а в апреле 1953 года назначили заместителем начальника пограничного поста, расположенного в селе Верхневысоцкое Турковского района Дрогобычской области, в районе Ужокского перевала.

Должность заместителя начальника пограничного поста ниже, даже чем должность заместителя начальника пограничной заставы. Только по прошествии многих лет до моего сознания дошло, что меня туда назначили не потому, что других должностей не было, — просто на пограничный пост назначали штрафников. Но я и этому был рад.

Через два месяца, то есть в июле 1953 года, я написал письмо Полине и сообщил, что полностью вылечился и продолжаю служить. А через месяц она с сыном Сашей была уже в Верхневысоцком. Принял ее без единого упрека, что, наверное, было моей ошибкой, так как она посчитала себя во всем правой. Вскоре она забеременела.

Служба на пограничном посту была значительно легче, чем на пограничной заставе. Вместо многочисленных нарядов, выходящих в различное время суток, на погранпосту было всего два шлагбаума, установленных на Ужокском перевале вблизи границы, осуществлявших контроль за передвижением автомашин и пешеходов из Прикарпатья в Закарпатье и обратно.

Я быстро освоил несложные правила проверки документов, кое-как наладил семейные отношения и наконец успокоился. Но в спокойной обстановке служить долго не пришлось. В пограничных войсках началась настоящая вакханалия. После принятия правительством решения о сокращении Вооруженных Сил, в том числе и пограничных войск, на один миллион две тысячи сокращались многие пограничные заставы: вместо трех оставалась одна. Границу охраняли в основном народными дружинами, что коренным образом отрицательно сказалось на качестве охраны. Вместо двух пограничных отрядов оставался один. Сократились и все пограничные посты.

В июле 1953 года появилась еще одна напасть: после ареста и расстрела Берии началось массовое перемещение офицерского состава, очевидно, с целью ликвидации бериевских связей в войсках, если, конечно, они были. Многие офицеры, не дослужив несколько лет, а то и несколько месяцев до пенсии, увольнялись из войск. Меня эта мясорубка не затронула, очевидно, потому, что жена была на сносях. Но перемещался я чуть ли не каждый год, не успевая даже устроиться с жильем, что, естественно, отрицательно сказывалось на отношениях в

семье. Жена с каждым новым переводом все больше ожесточалась. После ликвидации поста и нахождения в течение четырех месяцев за штатом меня наконец в октябре того же 1953 года назначили заместителем командира автотранспортной роты во вновь созданный Преображенский пограничный отряд Ленинградской области. Но уже в марте 1954 года отряд расформировали и меня перевели в Выборгский пограничный отряд Ленинградской области, начальником библиотеки. А в ноябре 1954 года меня направляют на четырехмесячные курсы переподготовки офицерского состава в город Харьков. После окончания курсов в феврале 1955 года я снова возвращаюсь в Выборгский пограничный отряд на должность начальника библиотеки. Но через пять месяцев, в июле 1955 года, меня назначают начальником клуба Ильменского пограничного отряда Ленинградской области. Наконец в 1956 году я получил очередное звание — капитан. Мне исполнилось двадцать девять лет!

Начальником клуба пробыл всего два года, и в октябре 1957 года меня назначают заместителем командира роты по политчасти отдельного контрольно-пропускного пункта «Выборг», что равнозначно должности заместителя начальника заставы. Но для меня и это было благом: наконец-то нашлась плодотворная работа с личным составом. И я работал чуть ли не круглые сутки, уходя домой только чтобы поспать семь-восемь часов. Естественно, жена взбунтовалась и уезжала к своей матери раза два в году, на два-три месяца.

Наконец мой труд был замечен начальством. Меня в сентябре 1961 года назначают инструктором партийно-политической работы ОКПП «Выборг» и одновременно избирают секретарем партийного бюро части. Казалось бы, наконец цель достигнута.

Отдельный контрольно-пропускной пункт «Выборг» был первой категории, одним из самых крупных КПП в Союзе. Он осуществлял контроль за иностранными и советскими судами заграничного плавания в порту Выборг, за международным железнодорожным движением через станцию Лужайка, за международным автомобильным движением через КП «Торфяновка», и наконец, открылся судоходный Сайменский канал, по которому шли грузы из Советского Союза в Финляндию и наоборот.

В связи с этим и партийная организация насчитывала более шестидесяти человек. Так что работы хватало. К тому же как секретарь партбюро я принимал участие в службе пограничных нарядов по проверке и оформлению документов у правительственных делегаций и важных иностранных пассажиров. Наи-

более запомнились Ворошилов, Булганин, Косыгин, Хрущев, Шолохов, Гагарин, а также президент Финляндии Урхо Кекконен и выдающийся деятель Кубы Фидель Кастро.

И каждый из них реагировал на оформление документов по-своему. Скажем, Ворошилов — по-простецки, Булганин очень серьезно относился к этому процессу, Косыгин — с искренним уважением к пограничникам, Шолохов — по-панибратски, с предложением пригубить стопочку коньяку, Фидель Кастро — торжественно. Причем когда впервые он приехал в Советский Союз, на привокзальной площади был многотысячный митинг, на котором он выступал с пламенной речью.

За высокие показатели в службе я был награжден медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР».

Не обходилось и без курьезов.

На пограничной станции Лужайка все поезда стояли по сорок минут, пока переставляли вагоны на тележки финской колеи.

Ожидалась поездка в Финляндию Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева. Проводы его за границу готовились с помпой. Для этого из города Выборга на нескольких автобусах два раза привозили людей на станцию Лужайка и репетировали торжественные проводы за границу Н. С. Хрущева.

В день прибытия правительственного поезда трудящихся привезли на два часа раньше, разместили на первой платформе станции, а впереди поставили шеренгу пограничников, одетых в штатское, чтобы никого не пропускали близко к Хрущеву.

Поезд остановился. В течение пяти-семи минут шло оформление документов на пропуск поезда через границу, после чего Хрущев в сопровождении свиты вышел из вагона. С ним также были: секретарь ЦК КПСС Козлов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Романов, заместитель начальника погранвойск Союза ССР генерал-майор Ионов.

Когда Хрущев со своей свитой подошел к центру платформы, в разных концах большой группы встречающих раздалась возгласы: «Да здравствует Никита Сергеевич Хрущев», «Слава Никите Сергеевичу Хрущеву», «Слава КПСС» и другие, отрепетированные заранее.

В центре трудящиеся расступились и выпустили группу пионеров, которые стали повязывать галстуки.

— В каком классе учишься?

— В четвертом, — ответила девочка.

— А как учишься?

— На отлично.
— Ну молодец. Хорошая девочка, — сказал Хрущев и погладил девочку по головке.

Пионеры проскандировали стихотворное приветствие и возвратились на свое место.

— Ну, как живете, ленинградцы? — обратился Хрущев к трудящимся.

В толпе прошло какое-то неясное брожение, и Хрущев тут же сам ответил на свой вопрос:

— Что, с хлебушком плохо? Да? Да, плоховато, и мы вынуждены были ввести на него карточки. Но это временно.

В толпе снова началось недовольное роптание.

— Потерпите еще немного. Хлеба закуплено достаточно. Скоро отменим карточки, — заверил Хрущев и вдруг спросил: — А картошка есть?

— Есть, Никита Сергеевич. Есть, — раздалось несколько робких голосов. И вдруг как гром среди ясного неба.

— Ну, русский мужик и на картошке проживет! — выкрикнул Хрущев, подняв руку вверх.

И тут началось: раздались недовольные возгласы, толпа забурлила. И вдруг с левого фланга, быстро семеня ногами «перед строем», появилась старушка.

— Никита Сергеевич, помогите, — задыхаясь от быстрой ходьбы, еле выговорила она.

— В чем помочь, бабушка?

— Квартиры не дают, — справившись с волнением, громко произнесла она.

И Хрущева словно подменили. Взбеленившись, он кричал:

— Квартиры... Квартиры... Я что, квартиры в карманах вожу. Нет их в карманах. Смотрите! — и стал выворачивать карманы, потом развернулся и быстро пошел в вагон.

Через несколько минут появился генерал-майор Ионов и, подойдя к шеренге пограничников, тихо приказал:

— Дать команду «разойдись», — и снова пошел к вагону.

Пограничники продублировали приказ: «Разойдись! Разойдись! Разойдись!» Но никто не стал расходиться, пока не отправился правительственный поезд. Все надеялись, что Хрущев снова выйдет к народу. Но он так и не вышел.

А я стоял и думал: «Ну что ему стоило сказать: товарищ Романов, запишите и разберитесь. И кто бы потом знал, как Романов разобрался. Зато инцидента не было бы».

С неделю на ОКПП «Выборг» работала группа офицеров Ленинградского пограничного округа. Работала под видом инспекторской проверки, но всем было ясно, что ищут того офицера, который пропустил бабку. К счастью, так и не нашли. И отдуваться пришлось только начальнику ОКПП «Выборг» полковнику Разоренову Алексею Дмитриевичу.

Первый космонавт

После введения пятидневной рабочей недели суббота стала выходным днем. Но многие офицеры еще по-настоящему не привыкли к этому и, если что-то оставалось недоделанным, приходили на службу и в субботу.

Я тоже собрался идти в часть, так как предстояла инспекторская проверка и надо было подогнать кое-какие дела.

Полина, которая более десяти лет после возвращения ко мне кое-как переносила все «тяготы и лишения офицерской службы», вдруг неожиданно возникла:

— Ты никуда не пойдешь.

— Что? — удивился я.

— Мы сегодня будем купаться и загорать. Скоро лето кончится, а мы бледные, как поганки.

— Полина, загорать мы будем вечером.

— Нет, загорать мы пойдем, как только вернется из школы Саша.

— Нет, загорать мы пойдем вечером, а сейчас пойду на службу, — твердо произнес я и взялся было за дверную ручку.

— У тебя есть любовница, и ты идешь к ней, — вдруг услышал я и остановился. Я чуть было не вспылал, но вдруг вспомнил слова самой же Полины и спокойно сказал:

— Да, у меня есть любимая.

— Как ее зовут?

— Любимая государственная граница, как ты изволила ее когда-то назвать.

— К черту границу. Ты ей уделяешь времени больше, чем собственной жене. Я думала, что, став секретарем бюро, ты изменишь ко мне отношение. Будешь хотя бы замечать меня. Но глубоко ошиблась.

Назревала семейная ссора, и, чтобы не ввязываться в нее, я тихо произнес:

— Успокойся, Полина, и одумайся, — открыл дверь и вышел на улицу.

На улице глубоко вздохнул, серьезно и внушительно произнес: «Я спокоен... спокоен... спокоен!», как учил меня доктор в санатории «Золотой пляж», когда выводил из шокового состояния, и пешком направился в управление.

Едва переступил порог кабинета, как раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, зайдите ко мне, — раздался в телефонной трубке голос начальника ОКПП «Выборг» полковника Разоренова.

Хотя я был намного ниже по воинскому званию, но должность секретаря партбюро части позволяла ему при личном общении называть меня по имени и отчеству, что естественно позволяло и мне. И инициатором такого общения был сам Разоренов.

— Садись, Анатолий Антонович, разговор будет длинным, пожал мне руку, сказал Разоренов. — У тебя есть приличный штатский костюм?

— Конечно, есть. В этом году перед отпуском купил.

— А новый спортивный костюм?

— Нового спортивного нет.

— Вот здесь записаны имя и отчество заведующей магазином, что расположен на центральной площади города, — передавая листок бумаги, сказал Разоренов. — Сходи сегодня и купи. Она подберет по размеру... Если денег нет, возьми под отчет у начальника финансовой части. Он минут через десять-пятнадцать будет здесь.

«Интересно, зачем весь этот маскарад», — удивленно подумал я, но вопросов задавать не стал.

— У заведующего складом получите снаряжение для пистолета под пиджак. Он уже здесь. Портативную радиостанцию и остальное — все, что нужно. Вот перечень того, что необходимо с собой иметь, — и Разоренов передал листок бумаги.

— Все понял, Алексей Дмитриевич, — прочитав перечень, ответил я.

— самого главного, Анатолий Антонович, ты, конечно, не понял. А почему вопросы не задаешь?

— Так начальству виднее, когда внести окончательную ясность, — улыбнувшись, ответил я.

— Правильно. А пока кратко — в течение двух недель будешь выполнять специальное задание. И не один. Подбери еще двух офицеров, которым ты можешь доверять, как самому себе.

После небольшого раздумья я назвал фамилии двух старших лейтенантов, Разоренов согласился и сказал:

— Сейчас же вызывай их, и пусть готовятся по той же программе. А конкретную задачу получите, когда наступит время.

— Есть, Алексей Дмитриевич.

— Завтра к девяти часам утра всем троим в полной готовности быть в управлении части и ждать указаний.

Получив у начфина деньги, у заведующего складом все необходимое по перечню, в том числе и портативную радиостанцию, купив в магазине спортивный костюм, я направился домой.

Полина встретила так, словно никакой размолвки и не было, тем более что я вернулся домой раньше, чем предполагал.

— Сейчас Сашу дождемся и пойдем на пляж, — весело объявила она.

Сначала, наверное, соберу все необходимое для командировки, — охладил я ее пыл.

— Что?

— Завтра утром уезжаю на две недели в командировку.

— В какую еще командировку?

— Пока не знаю.

— А куда и зачем ты едешь?

— Тоже пока не знаю.

— А не кажется тебе, Толя, что все это похоже на притчу: «Иди туда — не знаю куда, возьми то — не знаю что».

— Нет, Полина, не кажется. Думаю, что цель командировки до поры до времени сохраняется в тайне. Очевидно, в этом есть какая-то необходимость.

— Не надо мне лапшу на уши вешать, Толя. Я знаю уже, чем заканчиваются тайные командировки. Майор Харитонов из одной такой командировки возвратился с другой женой.

— Ну, во-первых, Харитонов беспартийный, а я секретарь партбюро. Во-вторых, с другой женой возвратился не из командировки, а из санатория. А это далеко не одно и то же. Наконец в третьих, не кажется ли тебе, что надо прекратить этот никчемный разговор?

— Нет, не кажется. Я хочу, чтобы ты сказал мне правду.

— Когда говорю тебе правду — ты считаешь, что я лгу. Значит, должен тебе соврать, чтобы ты поверила. Так, да? Но я врать-то не могу.

Пришел со школы Саша, и Полина замолчала. Это было мое единственное требование — при Саше никаких скандалов, — которое она безропотно выполняла.

На пляж, конечно, так и не пошли. Я было предложил, но Полина снова стала возникать, и я замолчал.

Спать легли пораньше. Я сделал попытку «загладить наметившийся скандал» в постели, привлек Полину к себе и начал целовать, но она фыркнула и повернулась ко мне спиной.

На следующий день рано утром, собравшись уходить, я пошел к Полине, пытаюсь поцеловать ее в губы. Но она отвернулась, и я направился к двери...

В половине девятого был уже у себя в кабинете. Вскоре появились и оба старших лейтенанта. Только проверил их готовность, как зазвонил телефон. Я взял трубку:

— Ну что, все готовы? — услышал голос полковника Разоренова.

— Так точно, Алексей Дмитриевич, — ответил я.

— Хорошо. Скажи офицерам, чтобы ждали команды и куда не отлучались ни на одну минуту, а сам выходи к машине.

Когда вышел на улицу, Разоренов уже сидел в «Волге». Я сел в машину, и мы направились в центр города. Вскоре подъехали к городскому комитету партии.

«При чем спецзадание и горком партии? — подумал я. — Неужели первого секретаря будем охранять? А зачем?»

Еще большее недоумение охватило меня, когда, поздоровавшись с первым секретарем, полковник Разоренов сказал:

— Петр Иванович, группу офицеров будет возглавлять секретарь партийного бюро капитан Невара.

— Хорошо. Анатолия Антоновича знаю только с положительной стороны. Возражений у меня нет, — и Петр Иванович протянул мне руку.

Посидели, поговорили о том о сем и направились к выходу. Рядом с нашей машиной уже стояла горкомовская «Волга». Втроем сели в нашу машину и поехали в обратном направлении, то есть к вокзалу, рядом с которым стояло здание нашего ОКПП. Следом шла горкомовская машина. Миновав ОКПП, направились к вокзалу, но проехать с ходу туда не могли, так как вся привокзальная площадь была заполнена народом.

— Это что за люди, Алексей Дмитриевич? — через плечо удивленно спросил первый секретарь горкома полковник Разоренова.

— То же самое я хотел у вас спросить, Петр Иванович. Вы же хозяин города.

— Странно, — пробормотал Петр Иванович. — Анатолий Антонович, вы в штатском, идите, потолкайтесь и узнайте, почему люди собрались на площади.

То, что я узнал, повергло меня в шоковое состояние.

— Все чуть ли не хором заявили, что этим поездом в Выборг прибывает Гагарин, — садясь в машину, произнес я.

В течение нескольких минут никто не мог проронить ни слова.

— Алексей Дмитриевич, — первым нарушил молчание Петр Иванович, — вы кому-нибудь говорили?

— Клянусь, никому, — ответил полковник Разоренов.

— Фу, черт!.. А я только жене... Неужели она... Поехали к вокзалу.

Непрерывно сигналя, машины медленно тронулись. Группы людей спрессованной массой двинулись за машинами. Но вокзал и первая платформа были оцеплены милицией, и толпа была остановлена у входа.

«Значит, нашу группу готовили в связи с приездом Юрия Гагарина, — наконец меня осенило. — Поэтому нам ничего и не говорили. Но утечка информации все же была, и город узнал об этом. Только мы ничего не знали».

На первой платформе нас встретил начальник вокзала и, поздоровавшись, повел на то место, где должен остановиться вагон СВ.

Наконец показался поезд. Как только он остановился и проводница, открыв дверь, стала протирать поручни, Петр Иванович быстро вскочил на площадку и направился в вагон.

— Товарищи, товарищи, обождите, я еще не закончила протирать, — пыталась остановить его проводница.

— Потом дотрете, — аккуратно отстраняя ее, произнес Петр Иванович и, войдя в коридор вагона, тихонько постучал в закрытую дверь второго купе. Тишина... Он постучал погромче...

— Вы зря стучите. Там никого нет, — робко сообщила проводница.

— Как так — никого нет? — удивился Петр Иванович.— В этом купе должны были ехать два пассажира.

— Да, они ехали... Но вышли в Ленинграде.

— Почему в Ленинграде, — уже с тревогой спросил Петр Иванович. — Билеты же у них были до Выборга.

— До Выборга, — растерянно подтвердила проводница. — Но вышли они в Ленинграде...

— А чем они это объяснили?

— Да ничем... Я так старалась им угодить... Скажите, один из них был Гагарин? — вдруг спросила проводница.

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Да потому, что его лицо и особенно улыбку ни с кем не спутаешь. Я у него спросила: «Юрий Алексеевич, это же вы?» А он улыбнулся и ответил: «Нет, это не я».

— Может, они на что-то обиделись?

— Нет, нет, что вы... На прощанье он пожал мне руку и сказал: «Спасибо вам большое. Все было очень хорошо».

— Так почему же они вышли в Ленинграде?

— Не знаю... Не знаю. Да и от растерянности я не спросила.

— Поехали, позвоним в обком. Пусть ищут, — сказал Петр Иванович и решительно направился к машине.

Через несколько минут мы были уже в горкоме и поднялись на второй этаж, где находился кабинет первого секретаря горкома.

— Из Ленинграда никто не звонил? — спросил Петр Иванович как-то странно улыбающегося дежурного работника горкома.

— Нет, никто не звонил. — И после паузы продолжил: — Но из Ленинграда приехал заведующий административным отделом обкома партии с двумя товарищами. Одного я, кажется, угадал, хотя он и не представился. Это, по-моему, Юрий Гагарин... Они в вашем кабинете.

Дежурный еще что-то хотел сказать, но Петр Иванович уже не слушал его и быстро направился в свой кабинет. За ним последовали и мы с полковником Разореновым.

Первым поднялся со стула и пошел навстречу со своей обаятельной улыбкой ну конечно же Юрий Алексеевич Гагарин.

— Юрий Алексеевич, ну как же так вы?.. — после взаимного приветствия воскликнул Петр Иванович. — Я чуть инфаркт не получил.

— Скажите, — вдруг став серьезным, тихо спросил Гагарин, — жители города все-таки узнали, что мы едем, и пришли на вокзал нас встречать?

— Понимаете, тут такая штука, — неуверенно начал было Петр Иванович.

— Понимаю, понимаю, Петр Иванович... Вы не первый и, наверное, не последний... Кстати, представляю, Алексей Леонов, — показывая на своего спутника, сказал Гагарин, — замечательный товарищ, прекрасный летчик, но пока не космонавт... Вот мы с ним и решили выйти в Ленинграде. Позвонили в обком

партии, и товарищи помогли нам приехать в Выборг на машине... Как видите, даже раньше поезда.

— Теперь уже видим, — облегченно вздохнул Петр Иванович.

— Да, мы просили организовать нам отдых на одном из островов в Финском заливе. Нам сказали, что это возможно и для этого все готово.

— Покажите, Алексей Дмитриевич, — обратился Петр Иванович к полковнику Разоренову. — Кстати, тоже представляю — полковник Разоренов Алексей Дмитриевич, начальник отдельного контрольно-пропускного пункта «Выборг».

Полковник Разоренов расстелил на столе карту и обвел карандашом три острова в Финском заливе.

— Вот группа островов недалеко от морской границы с Финляндией: Северный Березовый, Западный Березовый и Большой Березовый. Никаких жителей на них нету. На Большом Березовом острове есть очень хорошее место на берегу закрытой бухточки. Там всегда тишина, и лучшего места для отдыха вряд ли можно найти.

— А на чем мы туда доберемся? — спросил Гагарин.

— Дивизион пограничных кораблей из города Высоцка выделил корабль. Все необходимое для отдыха, в том числе палатки и шлюпка, на него погружено, и он стоит у причала Выборгского порта.

— Так чего же мы теряем время, — засуетился Гагарин. — Немедленно на корабль — и в путь!

— Юрий Алексеевич, — остановил его Петр Иванович. — На остров отправимся завтра утром. А сегодня мы хотели бы... в узком кругу...

— Никаких ни широких, ни узких кругов, — перебивая Петра Ивановича, с какой-то грустинкой произнес Юрий Алексеевич. — Поймите, — совсем упавшим и оправдывающимся голосом произнес он, — я уже устал. Устал от славы. Устал от всемирной известности, от постоянных встреч с людьми, и не только в нашей стране, но и во многих странах мира. Я хочу побыть с самим собой наедине. Хочу отдохнуть и осмыслить все, что на меня свалилось за последние годы... Простите, но отправьте нас на остров сего дня... Нет, прямо сейчас.

В кабинете наступила тишина. Каждая сторона чувствовала себя в этой ситуации, прямо скажем, несколько неловко. Наконец тишину нарушил Петр Иванович:

— Что же, Юрий Алексеевич, ваше желание для нас свято. На причал поедем прямо сейчас. Только... на острове с вами бу-

дут три офицера-пограничника. Старший — капитан Невара, — и он показал рукой на меня.

У меня от прилива радостных чувств учащенно забилося сердце.

«Так вот что за специальное задание будем выполнять. О таком счастье я даже не мечтал», — пронеслось в разгоряченном мозгу. И вдруг до моего слуха долетели слова, категорически произнесенные Гагариным:

— Нет, нет, никаких офицеров. Мы с Алешей будем вдвоем... Правда, Леша?

— Нет, Юра. Местным товарищам, очевидно, виднее. Тем более что остров находится недалеко от морской границы.

Леонову, наверное, тоже было поручено оберегать первого космонавта. Гагарин подошел ко мне и, пожимая руку, спросил:

— Как вас зовут?

— Невара Анатолий Антонович, — представился я.

— Анатолий Антонович, вы бывали на этом острове?

— Конечно. В выходные дни мы иногда ходим туда на катерах на рыбалку.

— Там хорошая рыбалка?

— Отличная. Душу отвести можно.

— Хорошо, Петр Иванович, — твердо сказал Гагарин первому секретарю горкома. — Против офицеров-пограничников я не возражаю. Тем более что они знают тамошние места.

Вскоре мы уже были на корабле. Прошли так, что ни один человек нам не встретился. И ни один матрос не догадывался, что в кают-компании находится первый советский космонавт. Даже капитан об этом не знал.

Через полчаса были уже у острова и начали разгружать имущество. Грузчиками были я и два старших лейтенанта. Когда разгрузились, Петр Иванович с Разреновым возвратились на корабль, он отошел от острова и взял курс на Выборг.

Гагарин и Леонов сразу же ушли купаться в бухточке, где вода была настолько прозрачна, что на глубине до двух метров можно рассмотреть мелкие камешки. Я со своими помощниками стал устанавливать палатки: одну, с двумя кроватями для гостей, вторую для себя, а третью для продуктов. Там же стояла и газовая плита для приготовления пищи в случае дождя.

Обед готовить не стали, перекусили бутербродами, а на ужин Юрий Алексеевич попросил приготовить уху.

Коллективно, на спиннинги, поймали десятка два полосатых окуней, и я занялся приготовлением ухи. После того как у

первой партии рыб глаза побелели, вынул и разложил рыбу на тарелки, которые поставил на застеленный клеенкой большой плоский камень, выступающий из земли на сорок-пятьдесят сантиметров и служивший нам на рыбалке столом. После этого заложил вторую партию, затем третью. Нарезал немного картошки, бросил горсть пшена и немного специй.

Когда тройная уха была готова, я налил в большие алюминиевые кружки жидкой ущицы и позвал:

— Юрий Алексеевич, прошу к столу.

— Анатолий Антонович, два корабля напротив острова — пограничные? — спросил Гагарин, когда они с Леоновым подошли к «столу».

— Пограничные, Юрий Алексеевич.

— Они меня охраняют?

— Нет, что вы, Юрий Алексеевич. Они охраняют государственную границу, — сфальшивил я, понимая, что на этом участке границы достаточно и одного корабля.

— А где ваши ребята, Анатолий Антонович? — когда они с Леоновым разместились у стола-камня на толстых сосновых чурбаках, отпыленных так, чтобы на них удобно было сидеть.

— А мы потом, Юрий Алексеевич.

— Что значит потом? Никаких потом, — тоном, не терпящим возражений, сказал Гагарин, а потом улыбнулся и продолжил: — Мы здесь, как на корабле, где офицеры, независимо от рангов, принимают пищу все вместе в кают-компании. Так что зовите своих ребят на ужин.

Я уже заметил, что когда Юрий Алексеевич улыбается, то вместе с обворожительной улыбкой по лицу расплывается сама доброта, и мне ничего не оставалось делать, как выполнить его волю и позвать ребят на ужин.

— О! Какой аромат! — втягивая носом воздух, воскликнул Гагарин. — Ты не находишь, Леша?

— Такого в городе не бывает, — подтвердил Леонов.

— Эх, вот это уха! — сделал несколько глотков из кружки, восхищенно сказал Гагарин, когда подошли ребята и разместились на чурбаках. — На что японцы кулинары-кудесники, но и там я не ел ничего подобного.

— Нет, Юра, это не уха, а рыбный суп, — возразил Леонов.

— Ты мне брось, Алеша. Этакой ухи я еще ни разу в жизни не ел.

— Юр, а ты знаешь, чем отличается уха от рыбного супа? — спросил Леонов.

— Чем?
— Хорошей чаркой.
— Так в чем же дело? Давайте, Анатолий Антонович, несите. Нам же партийный секретарь оставил и коньяк и водку.
— Под ущицу идет только водочка, — произнес Леонов. Я принес бутылку водки и две стопки.
— Это что такое, — спросил Гагарин, показывая на стопки.
— Стопки, Юрий Алексеевич, — не поняв вопроса, ответил я.
— Сам вижу, что стопки, — увидев мое замешательство, улыбнулся Гагарин. — Но почему их только две?

— Так нам же...
— Ах да, не положено по службе. Но мы с вами в настоящее время находимся в кают-компании, где командир в торжественные дни всем разрешает пригубить по стопке. Мы же с вами сегодня торжественно отмечаем начало отдыха.

И опять мне ничего не оставалось, как подчиниться.

— Да, действительно, вот это уха! — теперь уже воскликнул Леонов, после того как выпили по стопке и начали есть окуней, запивая ароматным рыбным отваром, приправленным луком, лаврушкой и укропом.

После ужина Гагарин и Леонов, пожелав пограничникам покойной ночи, ушли в палатку. Вскоре там погасла маленькая яркая лампочка, получавшая питание от аккумуляторов. Значит, легли спать. Видно, намаялись за двое суток.

В двадцать два часа, заступив на дежурство, я составил и передал по радиации первую короткую шифровку о том, что на особом объекте все в порядке. Потом, сев на сосновый чурбак стал просматривать в бинокль прибрежную полосу моря, внимательно вслушиваясь в ночные звуки.

Дело в том, что год назад на одном из островов Финского залива отдыхали два медицинских светила — генерал-майор и полковник. От охраны они категорически отказались. Через несколько дней полковник проснулся, а генерала нет. Лишь на берегу натоптано много следов. Недолго думая, он поднял тревогу.

Приехали спасатели, водолазы, обыскали весь остров, но генерал как в воду канул. Так и не нашли. Но сейчас стояла звенящая тишина, лишь от берега доносился тихий шорох морской волны.

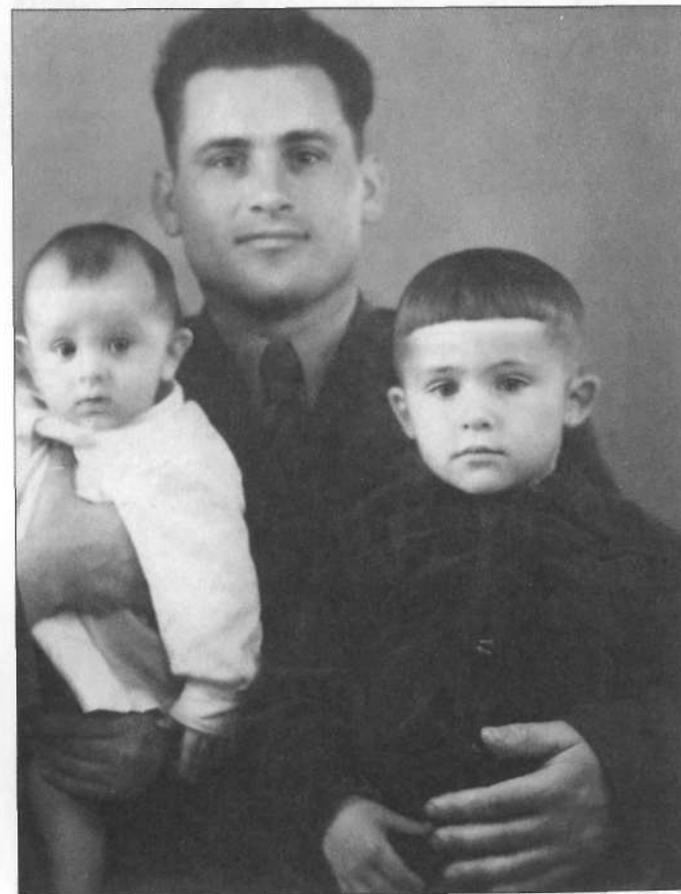
Из-за горизонта поднялся полный диск луны и медленно двинулся по безоблачному небосклону. На мелкой зыби водной поверхности бухточки засеребрилась лунная дорожка.

ОКПП «Выборг»

Инструктор политработы и секретарь партбюро А. А. Невара

С сыновьями Сашей и Толей

На атомном ледоколе «Ленин». А. Невара — четвертый слева

Вручение мне медали «За отличие в охране Государственной границы СССР»

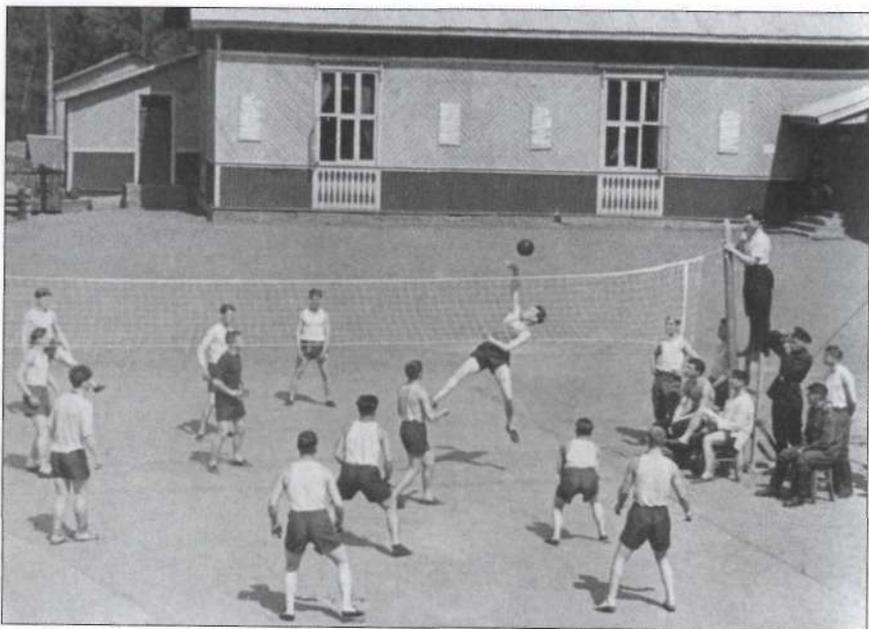

Н. С. Хрущев на митинге в Выборге перед поездкой в Финляндию

Встреча с немецкими и венгерскими пограничниками на ОКПП «Выборг»

Соревнование по волейболу в стрелковой роте ОКПП «Выборг» на станции Лужайка. Судья соревнований — А. Невара

Начальник политотдела Ленинградского пограничного округа генерал-майор П. Н. Кузнецов (второй ряд в центре) с гостями из ГДР, Чехословакии и Венгрии на ОКПП «Выборг»

Ансамбль песни и пляски Ленинградского пограничного округа. В центре генерал-майор П. Н. Кузнецов, А. Невара в первом ряду в центре

П. Н. Кузнецов с артистками окружного ансамбля песни и пляски

Вдруг тихий шорох заставил меня повернуться. В легком спортивном костюме из палатки вышел Гагарин. Оглядевшись вокруг, он медленно подошел ко мне и, сев на соседний чурбак, тихо спросил:

— Почему вы не спите, Анатолий Антонович?

— Да так вот... Почему-то не спится, Юрий Алексеевич, — пробормотал я.

— Скажите честно, вы меня охраняете?

— Юрий Алексеевич, если я скажу «нет», вы мне поверите?

— В самом деле, глупый вопрос, — тихо проговорил Гагарин. — Конечно, не поверю.

Я замолчал, так как Гагарин залюбовался лунной дорожкой на поверхности бухточки.

— Эх, красота-то какая, — раскинув руки, восхищенно произнес он. — Чистый воздух, голубое небо, чистая родниковая вода и ласковое море — что еще нужно для полноты человеческого счастья?... Ради этого стоило ехать за тридевять земель от Москвы на необитаемый остров.

И это говорил человек, которого знал весь мир, у которого, казалось бы, был уже полон короб этого самого человеческого счастья. Я в замешательстве минуту молча смотрел на Гагарина, наконец спросил:

— А разве мировая слава — это не самое большое счастье?

Наступила тишина. Гагарин задумчиво смотрел на лунную дорожку.

— А что такое вообще человеческое счастье, Анатолий Антонович? — вдруг спросил он.

— Я думаю, счастье — это когда человеку очень хорошо.

— Правильно... Счастливым человек бывает только тогда, когда наступает полное душевное умиротворение. И больше ничего он не хочет. Больше ничего ему не надо. Больше ничего над ним не довлеет.

Потом Гагарин внимательно посмотрел на меня и продолжил:

— А слава, Анатолий Антонович, вещь хоть и дорогая, но быстро портящаяся... Спросите почему? Да потому, что у славы много недоброжелателей: завистников, льстецов, лицемеров, лжецов и подхалимов, которые как ржа, разъедают ее. Назовите мне хоть одну историческую личность, которая бы при жизни, находясь в зените славы, не попала в опалу.

Я задумался, мысленно перебирая фамилии выдающихся людей, прославивших Россию: Ломоносов, Суворов, Кутузов, Пушкин, Лермонтов, Вавилов, наконец командующий военно-

морским флотом во время войны Кузнецов, Маршал Победы Жуков... Дальше уже не стал перебирать.

— Никогда не задумывался над этим, — с горечью произнес я. — Да и к славе никогда не стремился.

— Я тоже не стремился... Но так случилось, что для полета в космос время выбрало меня.

Гагарин задумался, посмотрел куда-то вдаль, а потом продолжил:

— Мне иногда твердят: «Счастье привалило, такая слава!» А я не чувствую счастья от обладания славой. Наоборот, она лежит на мне тяжелой ношей. Я ведь сам себе не принадлежу: делаю то, что мне прикажут, еду туда, куда прикажут. Даже эти две недели отдыха на острове и то еле выпросил... А вообще — я своей жизнью доволен и ни на какую другую не променяю.

Наступила длинная пауза. Наконец Гагарин задумчиво произнес:

— Разговорился я... Расчувствовался в непринужденной обстановке... Надеюсь, Анатолий Антонович, этот разговор останется между нами...

— Конечно, Юрий Алексеевич... До конца дней своих. Как и то, что я вас охранял, должен хранить в тайне. Во-первых, никто не поверит... Во-вторых, тоже попаду «в опалу», если не сказать больше.

И я действительно хранил в тайне не только разговор с Гагариным, но и то, что охранял его две недели на необитаемом острове. Правда, не до конца дней своих, а до конца существования Советского Союза.

Вдруг в том месте, где маячили огоньки пограничных кораблей, одна за одной взлетели три осветительных ракеты.

— Анатолий Антонович, а как дела на границе? — спросил Гагарин после того, как погасли ракеты.

— Здесь относительно спокойная граница, Юрий Алексеевич. Хотя, конечно, абсолютно спокойной границы вообще не бывает. Правда, в настоящее время нарушения границы бывают очень редко и носят не политический характер, а больше экономический.

— Что значит экономический характер?

— Попытки провоза контрабанды.

Мы беседовали еще около часа. Разговор шел в основном о пограничной службе. Наконец Гагарин поднялся и сказал:

— Покойной ночи, Анатолий Антонович.

— Покойной ночи, Юрий Алексеевич, — сказал я, и Гагарин пошел в свою палатку.

Крушение мечты

Две недели пролетели, как один день. Все время стояла прекрасная солнечная погода. На небе ни облачка. Но легкий бриз приносил морскую прохладу, и на острове августовская жара переносилась значительно легче, чем на континенте.

Утром и вечером космонавты часа по полтора занимались физическими упражнениями, потом купались. После завтрака загорали на песчаном берегу бухточки и ловили рыбу.

Для Гагарина рыбалка была величайшим наслаждением. Поймав на спиннинг килограммового окуня, накручивая леску на катушку, он водил его по поверхности воды, восклицая: «Эх, вот это да! Вот это красавец! Вот это рыбалка». И при этом задорно смеялся. Чуть ли не каждый день, когда я советовался в отношении меню, Юрий Алексеевич вносил единственную поправку: на ужин готовить тройную уху, причем на костре.

После ужина подолгу засиживались у костра и слушали рассказы Гагарина о том, как его встречали в различных странах мира.

Наконец наступил день, когда на горизонте показался корабль. Вблизи острова он стал на якорь, от него отошла шлюпка, и вскоре на берег ступили Петр Иванович и полковник Разоренов.

— Товарищ полковник, — начал было докладывать я, но он махнул рукой, мол, не надо формальностей, и с секретарем горкома они направились к Гагарину.

— Ну, как отдыхали, Юрий Алексеевич? — после рукопожатия спросил Петр Иванович.

— Спасибо, — расплылся в улыбке Гагарин. — До конца дней своих буду помнить этот прекрасный отдых. Я бы ни на какие санатории его не променял. Будет возможность — еще приеду.

— Вы не голодали здесь? — вдруг спросил Петр Иванович

— Ну, что вы, Петр Иванович, — улыбаясь, произнес Гагарин. — Анатолий Антонович не только замечательный офицер, но и искуснейший кулинар. Он так разнообразил нашу пищу и так вкусно готовил, что любой шеф-повар позавидовал бы. Особенно я благодарен ему за тройную уху. Кстати, она еще есть, прошу вас отведать.

Пока Гагарин с Леоновым угощали секретаря горкома и полковника Разоренова ухой, именно ухой, а не рыбным супом, я со своими помощниками упаковал все имущество и на шлюпке отправил на корабль. Вторым рейсом отправились на корабль

Гагарин, Леонов, Петр Иванович и Разоренов, третьим — я со старшими лейтенантами.

Когда корабль, подняв якорь, направился к Выборгу, мне почему-то стало очень грустно.

На причале, перед тем как садиться в машину, Гагарин тепло простился со мною.

— Спасибо вам огромное, Анатолий Антонович, — пожимая руку и улыбаясь своей обаятельной улыбкой, сказал он. — Благодаря вашим заботам отдых был замечательным... И вам спасибо, товарищ полковник, — повернувшись к полковнику Разоренову, продолжил он, — за то, что послали с нами такого замечательного офицера. Будет возможность, снова приеду отдыхать на этот остров. Надеюсь, вы опять пошлете с нами Анатолия Антоновича.

— К сожалению, не получится, Юрий Алексеевич, — огорченно произнес я.

— Почему?

— Я подал документы в академию. Думаю поехать на учебу.

— Так это же замечательно... Ну, что же, всех благ вам, Анатолий Антонович.

После этого Гагарин, Леонов, первый секретарь горкома и полковник Разоренов сели в машины и поехали в город. Я же, счастливый тем, что две недели провел в обществе первого космонавта и замечательного человека, направился домой пешком, так как жил рядом с портом.

Полина встретила молча, разрешила себя обнять и поцеловать, но я интуитивно почувствовал, что произошло что-то непредвиденное и очень неприятное.

— Что случилось, Полина? Ты какая-то не совсем обычная.

— Тебе письмо.

— Откуда?

— Из Москвы. На столе лежит.

Полина ответила так, словно произошла страшная трагедия. Я быстро подошел к столу и взял конверт. Обычно Полина мои письма не читала, но это письмо было вскрыто. Вынул из конверта лист бумаги, сложенный вчетверо, и, бегло просмотрев машинописный текст, сразу схватил основное содержание: «В связи с тем, что в прошлом были факты невыполнения боевого приказа на охрану государственной границы, в приеме в академию отказать».

Мне показалось, что кто-то воткнул мне нож в подреберье, и огненная боль от нервного сплетения разлилась по всему телу.

«Только бы не упасть, — подумал я и мысленно стал повторять, как меня учил врач в санатории: — Мне хорошо, хорошо, хорошо. Я успокаиваюсь, успокаиваюсь, успокаиваюсь. Я спокоен, спокоен, спокоен. Я совсем спокоен».

— Теперь ты до конца жизни будешь хроническим капитаном, — вдруг до меня донесся голос Полины. — Ведь на тебе лежит печать Каина. Вот к чему привела тебя твоя честность и преданность границе.

— Не надо, Полина, — как от зубной боли, поморщился я.

— Почему не надо? Жизнь тебя не научила, так, может быть, я тебя научу.

— При чем здесь жизнь?

— А при том. Если бы ты тогда меня послушал, отпустил бы старшего лейтенанта, сына генерала, в Киев домой на день рождения, его отец, как он обещал, составил бы тебе протекцию и ты бы уже давно вырос из коротких штанишек.

Да, действительно, был у меня несколько месяцев «на стажировке» старший лейтенант, сынок генерала, бывший адъютант начальника войск. Просил и он, и мама-генеральша отпустить его на день рождения в Киев. Не отпустил. А он действительно обещал протекцию папы-генерала.

— Что ты мелешь? Из каких штанишек?

— Ну, был бы уже подполковником, а то и полковником. Ведь тот бездарный старший лейтенант уже закончил академию, давно получил звание подполковника и назначен начальником штаба Кишиневского пограничного отряда. А почему? Потому что был честен и предан границе, как ты? Да нет, потому, что сынок генерала.

— Откуда ты все это знаешь?

— В Выборгский пограничный отряд прибыл майор из Кишинева. Я познакомилась с его женой, вот она и рассказала об этом донжуане.

Злость и обида переполнили мою душу. Но, очевидно, поэтому утихла боль. И тут я вспомнил, что месяца два назад в журнале «Огонек» читал статью о двух агентах иностранной разведки, которые были сброшены с того самого самолета без опознавательных знаков, который тогда нарушил границу на моем участке и из-за которых меня обвинили в невыполнении боевого приказа. Агентов окружили в лесу Черном. Там они, видя свое безвыходное положение, убили своего руководителя, а сами вышли с повинной. И их простили. Более того, один из них закончил Московский государственный университет, другой

«Бауманку». Оба женаты, имеют добротные квартиры, подрастают дети. И даже снимки показали.

«А я почему обречен? — промелькнула мысль. — Может, Полина права и наиболее верный путь продвижения по службе — это протекция?»

— Я думаю, Толя, тебе уже ничего не светит, — снова возникла Полина. — Тебе надо увольняться. Выслуги у тебя двадцать лет. Пока молодой, на гражданке найдешь себе работу. Работа таких дураков, как ты, любит.

— Нет, Полина, я думаю не все еще потеряно, — в задумчивости произнес я и позвонил в библиотеку. Библиотекарша назвала номер «Огонька» и страницы, на которых была опубликована статья.

Сев за стол, стал писать письмо в Москву, в Главное управление пограничных войск. Писал долго, обдумывая каждое предложение. И все равно письмо получилось достаточно резким. В нем я описал подробно события пятнадцатилетней давности, когда по навету майора Старченко был обвинен в невыполнении боевого приказа.

Спасибо добросовестному следователю, который раскрыл клевету. Майор Старченко был уволен из войск, а уголовное дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Полковник Кузнецов из политуправления погранвойск знакомился с этим делом и, если он до сих пор в политуправлении, все может подтвердить.

Письмо заканчивалось словами: «Значит, предатели Родины, завербованные иностранной разведкой, но, попав в безвыходное положение, вышедшие с повинной, имеют право закончить вузы, иметь квартиры в Москве, а я, добросовестно прослуживший двадцать лет и отдавший границе лучшие свои годы, но оклеветанный подлецом, ни на что не имею права? Где же справедливость? И как мне служить дальше, если впереди тупик?»

Еще раз перечитав письмо и немного поколебавшись, рискнул и отнес его на почту.

На другой день я появился на работе мрачнее тучи. Увидев меня, полковник Разоренов спросил:

— Что с вами, Анатолий Антонович? Я никогда не видел вас таким мрачным.

— Есть от чего быть таким мрачным, товарищ полковник, — со вздохом произнес я.

— Ну-ка пошли ко мне, — решительно сказал Разоренов и направился к себе в кабинет.

Я последовал за ним.

— Садись и рассказывай, что произошло! — потребовал Разоренов.

— Я лучше покажу.

И положил перед Разореновым письмо из Москвы и копию своего письма. Прочитав оба письма, полковник Разоренов на пару минут задумался, а потом тихо, словно боясь, что кто-то его услышит, произнес:

— Да, Анатолий Антонович, ваше письмо достаточно откровенное и смелое в выражениях, если не сказать больше. Смотря кому в руки попадет. Доброму человеку — толк будет, а если чинуше — тебе несдобровать.

До меня только сейчас дошло, почему меня много лет муржили на низких должностях... Все по той же причине — невыполнение боевого приказа, которого не было. Так что терять мне больше нечего. Двадцать лет выслуги есть, буду увольняться... И жена настаивает на этом.

— Она знает о письме из Москвы?

— Впервые открыла письмо, адресованное мне... И надо же!

— А жена ваша, Анатолий Антонович, женщина с достаточно крутым характером. Взяла меня за горло: скажи, где мой муж, и все тут!

— Когда?

— Когда вы были на острове.

— А вы?

— Пришлось сказать правду

— Поверила?

— Что вы! Кто же в такое сразу поверит?

Мне стало стыдно за Полину, и я почувствовал, что покраснел до корней волос.

— Пришлось обратиться за помощью к Петру Ивановичу, — продолжил Разоренов. — Только тогда она поверила и успокоилась... Да ты не красней, не красней. И ее не ругай. А то меня подведешь. Она решительно потребовала, чтобы я клятвенно пообещал тебе об этом не говорить.

— Хорошо, Алексей Дмитриевич... Может быть, потом как-нибудь.

— Ну, потом можно. А ты вот что — в отношении отказа в академию не переживай, — в своей манере убеждать проговорил Разоренов. — Успокойся. Может быть, все еще уладится. Че-

рез две недели приезжает окружная инспекторская комиссия. Ее возглавляет начальник политотдела округа генерал-майор Кузнецов. Я поговорю с ним. Он очень хорошо чувствует чужую боль... А увольняться никогда не поздно. Все мы когда-нибудь пойдем по этому пути.

Несколько успокоенным я вышел из кабинета полковника Разоренова.

«А Полина стерва, — вдруг подумал я. — Пошла меня позорить. То-то, смотрю, о командировке ни слова. Ну хорошо, не буду подводить Алексея Дмитриевича, промолчу. Может, сама не выдержит».

— Ну, подал рапорт на увольнение? — спросила Полина, едва я переступил порог дома.

— Пока нет. Вот приедет инспекторская комиссия, попрошусь на прием к генералу Кузнецову. Если он не поможет, тогда подам рапорт на увольнение.

— Да кому ты нужен, Толя! Неужели тебя жизнь ничему не научила?

— Полина, давай прекратим этот ненужный разговор. Пока не побываю на приеме у генерала, никакого рапорта писать не буду.

Мир не без добрых людей

Инспекторская комиссия приехала после обеда, а через два часа в моем кабинете раздался телефонный звонок. Звонил полковник Разоренов.

— Анатолий Антонович, заходите ко мне, вас ждет генерал-майор Кузнецов. Когда я вошел в кабинет начальника ОКПП, за приставным столиком увидел генерал-майора Кузнецова. Такой быстрой встречи с ним не ожидал.

— Товарищ генерал, капитан Невара... — начал было представляться, но закончить не успел.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, — поднимаясь со стула и протягивая руку, приятным голосом поздоровался генерал, и на его красивом, без единой морщинки лице появилась доброжелательная улыбка. Потом уже, после многих встреч с генералом, я назову ее гагаринской улыбкой.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — несколько громче обычного произнес я. Очень стройная фигура, ладный гене-

ральский костюм, густые, волнистые, с проседью волосы и приятная улыбка создали у меня хорошее впечатление, подтвердившее ту добрую молву, которая ходила в войсках округа о генерале Кузнецове Петре Никифоровиче.

Забегая вперед, скажу, что много лет спустя, работая над подготовкой документального сборника «На службе Отечеству», много раз встречал фамилию Кузнецова Петра Никифоровича, полковника, начальника политотдела 10-й дивизии НКВД, защищавшей Сталинград.

И все же генерал есть генерал. Хотя он и предложил мне садиться, я продолжал стоять.

— Садитесь же, Анатолий Антонович, — повторил, улыбаясь, генерал Кузнецов.

Я сел против него и стал торопливо открывать папку.

— Вы хотите дать мне прочитать копию своего письма в Москву? — продолжая улыбаться, спросил генерал.

— Так точно, — ответил я и почувствовал уже знакомую боль в месте нервного сплетения.

— Не надо, Анатолий Антонович. Прочитайте лучше вот это, — и генерал протянул мне бланк телеграммы.

Не обращая внимания на «шапку», я бегло просмотрел текст, и у меня от радости перехватило дыхание. Из всего содержания мой мозг выделил основные фразы, которые остались в моей памяти на всю оставшуюся жизнь:

«Отказ необоснованный... Объясните товарищу Неваре, что в этом году набор в академию закончен. Он будет зачислен кандидатом в будущем году. А если он не желает ждать следующего года, разрешите ему поступать в этом году в любой гражданский вуз». И подпись: «Генерал-лейтенант Матросов».

Кстати, в те годы, не знаю, как в Советской Армии, а в пограничных войсках поступать офицерам в гражданские вузы категорически запрещалось. А мне вот разрешили. Так это же здорово!

— Спасибо, товарищ генерал, — с дрожью в голосе и почти со слезами на глазах произнес я. — Огромное вам спасибо... Я буду поступать в этом году в университет, на философский факультет.

— Хорошо, Анатолий Антонович. Это как раз совпадает с программой обучения офицеров по марксистско-ленинской подготовке, — удовлетворенно констатировал генерал Кузнецов, а потом обратился к полковнику Разоренову: — Алексей Дмитриевич, надеюсь, вы не будете возражать против посту-

пления товарища Невары в университет на философский факультет?

— Что за вопрос, товарищ генерал, конечно же, нет.

— Ну вот, будем считать вопрос решенным... Но это еще не все, Анатолий Антонович, — сказал генерал и поднялся из-за стола.

Мгновенно вскочил со стула и я.

— За успешное выполнение спецзадания по ходатайству Юрия Алексеевича Гагарина начальник войск округа объявил вам благодарность и наградил именными часами, — и генерал протянул мне небольшую коробочку.

— Служу Советскому Союзу! — громко ответил я и покраснел до ушей.

— Кстати, когда у вас заканчивается срок капитанского звания?

— Второй срок, товарищ генерал, заканчивается в следующем году.

— Как второй?

— Да так, второй.

— А почему же вы молчите?

— Так я думал... сверху виднее. А оказывается, какой-то чиновник оставил в личном деле обвинительное заключение о якобы имевшем место невыполнении боевого приказа, и меня почти пятнадцать лет держали на должностях старшего лейтенанта и капитана. А я и не догадывался.

— Хорошо, Анатолий Антонович, я разберусь. Идите и не теряйте присутствия духа. Не все еще потеряно.

Выйдя из кабинета, еле дождался вечера, чтобы, возвратившись домой, обрадовать Полину. Все складывалось как нельзя лучше. Я получил возможность приобрести специальность, с которой в гражданке не пропаду.

«Да, действительно: в семье не без урода, а мир не без добрых людей», — промелькнула мысль, когда вечером возвращался домой. А переступив порог квартиры, с ходу объявил:

— Итак, Полина, я был на приеме у генерала. Он сказал: «Не все еще потеряно» и зачитал телеграмму, в которой мне предложили: или ждать следующего года и я буду зачислен в академию. Или в этом году разрешить мне учиться в любом гражданском вузе. Я выбрал второе. И подаю документы в университет на философский факультет. И со званием он обещал разобратся.

Но вопреки ожиданию настроение у Полины от моего сообщения несколько не улучшилось. Со злостью она сказала:

— И чего ты радуешься, как дурачок. — И передразнила: — Обещал, обещал. Да обещанного — три года ждут.

— Почему ты такая злая, Полина?

— Да потому, что ты такой дурачок. И упрямый, похлеще быка. Уволился бы и был человеком.

Чтобы не обострять отношений, я замолчал, мысленно повторяя: «Я спокоен, спокоен, спокоен».

Грызу гранит науки

Сразу же после отъезда инспекторской комиссии мне пришла копия телеграммы, которую давал мне читать генерал-майор Кузнецов, и я подал документы в Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова на философский факультет, заочное отделение. И вскоре пришел вызов на сдачу вступительных экзаменов.

Написав рапорт, понес его на подпись полковнику Ягодарову, только что назначенному на должность заместителя начальника ОКПП «Выборг» по политической части. Он прочитал его несколько раз, и на его лице появилась удивленная улыбка.

— Странно, — наконец произнес он, — неужели вы, Анатолий Антонович, не знаете, что офицерам не разрешается поступать в гражданские вузы?

Я молча вынул из папки телеграмму и протянул ему. Он прочитал ее несколько раз, потом покрутил и так и эдак и наконец спросил:

— А может, вы, Анатолий Антонович, подождете следующего года и поступите в академию?

— Я бы с удовольствием, товарищ подполковник, да за год много воды утечет. И кто его знает, что может за год произойти. А в этом году сама жар-птица в руки идет. Так что подпишите рапорт.

— Ну что же, подпишу. Только потом не жалейте.

— Не буду жалеть, товарищ полковник, — твердо заверил я.

Для сдачи вступительных экзаменов, а также на остальные сессии я принял решение ездить за счет очередных отпусков. Так что ущерба для службы и экономического ущерба для меня не будет.

Свое решение объявил Полине и, честно признаться, ожидал, что она скажет: «Как же ты, Толя, несколько лет будешь без отпуска. Может, передумаешь».

А она подошла, поцеловала меня (наконец-то сама, первая) и почти восторженно сказала:

— Хотя бы одно решение ты принял правильное.

А потом подумала немного и сказала:

— Раз ты не поедешь в отпуск, возьми мне путевку. Я завезу ребят к маме, а сама отдохну в санатории.

Чтобы не спорить, оформил ей путевку в Сочи, и она уехала. А сам поехал сдавать вступительные экзамены.

На заочное отделение философского факультета Ленгос-университета конкурс был большой — четыре человека на одно место.

Первым было сочинение. Писали мы его в огромной аудитории, в которой помещалось свыше двухсот человек. А преподавателей было всего два, прошли по основным проходам и сели за стол.

«Ура! Можно свободно пользоваться шпаргалками», — пронеслось в голове.

Шпаргалки у меня тоже были. Но я пока побоялся их доставать, тем более что из трех предъявленных тем выбрал более легкую — по книге Горького «Мать».

Мужчина же за соседним столиком свободно достал шпаргалки, разложил на столе и стал списывать с них текст. Девушка, сидевшая с ним рядом, поднялась и тихонько потребовала, чтобы мужчина подошел к столу преподавателей, взял свою зачетку и покинул аудиторию. Мужчина, сначала ничего не понимая, начал тихонько уговаривать девушку, чтобы она села писать сочинение и молчала. В это время подошла преподаватель, взяла у мужчины зачетку и, поставив «неуд», предложила забрать документы и ехать домой.

В течение десяти-двенадцати минут таких инцидентов набралось примерно полтора десятка. И уже около пятнадцати аспирантов и преподавателей ходили по рядам и наблюдали, как абитуриенты пишут сочинение.

«А вдруг со мной рядом сидит такая же подсадная утка и добросовестно что-то пишет на бумаге», — подумал я и решил шпаргалкой не пользоваться. И правильно сделал. Сочинение написал на четыре, остальные экзамены сдал на пять и набрал достаточно высокий проходной балл.

Долго нам не объявляли результатов вступительных экзаменов. Наконец собрали человек сто в актовом зале и объявили, что в этом году философский факультет будет заниматься по экспериментальной программе, то есть вместо прослушивания

курсов философских проблем математики, физики, химии и так далее вводятся к изучению такие предметы, как химия, физика, математика, биология, физиология, физиология высшей нервной деятельности и так далее со сдачей экзаменов по каждому предмету, и в связи с этим программа обучения рассчитана не на пять лет, а на семь. Далее проректор по заочному обучению сказал:

— Нам на заочное отделение философского факультета необходимо набрать пятьдесят человек. А в связи с тем, что вы не знали об увеличении срока обучения, поступим так: те, кто желает учиться на философском факультете, независимо от количества баллов остаются в этом зале, остальные могут забрать документы и перейти на любой другой гуманитарный факультет нашего университета. Время для размышления — десять минут.

В зале послышался гул. Многие были знакомы и начали советовать друг с другом. Я был один, и решение тоже было только одно: учиться на философском факультете.

Через десять минут в зале осталось только сорок восемь человек. Все они независимо от количества баллов были зачислены на заочное отделение философского факультета Ленинградского государственного университета.

Забегая наперед, скажу, что закончили этот факультет только двадцать восемь человек. Остальные в течение семи лет отсеялись.

Учебная нагрузка была очень большая. Достаточно сказать, что на каждой сессии приходилось сдавать по десять-двенадцать экзаменов.

В связи с этим режим дня я установил железный: в пять часов утра подъем, с пяти до восьми занятия по программе университета, в восемь завтрак и к девяти на работу. С семи часов вечера и до двадцати трех часов снова учеба по программе университета. И так каждый день.

Я во что бы то ни стало должен был закончить университет.

Естественно, что на жену и детей — Саша учился в седьмом классе, а Толя в четвертом — времени уже не оставалось. А чтобы как-то сэкономить, на летнюю сессию брал путевку за 25 процентов в дом отдыха «Сестрорецк», а на зимней сессии жил в гостинице Ленинградского пограничного округа. Так что денежные расходы на учебу были минимальные.

После возвращения из Ленинграда меня ждала приятная новость: мне присвоили звание майора. Наконец-то лед тронулся.

Даже Полина немного подобрела. И я вдруг заметил, что она за пятнадцать лет совместной жизни из худенькой влюбленной девочки превратилась в представительную даму. Несмотря на то, что на висках появилась небольшая седина, она не красилась, а делала красивую прическу. Стала модно одеваться. И вообще была достаточно привлекательной.

Единственно, что тяготило меня, ее строптивый, необузданный характер. Все в мире, и особенно в семье, должно было происходить только так, как она того пожелает.

Как-то Саша между прочим сказал:

— Закончу среднюю школу и поступлю в пограничное училище.

И она словно взбеленилась: стала громко кричать, а потом категорически заявила:

— Этому никогда не бывать! Ты пойдешь туда, куда я скажу, например, в институт иностранных языков.

Но сын тоже проявил характер и повторил:

— Нет, мама, пойду в пограничное училище.

— Сынок, неужели жизнь отца тебя ничему не научила? Неужели и ты хочешь скитаться так, как он? Ведь за пятнадцать лет он сменил восемь мест службы. Ты учишься только в седьмом классе, а сменил уже три школы.

— А может, мне такая жизнь и по душе. Настоящая, боевая. Не то, что всю жизнь «шпрехен зи дойч» в какой-то захудалой средней школе.

Я был свидетелем этого разговора, но вмешиваться не стал. Бесплезно! Ее не переубедить!

Несколько дней после этого Полина ходила чернее тучи. С сыном не разговаривала, давая понять, что никогда не простит ему, если он поступит в пограничное училище.

Однажды, когда Полина пошла в магазин, в поисках иголки я перерыл все в ее тумбочке. Иголки не нашел, а нашел конверт, сложенный вчетверо. Развернул. Письмо было адресовано Полине, но не по домашнему адресу, а до востребования. Дата была совсем свежая. Штамп — московский.

Учащенно забилося сердце, руки задрожали. Но я успокоил себя методом, который мне рекомендовал доктор в санатории, и когда Полина вернулась, был уже совсем спокоен.

Она что-то весело говорила о каких-то покупках, но я, не улавливая сути слов, молчал. Наконец и она замолчала и внимательно посмотрела на меня.

Заполярье

Да, действительно лед тронулся. В ноябре 1964 года меня назначили заместителем коменданта пограничной комендатуры по политической части в Никельский пограничный отряд Мурманской области.

Комендатура была создана путем ликвидации 101-го пограничного отряда. Восемь пограничных застав были переданы соседу слева, а двенадцать пограничных застав вошли во вновь созданную отдельную пограничную комендатуру, которая вскоре вошла в состав Никельского пограничного отряда.

О своем назначении торжественно объявил Полине, но вопреки ожиданию она почти трагически произнесла:

— Опять в тмутаракань... Я туда не поеду.

— То есть как не поедешь?

— А так: ты будешь служить в своем Никеле, а я буду жить у мамы на Украине... Раза три в году будем жить вместе... То ты в отпуск приедешь, то я к тебе пару раз приеду.

— Ты что, серьезно, Полина?

— Даже более чем серьезно.

И тут я вспомнил, как в период последнего отпуска Полина, всего лишь два дня побыв у моих родителей, забрала детей и уехала к своей маме в село, расположенное недалеко от города Волчанска, где в настоящее время проживали мои родители. Мать тогда с грустью сказала:

— Не нравится мне, сынок, что жена от мужа надолго уезжает. Не к добру это.

Она имела в виду тот год, когда я лечился, а Полина уехала от меня.

— Полина, у тебя в санатории был мужчина?! — не столько спрашивая, сколько утверждая, тихо произнес я.

Она молча смотрела на меня, наконец так же тихо еле выдавила:

— Ты что, с ума сошел?.. Никого у меня не было... — и она что-то начала делать у плиты.

— А это что? — спросил я, показывая конверт.

Она повернулась, увидела конверт, и пунцовая краска стала постепенно заливать ее лицо.

— Ах... Это... Это... У него, понимаешь, во время войны под Выборгом погиб старший брат... И он попросил меня найти его могилку.

— Что за ересь?.. Полковник КГБ просит какую-то незнакомую гражданку поискать могилу брата.

— Откуда ты знаешь, что он полковник?

— Ну какой же интерес менять мужа-майора на такого же майора или капитана?

— Ты что чушь мелешь?.. Какая замена?.. Он женатый, — и она расплакалась.

— Ах, вот оно что. Ты даже знаешь, что он женатый. Уже и на эту тему у вас велись разговоры.

— Толя, милый... я ни в чем перед тобой не виновата... Это он... он добивался...

— И ты не устояла.

— Толя, я перед тобой чиста... Хочешь, на колени стану.

— Не надо, Полина, не надо... Я понимаю, что тебя не полностью удовлетворяю, так как львиную долю времени отдаю службе и учебе. Но иначе я и не смог бы выбраться из того багна, в какое вляпался на второй пограничной заставе. Поэтому... только поэтому прощаю тебе второе предательство. Но третьего не прощу — произнес почти речитативом и, чтобы успокоиться и избежать рецидива, вышел на улицу.

Возвратился домой поздно вечером. Молча поужинали и легли спать. Полина, на удивление, первая проявила инициативу и обцеловала меня с головы до ног.

После этого ее словно подменили. Она стала внимательной и покладистой. Свой характер не проявляла и не спорила. Очевидно, старалась загладить свою измену.

Я тоже постепенно оттаял и более-менее успокоился, хотя заноза в душе осталась на всю жизнь.

Я посмотрел внимательно на Полину и почти спокойно сказал:

— Хорошо, я не возражаю.

— Ну, вот. Слава богу, что согласился.

— Обожди, я ведь еще не все сказал, — и, сделав небольшую паузу, продолжил: — Не возражаю... но сначала оформим развод.

— Что?.. Какой развод?

— Не формальный, конечно, а самый настоящий.

— Дудки. Не дам тебе развода. До самого Андропова дойду.

— А при чем здесь Андропов?

— Ты же знаешь, что если офицер оставил семью, он в войсках КГБ больше служить не сможет.

— Я ведь не просто оставлю семью, а оставлю потому, что жена не захотела со мной ехать в Заполярье. А это не одно и то же.

— Анатолий, ты деспот!

— На моем месте будешь не только деспотом.

Наступила неловкая пауза. Наконец Полина тихо произнесла:

— Хорошо. Я с тобой поеду.

— От и добре, — сказал я любимую фразу моего бывшего первого коменданта, майора Якушина.

В это время в дом с улицы вошли сыновья.

— Привет, родители! — почти дуэтом произнесли они, а потом внимательно посмотрели на нас, и, не дождавсь ответа, Саша вдруг спросил:

— Почему такой минор? Какая кошка пробежала между вами?

— Отца направляют в тмутаракань, — раздраженно ответила Полина.

— Куда-куда?

— Я же сказала: в тмутаракань.

— А где она находится, эта самая тмутаракань?

— За Полярным кругом.

— Это правда, папа?

— Правда, сынок. Меня назначили заместителем коменданта пограничной комендатуры в Никельский пограничный отряд Мурманской области.

— Мама, так это же здорово! — воскликнул Саша. — Настоящая романтика: заполярная тундра, полярное сияние, оленьи да собачьи упряжки.

— Да уж, романтика... Я этой романтикой сыта по горло.

— Мама, так это же ненадолго. Я слышал, что там через каждые четыре года делают замену... Мама, ну не надо так смотреть на меня... Соглашайся.

— Да я уже согласилась.

— Ну вот и хорошо... Давайте ужинать.

Через неделю мы всей семьей уже были в Никеле, точнее, в поселке Сальмиярви, в нескольких километрах от Никеля, где стоял пограничный отряд. Я представился начальнику пограничного отряда полковнику Гаврилко и начальнику политотдела подполковнику Гапоненко Валентину Константиновичу — моему непосредственному начальнику, получив от них определенные напутствия, утром на автомобиле с семьей выехал в погранкомендатуру, расположенную в поселке Раякоски.

Поселок Раякоски молодой, построенный финнами по заказу Советского Союза вместе с гидроэлектростанцией.

Кстати, финны строят не так, как мы. Мы сначала строим крупную ГЭС и только после этого строим жилье. До этого люди живут в палатках, землянках и других приспособленных для жилья помещениях.

Финны же сначала на месте стройки устанавливают вагончики со всеми удобствами, в которых размещаются рабочие, строящие так называемые бараки, а по-нашему — несколько одноэтажных многоквартирных домов со всеми удобствами, куда привозят дополнительную рабочую силу, которая занимается строительством добротных одноэтажных двухквартирных домиков, в которых размещаются инженерно-технические работники.

Домики строятся со всеми удобствами: свет от автономной силовой установки, в домах — электрические батареи с терморегуляторами, кухня с различными приборами вплоть до электромойки, ванная, туалет, бетонный подвал.

Строятся также баня, клуб, парикмахерская, почта, магазины. И только после этого финны приступают к строительству гидроэлектростанции.

После окончания строительства и передачи ГЭС Советскому Союзу в домиках размещался инженерно-технический персонал, а в бараках — рабочие. В Раякоски в бараках размещались также одна из застав и подразделения комендатуры.

В комендатуре меня встретил комендант — подполковник Рябухин, с которым я начинал службу в далекой юности. Обнялись, вспомнили былые годы, и он повел всю семью к себе домой на обед. В квартире было чисто, но чувствовалось отсутствие женской руки. Оказалось, что жена отказалась ехать

в Заполярье, а он не настоял. После обеда Рябухин повел нас в один из двухквартирных домиков, где мне предназначалась квартира. Квартира оказалась полностью меблированной. Кровати убирались в ниши. Удобная кухня порадовала жену.

После скитания по неблагоустроенным или частным квартирам это было величайшим благом. Даже Полина несколько оттаяла. Она ходила из комнаты в комнату, а потом на кухню и восторгалась увиденным, особенно посудомоечным и сушильным шкафами. Забегая наперед, скажу, что я больше никогда не жил в подобной квартире.

В течение двух месяцев я знакомился с заставами. Причем своеобразным способом: приезжал на машине на одну из застав, работал там сутки-двое, потом «условной ночью» (условной — потому что солнце там зимой не заходило круглые сутки) я брал солдата, с ним на лыжах шел на проверку пограничных нарядов и сразу же шел на участок соседней заставы. Так лучше было узнать истинное положение дел.

На одну из застав — начальник заставы старший лейтенант Легкий — пришел на лыжах ночью: солдаты спят в шубах, дежурный по заставе тоже в шубе. Температура — 10-12 градусов. Поднял начальника заставы, заместителей, старшину и спрашиваю:

— В чем дело? Почему такая холодина в помещениях?

Отвечают:

— Котельная не тянет.

Подошел к окну, а от него сифонит, как в динамическую трубу. Потрогал створки, они даже шевелятся, совсем не утеплены.

— Товарищ Легкий, сейчас же поднимайте заставу, распределяйте по окнам и дверям и утепляйте их. Старшина обеспечивает материалом и принимает работу. Потом проверю. Будет плохо сделано — накажу старшину.

— Ничего не поможет, товарищ майор, — робко произнес Легкий.

— Посмотрим, товарищ Легкий. Да, в канцелярии будете делать вы со своими заместителями. Ни одного солдата в канцелярии не должно быть. Кстати, работу у вас буду принимать я. Будете переделывать до тех пор, пока не сделаете на совесть. Приступайте.

— Товарищ майор, мне через полчаса на службу, — сказал один из заместителей.

— Никакой службы, — категорично заявил я. — Пока не обеспечите теплом солдат, и речи быть не может.

Через сутки все сидели в кителях и улыбались, вспоминая, как пришлось по несколько раз переделывать.

Я позвонил подполковнику Рябухину и попросил его дать телеграммы на все заставы, чтобы тщательнейшим образом отнеслись к утеплению окон и дверей для сохранения тепла в помещениях. И показать это на примере заставы старшего лейтенанта Легкого.

Так на заставах я работал по 5-6 дней, потом возвращался в комендатуру, чтобы через несколько дней снова ехать на заставы.

Работая в управлении комендатуры и проходя по кабинетам, я заметил, что многие офицеры, сидя за столом, кимарят или попросту спят. Я предложил делать по утрам трехкилометровые лыжные прогулки. И сам проложил лыжню. Сначала ко мне присоединилось всего несколько человек. А по комендатуре пошел разговор: «Это, дескать, замполит в охотку на лыжах ходит. Пройдет несколько дней, и он остынет».

Но чем больше проходило дней, тем больше офицеров присоединялось ко мне, пока на лыжах по утрам не стали ходить все офицеры и сверхсрочники.

В конце зимы на комендатуру приехал начальник политотдела подполковник Гапоненко. Работой командования комендатуры, в том числе и моей, остался доволен.

Вдруг произошло неожиданное. На третий день работы Валентин Константинович вышел на улицу. Обеспокоенный его долгим отсутствием, я тоже вышел и обнаружил его недалеко от крыльца лежащим в снегу без сознания. Взвалив его на плечи, занес в кабинет и вызвал врача из медсанчасти комендатуры. После нескольких уколов он пришел в сознание и спросил, что случилось. Врач рассказал.

— Спасибо вам, Анатолий Антонович, — тихо сказал Валентин Константинович и хотел подняться, но врач остановил его, сказав, что ему надо полежать. Вскоре за ним пришла санитарная машина и увезла его в отряд.

На комендатуре я поработал всего один год и в декабре 1965 года был назначен старшим инструктором политического отдела пограничного отряда, а еще через полгода — заместителем начальника политотдела пограничного отряда.

В разгаре было лето 1966 года. Новизна впечатлений сначала увлекла Полину. Вместе с другими женщинами она ходила по мелкому карликовому лесу, собирала морошку или клюкву, а потом делала варенье и соки. Иногда женщины так увлекались

сбором ягод, что бродили чуть ли не до полуночи. Хотя ночь в это время в Заполярье условная, так как солнце круглосуточно бродит по горизонту — в час ночи лишь окунется за горизонт и снова поднимется.

Но через пару месяцев все это Полине надоело, и однажды после ужина она вдруг спросила:

— Толя, тебя не беспокоит то, что у меня нет и, очевидно, не будет трудового стажа?

— Нет, не беспокоит, Полина. Я пока обеспечиваю тебя. А когда вдруг меня не станет, ты будешь получать пятьдесят процентов моей пенсии. А это выше, чем любая трудовая.

— В жизни все может случиться, Толя. Поэтому неплохо и мне иметь свой трудовой стаж. А у меня такое образование, что в условиях границы нигде не могу устроиться на работу, так как педагогов везде хоть отбавляй.

— И что же ты предлагаешь?

— В Харькове несколько медицинских училищ. В одном из них есть заочное отделение. Я туда выслала документы, и мне пришел вызов для сдачи вступительных экзаменов.

Меня эта новость застала врасплох. Я молча смотрел на Полину, не зная, что сказать.

— Это же здорово, Толя. Я буду ездить только на сессии, практику сдавать у себя дома и жить у мамы. А через два года получу диплом медицинской сестры и смогу работать хоть в воинской части, хоть в поселке.

Забегая вперед, скажу, что до конца своей жизни медицинской сестрой она так ни одного дня и не работала. Но я понял, что ей это нужно для того, чтобы «жить у мамы», а не в Заполярье, но во избежание скандала согласился, и Полина уехала. Через два месяца прислала письмо и сообщила, что вступительные экзамены сдала, но пока поживет у мамы, так как она больна и нуждается в ее уходе.

Я был недоволен поведением Полины, так как сыновьям пришлось питаться в солдатской столовой и оставаться одним, когда я уезжал на границу. Слава богу, улица на них отрицательно не повлияла — кругом были только дети офицеров.

В то же время ее отсутствие давало возможность неделями пропадать на границе. За три месяца я побывал на всех пограничных заставах и хорошо изучил особенности каждой из них.

Особенностью же самого пограничного отряда было то, что граница проходила по реке Паз, на которой по договорам Советского Союза с граничащими странами финскими и норвеж-

скими строителями были построены электростанции в поселках Раякоски, Кайтакоски, Янискоски и других, то есть целый каскад Пазских ГЭС, электроэнергия которых пропорционально распределялась между странами. И в районе каждой электростанции стояли пограничные заставы. Кроме того, в глубоком тылу, почти под Мурманском, финны строили Туломскую ГЭС, которую тоже нужно было охранять пограничникам. А значит, были возможности контактов советских граждан и пограничников, с одной стороны, с финскими и норвежскими гражданами — с другой, что иногда приводило к контрабандным сделкам.

По приказу начальника пограничного отряда полковника Гаврилко группу пограничных застав, прикрывавших то или иное направление, курировал кто-либо из командования отряда.

Мне достались три самые правофланговые заставы. До третьей добирался на автомобиле, так как местность позволяла поддерживать дорогу в хорошем состоянии. От третьей до второй заставы ехал на санях, запряженных в пару добрых лошадей. А вот от второй заставы к первой, расположенной на берегу Баренцева моря, в полутора десятках километров от второй, можно было добраться только зимой на лыжах, а летом (если учесть, что в Заполярье «десять месяцев зима, остальное все лето, лето и лето») только пешочком.

Первая застава стояла на краю большой лагуны, в долине пограничной реки Паз. В летнее время благодаря теплоте течения Гольфстрим долина утопала в цветах и выглядела как большой сказочный ковер.

На берегу моря, на скале, стояла пирамида высотой до пяти метров, сложенная из камня, на которой был установлен такой же высоты, вырубленный также из камня православный крест с текстом на старославянском языке, гласящий, что «сей граничный знак» установлен в царствование Петра Великого. Знаку уже тогда было почти двести пятьдесят лет, но никакие штормы его не тронули. Рядом с пирамидой валялись гвозди. Впервые видевшие это творение рук человеческих пробовали прочность раствора, на котором была сложена пирамида. Гвозди стачивались, а на растворе в пазах не было даже царапин.

На второй пограничной заставе тоже была своя примечательность — у левого стыка крутой, почти отвесный скалистый подъем. Когда я, уже выдыхаясь, поднялся на плато, то с восхищением прочитал любовно выведенный почти полуметровыми буквами масляными красками текст: «С легким паром!» И мне сразу стало легче.

Неизвестная «шхуна»

Едва я возвратился в отряд со своих застав, как меня вызвал начальник пограничного отряда.

— Я понимаю, Анатолий Антонович, вам бы следовало отдохнуть, — пожав руку, сказал полковник Гаврилко, — но обстоятельств не позволяют. Дело в том, что с полгода назад нашу морскую границу нарушала неизвестная парусная шхуна. Потом она куда-то исчезла. А вот теперь снова появилась. Необходимо организовать тщательное офицерское наблюдение за ней. Поэтому я вынужден послать вас снова на первую пограничную заставу. Автомобиль ждет.

К исходу дня я уже был на второй пограничной заставе. Переночевав там, стал готовиться к движению на первую пограничную заставу. Сложив в рюкзак полярную одежду и унты, а также остальной командировочный скарб, надел кроме шерстяного трико и теплого белья шерстяной спортивный костюм с начесом, шерстяные носки и лыжные ботинки, позвонил в отряд и узнал, какая ожидается погода. Дежурный ответил, что нормальная, и я с сопровождающим пограничником стал на лыжи.

Пограничная лыжня была хорошо накатана, поэтому мы шли споро. Небо было безоблачным, и снег под солнцем так блестел, что пришлось надеть темные очки.

Через какое-то время вдруг на горизонте появилась почти черная полоса, которая быстро стала расширяться, затянув вскоре половину неба. Ветер задул с каким-то присвистом. Я понял, что приближается пурга, и все ускорял и ускорял темп движения. О возвращении назад не могло быть и речи, так как была пройдена большая часть пути.

И вот впереди появилась какая-то стена темно-молочного цвета, которая приближалась буквально со скоростью ветра. А через несколько минут пошел снег. Он валил так густо, что впереди ничего не было видно. Ориентироваться пришлось только по лыжне, нащупывая ее в пушистом-пушистом снегу.

Чтобы не потерять в пурге друг друга, к поясам привязали веревку. А ветер становился все сильнее и сильнее, и идти пришлось, наклонившись вперед.

Вдруг я почувствовал, что лыжня пропала. И по моей спине пробежал озноб. Без лыжни можно уйти далеко в сторону и заплутать в бесконечной тундре. Но я вспомнил, что где-то в этом месте лыжня делает петлю и снова выходит на прежнее направление. Успокоившись, продолжил движение.

«А-а-а!» — вдруг услышал крик пограничника и веревка натянулась.

— Что случилось, Князев?! — стараясь пересилить ветер, закричал я.

— Лыжа, товарищ майор.

— Что лыжа?

— Сломалась.

— Как же ты?.. Эх, черт возьми, — огорчился я и, сняв лыжи, утопая почти по пояс в снегу, пошел к Князеву.

Да, лыжа сломалась у самой ноги. Идти на ней нельзя. И без лыж невозможно. Метров сто пройдешь и выдохнешься. Что же делать?

— Вы оставьте меня, товарищ майор. Спасайтесь сами. Иначе мы оба погибнем, — обреченно произнес Князев.

— Как тебя звать, Князев? — спросил я.

— Николаем.

— Так вот что, Коля, если бы у меня лыжа сломалась, ты оставил бы меня?

— Вы что, товарищ майор? Конечно же нет.

— А чем я хуже тебя?.. Вместе будем бороться, чтобы выжить. И погибать я не собираюсь.

Пока это говорил, у меня созрела спасительная мысль.

— Ты можешь устоять двумя ногами на одной лыже, пока я надену свои лыжи, — спросил Князева.

— Попробую, — ответил он и, опираясь на палки, с трудом стал на одну лыжу. Став немного впереди Князева, я надел свои лыжи.

— А теперь обеими руками держись с боков за мой поясной ремень.

Так, в живой сцепке, вдвоем на трех лыжах, в условиях пурги, мы собрались преодолеть неизвестно какое расстояние.

Мне пришлось прилагать невероятные усилия, чтобы метр за метром двигаться вперед. Я понимал, что остановка смерти подобна.

Несколько раз мы падали, поднимались и снова шли вперед. И вот, когда я уже окончательно выбился из сил, моя лыжа вдруг наткнулась на какое-то препятствие. Обходя его справа, я покачнулся и, чтобы удержаться, оперся рукой. Даже через рукавицу я почувствовал бревенчатый сруб и чуть не закричал от радости. Это был один из обогревательных пунктов, построенных пограничниками на участке заставы, чтобы наряды могли спастись от пурги, которая в тех краях не такая уж редкость.

Освободившись от лыж, мы нашли и не без труда открыли заваленную снегом дверь. Когда вошли вовнутрь и вой ветра остался за стеной, на душе сразу стало теплее. При помощи фонарика осмотрели обогревательный пункт и поняли, что спасены. Здесь было все необходимое для того, чтобы в течение нескольких суток переждать пургу: крупы, мясо, сухари, жиры, соль, сахар, дрова, спички. А через полчаса в пещурке уже полыхал огонь, и мы при свете керосиновой лампы стали готовить себе пищу. Многие годы спустя об этом событии я написал стихи:

О ДРУЖБЕ

Я был уже в середине века
В далеких северных краях.
И я скажу: для человека
Нет выше подвига, друзья...
Встречал я там людей немало,
В суровом нашенском краю.
Людей безусых и бывалых,
Кто мечен пулями в бою.
И тех, кто только что приехал,
И тех, кто там двадцатый год
Не за рублем, не для потехи —
Для службы Родине живет.
Скажу: нелегкая там служба —
И день не день, и ночь не ночь.
Но дружба там — вот это дружба!
Не ждут сигнала, чтоб помочь.
Бывает, так пурга закрутит,
Что тошно всем чертям в аду.
И так вот, право, нет, не шутят,
Дней двести семьдесят в году.
— Пурга? Невидаль, — скажет кто-то,
Мечтая в теплом уголке.
А если ты в дозоре? То-то!
Лицо не спрячешь в башлыке.
Идешь, клянешь ее седую.
Она спит! Вокруг ни зги!
А ты идешь, идешь вслепую
И жадно ждешь конца пурги.
Упал напарник... Силы нету...
Подняться б всем чертям назло!
Когда ж увидел он ракету,
Сказал тихонько: «Повезло!»
А сердце теплотой согрето:
Друзья пришли и дали пить.
И снова он — жилец планеты!
Но как ту дружбу не ценить?!

На третьи сутки вой ветра прекратился. С трудом выбравшись наружу, мы у самого горизонта увидели солнце на голубом-голубом и безоблачном небе. И ни малейшего дуновения ветерка. Стали рассуждать, что будем делать дальше.

— Смотрите, товарищ майор, — радостно воскликнул Князев, показывая в сторону первой пограничной заставы.

Оттуда медленно двигалась цепочка пограничников в сторону обогревательного пункта.

— Это нас ищут, товарищ майор, — заулыбался Князев.

— Точно, нас, — подтвердил я. — Ну-ка, Князев, дай зеленую ракету.

— Товарищ майор, только никому не говорите, что вы меня тащили. Засмеют ребята. Скажите, что лыжа обломалась возле обогревательного пункта.

— Хорошо-хорошо, Князев, — пообещал я.

Увидев ракету, пограничники сомкнулись и, прибавив ходу, вскоре радостно приветствовали нас, тех, кого они уже и не ожидали встретить живыми. Вдруг возникла проблема: как быть с Князевым? Решили тащить его на одной из волокуш, которые пограничники имели на случай, если найдут нас мертвыми.

К исходу дня были на заставе. Как только я переступил порог, начальник заставы скороговоркой доложил:

— Товарищ майор, на заставе без происшествий, — и сразу же без перехода: — Начальник отряда ждет вашего звонка.

— Хорошо, — сказал я и, пожав руку начальнику заставы, направился к телефону.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — поздоровался я, услышав голос полковника Гаврилко. — Слушаю вас.

— Ну, слава богу, живой. Как вы себя чувствуете, Анатолий Антонович?

— Нормально, товарищ полковник. Мы пургу пережидали в обогревательном пункте, на который случайно наткнулись.

— Это хорошо. Кстати, вы здорово ходите на лыжах. Через двадцать минут после вашего выхода со второй заставы синоптики передали штормовое предупреждение, Начальник заставы сразу же выслал группу самых сильных лыжников, чтобы вас вернуть, но они не смогли догнать. Сами попали в пургу и с трудом возвратились на заставу.

— Так я же, товарищ полковник еще с войны хожу на лыжах.

— Вы ракеты видели, которые они пускали?

— В такой пурге в двух шагах ничего не было видно.

— Ладно, потом переговорим. Передаю трубку.

— Толя, милый, родной, здравствуй, — услышал я всхлипывающий голос.

— Полина, ты?

— Я, я, Толя. Что с тобой? Скажи честно, ты здорово обморозился?

— Я абсолютно здоров, Полина. И никакого обморожения у меня нет... А ты когда приехала?

— В тот день, когда ты попал в пургу. Соседка сказала, что ты в тундре замерз... Я три дня проплакала... Теперь ты понял, что я была права, когда настаивала на увольнении?

— Не надо об этом, Полина... Кстати, как твоя мама, выздоровела?

В это время в канцелярию быстро вошел дежурный по заставе.

— Товарищ майор, разрешите обратиться к начальнику заставы.

Я махнул рукой, дескать, обращайся.

— Товарищ капитан, идет! Приближается к границе.

— Кто приближается к границе? — спросил я.

— Неизвестная шхуна, товарищ майор, — доложил капитан.

— Все, Полина, пока. В следующий раз поговорим, — скороговоркой проговорив, положил трубку. — Пошли, — кивнул я начальнику заставы.

Через несколько минут мы уже были на скалистой сопке, где рядом с каменной пирамидой с крестом был оборудован наблюдательный пункт, и перед нами открылась сказочная картина: красавица-шхуна, достаточно большого водоизмещения, вся белая, с ярко-белыми, блестящими не солнце парусами, бесшумно скользила в миле от берега, буквально на глазах у пограничников.

Я прильнул к окулярам БМТ и увидел ее почти рядом. Внимательно осмотрел всю палубу — ни одной живой души. Это увеличивало сказочность впечатления.

«Белая лебедь», — вспомнил понравившееся мне выражение. Хотя, конечно, понимал, что это, скорее всего, не лебедь, а хищный коршун.

— В отряд доложили? — спросил я начальника заставы.

— Так точно, товарищ майор. Еще когда она приближалась к границе.

Когда шхуна уже собиралась обогнуть полуостров Рыбачий, из-за мыса появились два пограничных корабля и на полном ходу направились к ней. В считанные доли секунды у шхуны исчезли паруса, а за кормой появились водяные буруны. Развернувшись, она стала набирать скорость и, поднявшись над водой,

понеслась к границе. Хотя пограничные корабли и обладали достаточной быстроходностью, но настичуть ее так и не смогли.

— Ну, вот и все, — тихо произнес начальник заставы. — И так уже несколько раз.

В связи с тем, что шхуна не имела ни названия, ни номера, ни флага, который бы свидетельствовал о государственной принадлежности, стало окончательно ясно, что это разведывательный корабль какой-то мощной иностранной державы.

Для захвата шхуны приказом начальника войск Северо-Западного пограничного округа была создана временная оперативная группа, в которую вошли: два морских офицера, полковник из разведотдела округа, начальник штаба пограничного отряда и я. Руководителем оперативной группы был назначен капитан первого ранга из Кувшинской Салмы, где дислоцировался дивизион пограничных кораблей.

Было начало июля, и берега лагуны утопали в красных, белых, голубых, оранжевых и бордовых цветах, которые, как огромный ковер, окружали пограничную заставу.

Лагуна постепенно переходила в большой, достаточно глубокий, с высокими и крутыми скалистыми берегами фиорд.

Первым решением, которое приняла оперативная группа, было: в фиорде, в засаде, расположить три пограничных корабля с десантными группами из моряков и пограничников на борту. Как только шхуна, нарушив границу, углубится в наши территориальные воды, корабли выйдут из фиорда и пересекают ей путь отхода в международные воды.

Ждали две недели, но шхуна так и не появилась. Все это время оперативная группа, в том числе и я, находилась на первой пограничной заставе.

Полина уехала сдавать семестровые экзамены и увезла детей к бабушке. А после экзаменов будет сдавать практику у себя на родине и жить у мамы.

Корабли закончили свое дежурство и ушли в Кувшинскую Салму. На другой же день, словно издеваясь над пограничниками, появилась красавица-шхуна. Все повторилось в той же последовательности, как и в прошлый раз.

Через час капитану первого ранга позвонил начальник войск округа и строго спросил, почему шхуна снова безнаказанно гуляет по нашим водам.

— Ну что, мои хорошие, будем делать? — сообщив о разговоре с начальником войск, спросил капитан первого ранга у членов оперативной группы.

Я уже знал, что выражение «мои хорошие» капитан первого ранга употреблял только тогда, когда был зол до предела и произносил его тихо, но со стальным оттенком в голосе.

— У кого есть конкретные предложения? — снова спросил капитан первого ранга.

— На берегу поставить батарею и потопить ее, — тихо произнес один из моряков.

— Ну что, это вполне возможный вариант. Только кто даст команду на открытие огня? Допустим, я дам такую команду. Завтра же будет известна принадлежность потопленной шхуны какому-то крупному государству. Через день это государство направит ноту протеста в Москву с требованием возместить золотишком ущерб за потопленную мирную шхуну, случайно попавшую в советские воды. А так как обратное доказать нельзя — оно будет спрятано в пучине моря — придется платить. А еще через день я с треском уйду на «заслуженный отдых».

Капитан первого ранга обвел взглядом присутствующих офицеров и замолчал. Молчали и мы.

— Выход только один, — раздраженно изрек начальник штаба пограничного отряда — на границе постоянно держать два-три пограничных корабля. И шхуна перестанет ходить.

— Во-первых, где найти столько кораблей? Во-вторых, и это самое главное, нам нужна шхуна, причем живехонькая, со всей ее начинкой. Вот тогда не они нам, а мы им направим ноту протеста.

— Шхуна, очевидно, при помощи мощных радаров засекает прибытие и убытие наших кораблей, — не удержался и я. — Поэтому на мякине ее не поймает. Нужна какая-то хитрость.

— А что, если... — задумчиво, почти сам себе, произнес окружной разведчик и замолчал.

— Что, «если»? — не дождавшись продолжения мысли, спросил капитан первого ранга.

— Я так мыслю: шхуна при помощи радаров засекает приход наших кораблей в фиорд и обратный уход в Кувшинскую Салму.

— Ну это же естественно, — подтвердил капитан первого ранга.

— Но радары ведь засекают не отдельные корабли, а групповые цели.

— Ну что из того? — пока не уловил сути капитан первого ранга.

— Так вот. Если завтра сюда придут пять кораблей? Шхуна конечно же не появится. А через две недели уйдут три корабля обратно.

— Гениально! — воскликнул капитан первого ранга. — Шхуна отметит уход кораблей и на другой день войдет в наши воды. А два корабля, выйдя из фиорда, перекроют ей путь отхода за границу. Что же? Пожалуй, других вариантов нам не найти. Попробуем.

На другой день пять кораблей были уже в фиорде. Простыли несколько дней — шхуна не появлялась. И я смог на несколько дней съездить в отряд. Едва переступил порог квартиры и целовал Полину, как она расплакалась горькими слезами.

— Что случилось, Полина? — испугался я.

— До каких пор ты будешь надо мною издеваться? — сквозь слезы спросила Полина.

— Что? — не понял я.

— Ты меня не жалеешь, потому что не любишь.

— Ничего не понимаю. Ты наконец можешь внятно сказать, что случилось?

— Когда ты служил на заставе, каждую ночь ходил на границу, сутками пропадал там, я с нетерпением ждала, когда тебя переведут в отряд. Сейчас ты в отряде, а что изменилось? Да ничего. Как и прежде, ты неделями пропадаешь на границе. А тогда, зимой, я три дня проплакала, ночами глаз не смыкала, пока от тебя не было вестей.

— Так получилось, Полина.

— Если бы ты уволился, как я предлагала, так бы не получилось. Жили бы нормально... Мама уже и работу тебе подыскала.

— Она считает, что я юноша, которым можно повелевать, где работать, а где не работать..

— При чем здесь «повелевать»? — уже не плача, сказала Полина. — Она просто лучше знает местные условия.

— Но не знает, что я не собираюсь увольняться.

— Значит, мне с тобой всю жизнь мучиться?

— Полина, пойми, ты же не одна такая. В таких условиях, и в худших живут тысячи и тысячи жен офицеров-пограничников. Что же, мужьям всем увольняться, что ли? А кто же будет охранять границу?

— А это меня вовсе не колышет. Я хочу, чтобы ты уволилась.

— Вот что, Полина, давай на эту тему закончим разговор и навсегда. Я уволюсь только тогда, когда сам приму такое решение.

В это время с улицы пришли сыновья, и мы, по обоюдной договоренности, прекратили спор. Полина пошла готовить ужин.

После ужина легли в постель и я, чтобы загладить неприятный разговор, попытался Полину обнять и поцеловать, ведь почти две недели отсутствовал, но она оттолкнула меня и повернулась к стенке лицом.

«Вообще-то женам пограничников живется несладко. Но что же делать?» — подумал и с этой мыслью уснул.

Утром проснулся первым и, опираясь на локоть, посмотрел на Полину. Она лежала на спине. Тихое, спокойное дыхание, лицо с легким румянцем вызвали у меня прилив нежности. Боясь, что, проснувшись, она оттолкнет меня, я начал быстро ее целовать и обнимать...

На удивление, Полина не только не оттолкнула, а стала прижиматься ко мне, отвечая такими же горячими поцелуями...

«Вот и пойми женскую логику, — подумалось мне, когда уже отдыхали. — От величайшей злости до величайшей нежности один шаг».

Потом поднялся, сварил кофе и с печеньем на блюдечке принес Полине.

— Спасибо, родной, — нежно произнесла она и стала пить кофе.

Все пять дней, пока я работал в управлении пограничного отряда, Полина была ко мне внимательной и чуткой. А когда уезжал на заставу, первая обняла и поцеловала в губы.

«Что же произошло всего-то за одну ночь? — всю дорогу думал я и не мог найти вразумительного ответа. — Наверное, этот феномен заложен в женщине самой природой», — подумал, уже подходя к заставе.

Там уже шли усиленные тренировки десантных групп моряков и пограничников по захвату иностранного судна. Для этого в самом широком месте фиорда один корабль пришвартовывался к другому, и десантные группы шли на абордаж. Уже, казалось, все доведено до автоматизма, но капитан первого ранга давал все новые и новые вводные, и тренировки продолжались.

А вечером я с боевыми группами проводил беседы по правилам поведения на иностранном корабле и изучал с ними морской русско-английский разговорник.

Наконец закончились две недели пребывания кораблей в фиорде. И вот три из них, выстроившись в кильватерную колон-

ну, двинулись в Кувшинскую Салму на базу. К вечеру, обогнув мыс полуострова Рыбачий, они скрылись из виду.

На рассвете следующего дня офицеры оперативной группы и группы десантников разместились на оставшихся двух кораблях. На НП остался только один из морских офицеров для наблюдения за шхуной, если она появится, и для связи с кораблями.

Все участники операции находились в тревожном ожидании. Наверное, каждый из нас мысленно повторял один и тот же вопрос: «Придет или не придет?»

Обычно шхуна появлялась в девять часов утра. Вот уже девять. Напряжение у тех, кто стоял на мостике ведущего корабля, достигло своего апогея.

Вот уже девять часов тридцать минут, а шхуны все нет. Капитан первого ранга курил сигарету за сигаретой... Девять часов сорок пять минут.

— Все! — резко бросил капитан первого ранга. — Наш замысел они разгадали. Опять все впустую. Что же делать, черт возьми?

Но не успел он докурить очередную сигарету, как радиостанция тихонько затрещала и радист, прижимая к ушам наушники, произнес всего три слова:

— Внимание! На траверзе!

Этого было достаточно, чтобы все облегченно вздохнули. Значит, шхуна все-таки идет. И приближается к границе.

— Боевая тревога! — дал команду командиру корабля капитан первого ранга. — Все по местам!

Матросские ботинки прогрохотали по трапам, и наступила тишина. Лишь двигатели работали на малых оборотах.

Прошло десять, пятнадцать, двадцать минут. Все в напряженном ожидании. А вдруг повернет обратно.

— Готовность номер один! — продублировал радист. А через пару минут крикнул: — Рубикон!..

Это был условный сигнал к действию.

— Самый полный вперед! — дал команду капитан первого ранга. Оба корабля, набирая скорость и оставляя за собой бурный след, устремились в открытое море.

Для капитана шхуны появление пограничных кораблей оказалось полной неожиданностью, так как шхуна остановилась и какие-то секунды оставалась неподвижной. Для пограничных кораблей это был выигрыш во времени.

Наконец на шхуне исчезли паруса, и она, поднявшись над водой, попыталась обойти пограничные корабли с севера. А на

требование остановиться не реагировала. Создалась критическая ситуация.

— Первое орудие, два предупредительных выстрела!.. Огонь! — дал команду командир ведущего корабля.

Корабль дважды вздрогнул, и перед шхуной, а потом за ее кормой поднялись высокие фонтаны воды.

— Орудие, на поражение товсь! — прозвучала новая команда.

Но шхуна вдруг, словно споткнувшись, остановилась и почти исчезла в морской пучине. А потом подпрыгнула и закачалась на морской волне.

Ведущий корабль, не сбавляя скорости, понесся к ней, а когда расстояние стало минимальным, почти ювелирно пришвартовался к ее борту. И тут же, словно подброшенные пружинами, десантники перелетели на шхуну и рассыпались по ее палубе. Специально выделенные матросы закрепили швартовы и перебросили на шхуну трап.

Когда оперативная группа перешла на шхуну, там уже все было закончено и ее команда собрана в кают-компании.

Осмотр шхуны занял более часа. Она до такой степени была напичкана радиолокационной аппаратурой, что для команды оставалось совсем мало места. В двух отсеках аппаратура почернела от взрыва и пахло пероксилином, очевидно, были взорваны самые секретные узлы.

Капитан сообщил государственную принадлежность корабля, но на остальные вопросы отвечал однозначно:

— Я буду говорить только в присутствии представителя посольства моего государства.

Но для оперативной группы это уже не имело никакого значения. Она сделала главное: задержала разведывательный корабль иностранного государства, выполнив поставленную перед ней задачу. А иностранный корабль отбуксировали в Кувшинскую Салму.

Назначение не состоялось

Прошел еще год. За это время Полина была в Сальмиярви только наездами: то она сдавала семестровые экзамены, то проходила практику и жила у мамы. В связи с этим сыновей вынуждены были отдать на учебу в интернат, а в период летних каникул они жили у бабушки, то есть у матери Полины.

В августе 1967 года, получив очередной отпуск, оформив две путевки в санаторий «Черноморье», я заехал за Полиной, и мы почти месяц отдыхали на Черном море. Полина снова вела себя так, словно это был наш медовый месяц.

После окончания путевок мы заехали к моим родителям, так как было еще около двадцати дней отпуска. Полина, побыв у моих родных два дня, поехала к своей маме, где находились сыновья, а я остался у своих.

Из города Чугуева приехала старшая сестра Галя и как-то в разговоре с мамой пожаловалась, что ее муж Миша злоупотребляет спиртным. Услышав это, я не выдержал и сказал:

— Галя, ты почему терпишь это? Хочешь, я с ним поговорю по-мужски?

Реакция сестры была для меня неожиданной. Она смерила меня взглядом с головы до ног и тихо произнесла:

— Толя, я со своим справлюсь сама. Ты бы лучше Полину держал на коротком чембуре.

— Ты что имеешь в виду, Галя?

— Да ничего. Просто, брат, запомни, что ни одна баба, месяцами живя без мужа, не выдержит. Особенно если есть условия, место и время.

— Ты что-то знаешь конкретное? Так скажи.

— Ничего я говорить тебе не буду, Толя. Сам думай головой.

Как ни допрашивал сначала ее, потом маму, они мне так ничего конкретного и не сказали. И все же в моей душе появилась заноза, которая нет-нет да и давала о себе знать. Поэтому к концу отпуска, как ни сопротивлялась Полина, я настоял на своем, и мы поехали в Заполярье вместе.

На другой день после возвращения из отпуска начальник политотдела подполковник Гапоненко пригласил меня в кабинет начальника отряда.

— Садитесь, Анатолий Антонович, — каким-то заговорщицким тоном предложил начальник отряда полковник Гаврилко.

— Меня, Анатолий Антонович, переводят в Москву, в политуправление пограничных войск, — сев против меня за приставной столик, сказал подполковник Гапоненко.

Новость застала меня врасплох.

— Мне жаль, конечно, расставаться с вами, Валентин Константинович, — наконец проговорил я. — У вас многому научился. Да и вы ко мне по-доброму относились. Но все же за вас рад... Сработаюсь ли так с новым начальником?

— Думаю, что и с новым начальником вы сработаетесь, — хитровато улыбаясь, сказал полковник Гаврилко.

— А что, уже известно, кто приедет?

— Видите ли, Анатолий Антонович, мы тут посоветовались с начальником отряда и решили вас рекомендовать на эту должность.

— Меня?

— Да-да, вас, Анатолий Антонович, — подтвердил полковник Гаврилко. Думаю, вы не будете возражать.

Эта новость вызвала у меня шок. Это было так неожиданно, что сначала не мог произнести ни единого слова.

— Я разговаривал с начальником политотдела округа, он тоже согласен, — продолжил подполковник Гапоненко. — Кроме того, звонил в Москву и заручился поддержкой начальника политуправления пограничных войск. Так что кругом поддержка обеспечена.

А я сидел и молчал.

— Как вы думаете, Анатолий Антонович, сможете ли относиться требовательно к тем офицерам, с которыми были до этого на равных, а с некоторыми даже дружили? — спросил полковник Гаврилко. — Для этого ведь нужна большая сила воли.

— Думаю, что смогу, — я наконец пришел в чувство. — Да они и сами поймут меня правильно.

— Ну вот и хорошо, — подвел итог полковник Гаврилко. — Приказ о назначении вас исполняющим обязанности начальника политотдела отряда будет подписан сегодня же, а завтра объявлю всему офицерскому составу и дам телеграмму на границу. А Валентин Константинович в Москве постарается ускорить ваш вызов на коллегия КГБ.

Мы тепло простились с Валентином Константиновичем Гапоненко, и он улетел в Москву.

«Интересно, как воспримет новость Полина? — подумал я, возвращаясь вечером домой. — Обрадуется или, наоборот, будет недовольна, так как лишних пару лет придется служить в Заполярье».

Однако реагировала Полина на новость абсолютно непредсказуемо.

— Да, действительно, дураков работа любит, — с ухмылкой произнесла она.

— А при чем здесь дураки? — удивился я.

Полина повернулась ко мне лицом, сложила руки на груди и со вздохом констатировала:

— Нет ума, считай — калека!

— Полина!..

— Что Полина? Неужели, Толя, не понимаешь, что тебе лапшу на уши вешают, чтобы работал за двоих, пока не приедет новый начальник политотдела?

— Какую чушь ты несешь? Это был серьезный разговор. И никто никому лапшу на уши не вешал.

— Да ладно уж. Поживем — увидим. А ты, Толя, лишний раз убедишься, что чаще всего я бываю права.

Прошло три недели. Я уходил из дома за час до начала работы, чтобы выслушать доклад оперативного дежурного об обстановке, уточнить план на сутки и подготовить задание офицерам политотдела. Вечером же возвращался домой чуть позже обычного, так как с начальником отряда и начальником штаба подводили итоги работы за сутки.

Последние же три дня работал на восьмой пограничной заставе — разбирался с пьянкой двух пограничников.

Начальник заставы никак не мог объяснить, где они достали спиртное, за сотни километров в округе не было ни одного населенного пункта. За последние полмесяца была единственная автомашина — кинопередвижка, которая развозила по заставам кинофильмы и попутно привезла почту.

— Какая была почта? — спросил я начальника заставы.

— Письма и три посылки.

— В том числе была посылка одному из этих солдат, — высказал я предположение.

— Так точно, — ответил начальник заставы. — Но я лично проверял посылки. Спиртного не было.

— Что из продуктов было в посылке?

— Сгущенное молоко, мясные и рыбные консервы, конфеты, печенье... Вот, пожалуй, и все.

— Сгущенное молоко, — задумчиво произнес я.

— Действительно молоко, товарищ майор. Проверил каждую банку. Одну даже открывал.

— Хорошо вспоминайте — больше никакой посуды не было в посылке?

— Не было, товарищ майор. Это точно.

— Что за чертовщина? Спиртное-то пришло в посылке... Ну-ка вызывайте солдата... И пусть принесет все, что было получено в посылке.

— Товарищ майор, рядовой Усков по вашему приказанию прибыл, — потупив взгляд, глухо доложил пограничник.

— Ну, как служба идет, Усков? — спокойно и доброжелательно спросил я.

— А что, у меня по службе замечаний никаких нет. Служба есть служба. Она государственная.

— А по дисциплине, значит, есть?

Солдат промолчал.

— Что вы пили, Усков?

— Кроме воды, мы ничего не пили.

— Но вы же были пьяны.

Солдат смотрел себе под ноги и молчал.

— И все же, что вы пили? — повторил я вопрос.

— Я же сказал, что кроме воды — ничего.

— Ну-ка покажите, что вам прислали из дома.

Когда солдат выложил на стол содержимое посылки, в том числе и четыре банки сгущенки, я убедился, что в банках действительно было сгущенное молоко.

— Товарищ майор, простите, — наклонившись ко мне, тихо сказал начальник заставы, — чуть не забыл. В посылке еще было десятка полтора луковиц в целлофановом пакете. А сейчас их нет.

И тут мне стало ясно все. Я вспомнил, как в детстве работал на току, один мужик бахвалился, что в присутствии жены, которая не могла переносить спиртного, умудрялся напиваться до пьяна. А делал он это очень просто: заранее в эмалированную посуду клал луковицы и заливал спиртом. Через сутки в посуде оставалась дистиллированная вода, а алкоголь переходил в лук. Потом он, в присутствии жены, съедал несколько луковиц, запивая водой, и хмелел.

— А где же ваш лук, Усков? — неожиданно для солдата спросил я. Солдат потупился и ничего не ответил.

— Что же вы молчите, Усков?.. Скажите, съели, запивая водой, и вдруг захмелели. Так?

— Так точно, товарищ майор, — еле слышно выговаривая слова, подтвердил солдат.

— Не может быть, — вырвалось у начальника заставы.

— Может, может, товарищ старший лейтенант, — сказал я, а потом снова обратился к солдату: — Усков, вы и дома так делали?

— Никак нет... Первый раз... Поэтому и не рассчитали.

— Кто же вам прислал лук? Отец или мать?

— Брательник. Он так прятал спиртное от родителей. Простите нас, товарищ майор. Больше такое не повторится.

— Хорошо Усков. Учитывая ваше раскаяние, наказывать вас не будем. Но вы сейчас же напишете брату письмо, чтобы он больше этого не делал. А я сам его отправлю по почте.

— Есть, товарищ майор, — уже несколько веселее ответил солдат и пошел писать письмо.

Возвратившись в Сальмиярви, я в хорошем настроении направился в кабинет начальника отряда, чтобы доложить о результатах разбирательства. Но, едва переступил порог его кабинета, понял, что тот не в духе.

— Садитесь, Анатолий Антонович, — пожав руку, тихо сказал Гаврилко.

— Что-то неприятное случилось, да?

— Тут, понимаете, какое дело... — медленно, словно подбирая выражения, начал Гаврилко.

— Едет новый начальник политотдела отряда, — высказал я случайно пришедшую на ум догадку.

— А вы откуда узнали? — удивился Гаврилко.

— От жены. В тот день, когда вы предложили мне эту должность.

И рассказал, со всеми подробностями, о своем разговоре с Полиной.

— Что вы, Анатолий Антонович. Мы предлагали вам эту должность вполне серьезно. И на всех инстанциях вопрос был решен положительно. Ну, знаете, честно скажу, вдруг появился сынок генерала, который хочет сохранить квартиру в Москве, так как будет служить в Заполярье. Наберет дополнительно выслуги лет, получит звание полковника и снова вернется в Москву.

— Он хотя бы политработник?

— Да какой там политработник! Он даже не пограничник. До подполковника дослужился в качестве какого-то клерка в центральном аппарате КГБ.

— И он будет возглавлять политотдел пограничного отряда?

— Почему и возмущаюсь. Он будет занимать место начальника политотдела пограничного отряда, а работать будут другие. Но когда я стал возражать, мне дали понять, что если буду возникать, то здесь будет другой начальник пограничного отряда. Так что не взыщите, Анатолий Антонович.

— Ну, что вы. Я вас понимаю.

— Да, звонил из Москвы Валентин Константинович и просил передать, что вопрос о назначении вас начальником политотде-

ла решается. Только поедете в другой пограничный отряд. Так что не беспокойтесь... Хотя мне очень жаль.

— Спасибо на добром слове.

— А еще он просил передать, что месяца два придется побыть в этом пограничном отряде, чтоб поднатаскать нового начальника политотдела в вопросах пограничной службы и особенно политработы.

— Да, второй раз меня судьба сталкивает с сынками генералов, и все не в мою пользу... Но вы не волнуйтесь, поднатаскаем.

Вечером обо всем рассказал Полине.

— Ну что я говорила! — эмоционально воскликнула она. — В который раз оказалась права.

— Нет, ты не права. Просто произошло непредвиденное... А меня все равно назначат начальником политотдела. Может, даже куда-нибудь на юг.

— Тебя назначат, когда рак свистнет.

— Полина!..

— Ну, ладно-ладно, назначат... А сейчас ты уедешь с сынком генерала на границу на целый месяц. А я что буду делать?

— Как что? Грызи столпы своей науки, — решил шуткой сгладить конфликт.

— Нет, Толя, я их лучше буду грызть у своей мамы. А там и сессия на носу, а потом практика. Если тебя за это время назначат начальником политотдела, я приеду сразу к новому месту службы.

Я не стал спорить. И она уехала.

Новый начальник политотдела

Новым начальником политотдела пограничного отряда оказался невзрачного вида подполковник Чередилов, больше похожий на подростка, чем на сорокалетнего мужчину. Невысокий, худенький, с большой лысиной на маленькой головке. И только сзади, от уха до уха, росли жиденькие волосики, которые почему-то были постоянно влажными.

Но нужно отдать ему должное: в первые минуты знакомства он не стал ничего утаивать и откровенно сказал:

— Вы меня простите, Анатолий Антонович. Я знаю, что вы планировались сюда начальником политотдела. Вы будете назначены на такую должность, но в другом пограничном отряде.

Может, даже с лучшими климатическими условиями. А мне нужно Заполярье, чтобы набрать выслугу лет, получить полковника и сохранить квартиру в Москве.

— Не будем об этом. Я все знаю, — ответил я.

— А еще вы мне должны помочь войти в должность. И пока вы будете здесь, все решения по линии политотдела будут исходить от вас.

— И об этом я знаю.

— Ну, вот и хорошо. С чего начнем?

— Я думаю, с границы.

На следующий день с утра мы выехали на правофланговые пограничные заставы. До третьей заставы ехали на машине. До второй — на верховых лошадях. Когда закончили работу на второй пограничной заставе, я сказал Чередилову:

— До первой пограничной заставы надо идти пешком. Что будем делать? Расстояние большое — более пятнадцати километров. Может, не пойдем?

— А вы ходили туда? — после паузы спросил Чередилов.

— Много раз. И пешком, и на лыжах. Это же мое направление.

— Ну что же, пойдем, Анатолий Антонович.

Когда прошли половину пути, я пожалел, что не отговорил Чередилова от этого пешеходного маршрута. Не привыкший к ходьбе, тот шел, тяжело дыша. Пот катил градом по лицу и особенно по жиденьким волоскам на голове. Чередилов постоянно вытирал лицо и голову носовым платком, который сразу стал таким мокрым, что можно было выкручивать.

Чуть ли не через каждый километр я делал остановки, чтобы дать ему отдохнуть. Кроме того, разгрузил его, всю амуницию нес солдат. А для накопления сил на обратный путь на первой заставе работали двое суток и на границу не ходили.

Больше месяца потребовалось нам, чтобы побывать на всех пограничных заставах, где я знакомил Чередилова с особенностями охраны границы, с видами пограничных нарядов, вместе ходили на проверку службы.

Началась ранняя зима. Снег сыпал почти ежедневно. И поэтому, когда возвратились в отряд, облегченно вздохнул. Обрадовался и Чередилов, так как пришла телеграмма, что ему присвоено звание полковника.

Еще месяц потребовался для знакомства с системой, принципами и организацией политической работы в пограничном отряде.

Шел уже третий месяц, как я начал знакомить Чередилова с организацией службы и политработы в пограничном отряде. Я посчитал, что моя функция выполнена, о чем доложил полковникам Гаврилко и Чередилову. Но шли дни за днями, а я все оставался исполняющим обязанности начальника политотдела.

Наконец меня вызвал полковник Гаврилко:

— Поздравляю, Анатолий Антонович. Пришла телеграмма, вас вызывают в Москву, на коллегию КГБ. Через Мурманский пограничный отряд я забронировал вам билет на самолет на сегодня, на шестнадцатичасовой рейс. «Газик» уже готов. На всякий случай с вами поедут семь солдат.

— Спасибо, товарищ полковник. Вашу доброту никогда не забуду.

Полковник Гаврилко подошел и обнял меня на прощанье.

Зашел проститься и с Чередиловым, который в течение нескольких минут расточал благодарности, чуть ли не лобызался.

(А когда через несколько лет мы одновременно отдыхали в одном из черноморских санаториев, генерал Чередилов даже руки не подал подполковнику Неваре, когда мы вдруг неожиданно встретились.)

Через два часа я уже сидел на переднем сиденье «газика» и сквозь темные очки смотрел на бесконечную снежную пустыню. Не то что населенного пункта, на десятки километров — ни деревца, ни кустика. Правда, теперь настроение мое немного улучшилось: благодаря Чередилову я фактически прощался с этой пустыней, хотя и не знал, куда судьба забросит меня в связи с новым назначением.

Дорога была расчищена и хорошо накатана. Я рассчитывал, что в аэропорт прибуду за пару часов до вылета самолета.

Но не успели мы проехать половину пути, как на горизонте появилась знакомая уже мне черная полоса. Сразу зацемило под ложечкой — быть пурге... И действительно минут через пятнадцать на нас навалилась снежная стена. Снег шел так густо, что пришлось включить фары. К счастью, не было сильного ветра и снег был такой пушистый и легкий, что обтекал машину с двух сторон, как молоко.

В конце концов снегу навалило так много, что не стало видно дороги. И тогда солдаты, меняя друг друга, шли впереди машины по пояс в снегу, ногами прощупывая твердое покрытие.

С тревогой стал посматривать на часы. Вот уже и шестнадцать, значит, на рейс опоздал. Наконец в восемнадцать часов, сквозь пургу, стали просматриваться строения аэропорта.

Вбежав в здание аэровокзала, облегченно вздохнул: в связи с неблагоприятной погодой вылет рейса задерживался на неопределенное время.

Поблагодарив солдат за труд и отдав распоряжение ночевать в аэропорту, я устроился в комнате отдыха. Только на следующие сутки, то есть 10 января 1968 года мне удалось улететь в Москву.

Назначение состоялось

В Москву прибыл вечером 12 января 1968 года. На следующее утро, получив в пропускном бюро пропуск, направился в отдел кадров политуправления погранвойск.

— Генерал Чиркин, который остался за начальника политуправления, приказал предложить вам на выбор два пограничных отряда: Иман в Хабаровском крае и Даурию в Забайкалье, — сказал полковник-кадровик, когда я доложил о своем прибытии.

У меня от радости даже дух захватило. Как раз перед выездом в Москву закончил читать роман Константина Седых «Даурия». А потом еще и посмотрел кино. Богатейшая природа, сказочная тайга, умеренный климат, что может быть лучше? А Иман? Я впервые услышал о нем. А потом Забайкалье значительно ближе к центру, чем Хабаровский край.

— Даурия, — недолго думая, сказал кадровику.

— Может, вы подумаете? Или с кем-нибудь посоветуетесь? А после обеда мне скажете, — хитровато улыбнувшись, предложил полковник.

Посоветоваться с полковником Гапоненко Валентином Константиновичем я не смог, так как он, как мне сказали, недавно уехал в отпуск. А больше никого из политуправления не знал. Поэтому после обеда твердо повторил:

— Даурия.

— Это ваше окончательное решение? — опять хитровато улыбнувшись, спросил кадровик.

— Окончательное.

— Ну что же, будем оформлять, — уже не улыбаясь, сказал полковник. — Из гостиницы никуда не уходите. Можете понадобиться.

Номер в гостинице был двухместный, поэтому я не удивился, когда в два часа дня раздался стук в дверь и на пороге появился бравый подполковник.

— Добрый день, — поздоровался он и направился к свежезаправленной кровати.

— Добрый, добрый, — поздоровался и я.

— Будем знакомы, — поставив чемоданчик и протянув руку, непринужденно сказал подполковник. — Константинов Павел Сергеевич.

— Невара Анатолий Антонович, — пожав руку, представился и я.

— Каким ветром в Москву? — поинтересовался Константинов.

— На коллегию КГБ, для назначения на должность начальника политотдела пограничного отряда.

— Я тоже.

— Тогда могу сказать, что вам предложат.

— Да? И что же?

— Иманский пограничный отряд в Хабаровском крае.

— Да? Не знаю. На Дальнем Востоке еще не служил. А почему вы думаете, что в Иман?

— Есть только две вакансии: Иман и Даурия.

— Значит, вам предложили Даурию?

В это время раздался стук в дверь и вошла дежурная по этажу.

— Майора Невару вызывает генерал Чиркин, — объявила она.

Одно время, еще в звании старшего лейтенанта, я служил в отряде, где начальником политотдела был подполковник Чиркин. О нем у меня остались самые теплые воспоминания.

«Значит, и он помнит меня, раз предложил два политотдела на выбор», — пронеслось в голове, пока поднимался на лифте.

— Ну, что выбрал, Анатолий Антонович? — после того как я представился, показывая рукой на стул, спросил генерал Чиркин.

А я с интересом рассматривал своего бывшего начальника. Как и прежде, худощавый, стройный, подтянутый, генеральская форма ему к лицу. И посеребренные виски были прекрасным дополнением к форме.

Наконец опомнился и ответил:

— Даурию.

— Что?

— Даурию, товарищ генерал.

— Что, прочитал роман Константина Седых?

— Так точно.

— Эх, голова ты садовая. Я только что прилетел оттуда. Даурия — это железнодорожная станция, вокруг которой на сотни километров ни одного деревца.

— А как же у Седых... тайга? — растерянно спросил я.

— Он описывает местность, на которой проживает небольшая народность — дауры. Это значительно восточнее станции. А почему станция так называется, никто не знает... Но сейчас речь не об этом. Надо срочно переделать документы на Иман, — и генерал снял телефонную трубку и начал набирать номер.

При этих словах меня прошиб холодный пот. Я ведь, кретин, сказал Константинову, что назначен в Даурию.

— Товарищ генерал, ничего переделывать не надо, — скороговоркой выпалил я. Но было уже поздно, генерал разговаривал по телефону.

— К сожалению, переделать уже невозможно, документы переданы в кадры КГБ, — положив трубку, сказал генерал Чиркин. — Ну, что же, поедете в Даурию. Там тоже служить можно.

Через два дня нас собрали человек пятнадцать в коридоре перед кабинетом, где должно состояться заседание коллегии КГБ, — генералы, адмиралы, полковники, подполковники. В звании майора был я один.

Товарищ в штатском, который нас сопровождал, предупредил, чтобы Андропову Юрию Владимировичу сильно руку не жали.

Я еще подумал: «А почему, собственно, мы должны ему жать руку?» Но тут мысли мои переключились на предстоящее утверждение, и я забыл об этом.

В коридоре никто ни с кем не разговаривал, стояла полнейшая тишина. Очевидно, все здорово переживали, в том числе и я. Напряжение достигло наивысшего предела. Мне казалось, что даже руки дрожали.

Ровно в назначенное время открылась дверь, и нас впустили в большой кабинет, в центре которого в шахматном порядке в два ряда стояли столы для членов коллегии. Нас разместили на стульях вдоль стен.

Я ожидал, что Андропов войдет в ту же дверь, что и мы вошли. Но, вопреки ожиданию, в деревянных панелях с противоположной стороны открылась абсолютно незаметная дверь, и вошел Юрий Владимирович Андропов. Пожав руки всем членам коллегии, сел за стол, улыбнулся почти гагаринской улыбкой и сказал:

— Здравствуйте. Начинаем нашу коллегию.

Первым докладывал кадровик КГБ, представляя увольняемых из войск и органов генералов и адмиралов. И к каждому, о ком кадровик говорил, Юрий Владимирович подходил, жал руку, благодарил за службу и говорил несколько теплых слов. Спрашивал, согласен ли с увольнением. А как семья? Где будет жить? И просил звонить, если будут неурядицы. Честно признаться, для меня это было несколько неожиданным.

Наконец начал свой доклад кадровик пограничных войск КГБ. Первым, назвав меня, кадровик доложил:

— Невара Анатолий Антонович (и все мои данные).

Я поднялся, а кадровик продолжал:

— Участник Великой Отечественной войны. В 1946 году закончил с отличием Харьковское общевойсковое пехотное училище и имел право выбора места службы. Выбрал пограничные войска. С 1946 года по настоящее время прошел все ступени от заместителя начальника заставы до заместителя начальника политотдела пограничного отряда. Характеризуется весьма положительно. Назначается на должность начальника политотдела Даурского пограничного отряда Забайкальского пограничного округа.

— Вопросы есть? — спросил Юрий Владимирович Андропов и обвел взглядом членов коллегии.

— Нет. Хорошо. Утверждается.

Потом вдруг Андропов поднялся из-за стола и направился ко мне. Честно признаться, я этого не ожидал.

Он подошел ко мне и протянул руку. Я — свою. Он легонько пожал ее и тихо сказал:

— Поздравляю вас, Анатолий Антонович, с назначением на должность. Надеемся, что, пройдя все ступени погранвойск, вы справитесь со своими обязанностями.

— Буду стараться, товарищ председатель, — ответил я и вытянулся по стойке смирно.

— Ну, что же, в добрый путь, — сказал спокойно Андропов и возвратился на свое место.

А через день генерал Чиркин нас поздравил с назначением на должность начальника политотдела: меня — в Даурию, Константинова в Иман. И мы поехали в свои отряды за расчетом.

Забегая наперед, скажу, Константин Седых, сам того не ведая, возможно, спас меня от смерти. Иман — это где остров Даманский, на котором разыгрались трагические события. Константин за участие в этих событиях получил орден Ленина. А я бы наверняка полез в самое пекло и отдал бы Богу душу.

Часть четвертая

КИТАЙСКАЯ ГРАНИЦА

Даурия

В Читу прилетел с двумя сыновьями 20 января 1968 года. Как раз шли школьные каникулы. Разместились в гостинице. На другой день представился командованию Забайкальского пограничного округа — начальнику войск генерал-майору Лавриненко и начальнику политотдела — генерал-майору Болдину. В тот же день мы выехали на станцию Даурия, где располагался пограничный отряд.

Даурия встретила меня тридцатиградусным морозом и насквозь пронизывающим ветром.

Встретивший меня заместитель начальника политотдела майор Гончаренко привез прямо на квартиру. Сказав сыновьям, чтобы распаковывали вещи и немного прибрались в квартире, я вместе с Гончаренко пошел в штаб отряда. Пока шли к зданию штаба, казалось, что из меня выдует не только все тепло, но и кровь застынет в жилах.

Снежного покрова не было. Снег вместе с песком под ударами ветра, как супесь, перемещались с места на место и накапливались небольшими сугробами в подветренных местах.

«Из огня да в полымя», — подумал я и с некоторой теплотой вспомнил морозные дни в Заполярье, где при температуре минус тридцать и ниже не бывает ни малейшего дуновения ветерка. Даже тоненькие веточки не шелохнутся. Смотришь вокруг, и кажется, что это не живая природа, а картина, нарисованная талантливым художником.

В штабе стояла полнейшая тишина. Майор Гончаренко объяснил, что офицерский состав со всем резервом под руководством командования пограничного отряда находятся на заставе Абагайтуй, где на остров Н-83 вышло около пятисот китайцев. Вот они их и вытесняют с нашей территории.

Во второй половине дня, когда китайцы утихомирились, резерв отряда возвратился в гарнизон и я представился начальнику пограничного отряда подполковнику Макарову Николаю Ивановичу

— Здравствуй, здравствуй, комиссар, — приятным баритоном поздоровался Макаров. — Что-то ты задержался. Давненько тебя жду.

— Да понимаете, Николай Иванович, пришлось учить пограничной грамоте генеральского отпрыска.

И рассказал Макарову, как более двух месяцев учил Чередилова.

— Я смотрю, генералы все чаще и чаще используют нашу систему в своих личных целях. Ну да Бог с ними. В отряде, комиссар, обстановка очень сложная. Тебе надо быстрее входить в должность.

— Ну, как там сегодня было? — показав в сторону границы, спросил я.

— Хотя мороз и тридцать градусов, но там было жарко. Человек пятьсот вышли вот на этот остров, — Макаров показал его на большой карте, занимавшей почти всю стену в его кабинете, — и стали митинговать. А у нас приказ — не применяя оружия, вытеснять их с нашей территории. Мы цепочкой теснили их, а они, сволочи, били пограничников чем попало. А в последнее время смотри, что гады придумали.

Он вынул из стола увесистую палку с утолщенным концом, в которой были забиты гвозди так, чтобы острием немного выступали с обратной стороны, как шипы у гетманской булавы. На ней были следы запекшейся крови.

— Это кровь наших пограничников. Человек десять и сегодня в медсанчасти накладывают лейкопластыри на раны.

Для меня это было так неожиданно, что я слушал Макарова чуть ли не с открытым ртом.

— И как часто китайцы устраивают такие провокации? — спросил я.

— Примерно раз в один-два месяца. Чаще они не могут. Ведь для этого надо сотни людей отрывать от дела, да еще везти из города Чжалайнора на автобусах к границе. Так что, пока они снова не вышли, не теряя времени, с завтрашнего дня приступай к изучению участка границы. Полетишь на правый фланг. Вертолетчикам я дал команду быть готовыми к вылету завтра в девять утра.

— В отряде есть вертолеты? — удивился я.

— Да, у нас свой аэродром, на котором непрерывно базируется звено вертолетов, сменяясь через каждые две недели. Участок-то, слава богу, около девятисот километров.

— Да, есть разгуляться где на воле.

— Из них двести километров — граница с Китаем, остальной участок — граница с Монголией. Третья часть китайского участка — сухопутная, а потом граница проходит по реке Аргунь. На сухопутном участке кроме сигнализационной системы имеются четыре, а на отдельных участках пять линий заборов из колючей проволоки, между которыми расположены десятки дотов, построенных еще до войны под руководством генерала Карбышева.

— Доты сохранились?

— Не только сохранились. В них круглосуточно дежурят подразделения укрепрайона. Кроме этого, по линии границы протянут забор с напряжением в тысячу пятьсот вольт.

Весь остаток дня Макаров показывал на карте прохождение линии государственной границы, расположение пограничных застав и характеризовал обстановку на участке пограничного отряда, которая была достаточно сложной. А я сверял это со своей картой, полученной в штабе отряда.

«Да, скучать здесь не придется. Ну да ладно, поживем — увидим», — вечером, накормив сыновей и уже ложась спать, подумал я.

Утром дал телеграмму Полине, потом прикрепил к столовой детей, вылетел на правый фланг участка.

Две недели потребовалось мне, чтобы где на вертолете, где на автомобиле побывать на всех двадцати четырех пограничных заставах. Кроме того, встретился с руководством Кыринского, Ононского, Забайкальского пограничных районов и Бурятского национального округа Читинской области.

Поздно вечером, до предела уставший, с удовольствием я растянулся на своей постели, мысленно анализируя события, прошедшие всего за один месяц, и незаметно уснул.

Еще не насладившись сном, вдруг услышал резкие телефонные звонки и мгновенно вскочил с постели. Включив свет, посмотрел на часы — было два часа ночи. Взяв трубку, услышал голос подполковника Макарова:

— Комиссар, на участке заставы «Степная» сработала сигнализационная система. На КСП обнаружены следы нарушителя границы. Отряд поднят по тревоге. Давай срочно в штаб.

Слово «комиссар», которое Макаров произносил просто, как само собой разумеющееся, даже с какой-то теплотой, перестало шокировать меня. Наоборот, оно поднимало меня в собственных глазах.

«Пусть, если ему так нравится», — подумал я, поднимаясь на второй этаж штабного здания.

В кабинете кроме Макарова находились начальник штаба подполковник Веселов, который что-то кричал в телефонную трубку, начальник разведки подполковник Кузнецов. И начальник маневренной группы майор Бахтин.

— Что случилось, Николай Иванович? — спросил я.

— Прорыв в наш тыл, Анатолий Антонович. После сработки сигнализационной системы тревожная группа обнаружила на КСП следы человека. Но розыскная собака след не взяла. Очевидно, обувь чем-то обработана. Погранзаства ведет поиск по направлению. Поэтому придется перекрыть по тылу большой район между заставами Степная и Юбилейная. Майор Бахтин приказ уже получил. Тебя прошу быть с ним. Чем заниматься, думаю, сам знаешь.

— Разрешите выполнять приказ, товарищ подполковник? — обратился Бахтин к Макарову.

— Выполняйте!

И вот уже по степной дороге растянулась механизированная колонна, которая на большой скорости неслась к заставе Степная. Впереди на «газике» были я, майор Бахтин и два инструктора с розыскными собаками.

На тыловой рокадной дороге, периодически останавливаясь, высаживали парные пограничные наряды. Я немногословно напутствовал их.

К четырем часам тыловой район был прикрыт и я связался по радиации с Макаровым. Обстановка не прояснилась.

Только на рассвете один из нарядов маневренной группы по тыловому рубежу обнаружил в стороне неизвестного. И пошел на задержание, о чем по радиации сообщил майору Бахтину.

Мы с Бахтиным на машине направились в район обнаружения неизвестного и стали свидетелями странного явления: не смотря на то, что пограничники достаточно хорошо натренированы в беге, расстояние между ними и неизвестным все более увеличивалось.

Я посмотрел вокруг, на многие километры растянулась ровная, как бильярдный стол, степь.

— Вперед! — дал команду водителю, и тот, нажав на стартер, погнал машину по степи наперерез неизвестному.

— Стой! — крикнул я и дал предупредительный выстрел вверх.

Но нарушитель продолжал бежать, легко перебрасывая свое тело с одной ноги на другую.

— Овчарку с поводка! — дал я команду, и в тот же миг огромный пес вылетел из машины и в несколько прыжков настиг неизвестного.

— А-а-а! — завопил тот, когда почти в трехметровом прыжке овчарка опустила на его плечи.

Я ожидал увидеть перед собой человека, задыхающегося от быстрого бега. Но когда инструктор оттащил овчарку, а майор Бахтин надел на неизвестного наручники и помог ему подняться, то увидел вполне спокойно дышащего человека. Как будто это не он находился недавно в бешеном беге. И еще одно поразило меня: безумный взгляд, устремленный куда-то вдаль.

На вопросы, заданные по-русски, нарушитель не только не отвечал, но никак на них не реагировал. Лишь дважды без всякой связи с вопросом произнес фразу: «Моя китайца». Создалось впечатление, что это умалишенный, случайно нарушивший границу. Китайцы и требовали возвратить его как умалишенного.

Однако при тщательном осмотре местности при обратной проработке следа пограничники обнаружили выброшенные нарушителем далеко не безобидные вещи.

Через два дня встретил Полину в Чите. К счастью, самолет прибыл вовремя и мы успели на поезд Чита — Забайкальск. На следующий день уже были в Даурии.

К концу февраля морозы стали отступать и стояла относительно теплая, безветренная погода. Поэтому Полина не почувствовала суровости континентального климата Забайкалья.

Трехкомнатная квартира Полине понравилась. Но не успела она ее рассмотреть, как раздался телефонный звонок.

— Слушай, комиссар, я, конечно, понимаю, что тебе надо бы побыть с женой, — раздался в трубке извиняющийся голос подполковника Макарова, — но, видишь ли, тем же поездом, которым ехал и ты, приехали два московских драматурга с предписанием начальника политуправления пограничных войск. Они, видишь ли, собрались написать пьесу о современной китайской границе и просят сейчас же отвезти их на пограничную заставу, где можно хотя бы в бинокль наблюдать китайские

лица. Отвези их на Забайкальскую пограничную заставу. Это недалеко. К вечеру будешь дома.

— Понял, Николай Иванович, сейчас иду.

— Куда? — возбужденно спросила Полина. — Никуда ты не пойдешь.

— Полина, мне срочно надо выехать на одну из ближайших пограничных застав. К вечеру буду дома.

— Толя, милый, у тебя что — крыша поехала? Ты что, не понял, что к тебе жена приехала?

— Так приехала же, а не уезжает.

— Но мы же больше двух месяцев не виделись. И если ты не хочешь, то я хочу... хотя бы поговорить с тобой.

Я поцеловал ее и тихо сказал:

— Полина, будь умницей. Ведь ты уже давно взрослая женщина и должна понимать, что это моя служба. Займись пока ужином. Продукты в холодильнике. А я к вечеру вернусь.

Уже через несколько минут в своем кабинете я рассматривал предписание драматургов, выданное в политуправлении пограничных войск. Им разрешалось в сопровождении пограничников посещать любые участки государственной границы. В том числе и посты технического наблюдения.

Они просили отвезти их на те заставы, где можно видеть «живых» китайцев. Для этого более всего подходили заставы Забайкальская и Юбилейная. К тому же через поселок Забайкальск два раза в неделю туда и обратно проходили пассажирские поезда Москва — Пекин.

Вскоре мы уже были на Забайкальской пограничной заставе. Проинструктировав начальника заставы о его отношениях с драматургами, возвратился домой.

Квартира блистала чистотой, а в кухне был накрыт стол, в центре которого стояла бутылка моего любимого вина «Монастырская изба». Детей Полина уже накормила и отправила спать.

И тут я вспомнил, что за круговертью событий так и не отметил присвоения мне очередного воинского звания, хотя уже носил погоны с двумя звездочками.

Полина поздравила меня с присвоением звания подполковника, мы выпили бутылку вина и легли в постель. Полина в ласках и поцелуях превзошла самую себя. Но в экстазе я почувствовал фальш, нарочитость. И это после нескольких месяцев разлуки!..

В моей памяти всплыли слова, когда-то произнесенные сестрой Галей о том, что жену надо держать на коротком чембуре, так как ни одна баба не устоит от соблазна, долго находясь вдали от мужа.

— Полина, у тебя был мужчина! — не спросил, а утвердительно произнес я. Полина молчала, словно и не слышала моего вопроса. Молчал и я, ожидая, что скажет она. Но не дождался.

— Полина, я хочу знать правду, — снова тихо произнес я.

И вдруг Полина разразилась истерикой.

— Ты законченный кретин. Ты испортил мне всю жизнь, — сквозь рыдания кричала она. — Со своим ослиным упрямством ты не воспользовался знакомством с сынками двух генералов, чтобы получить хорошее место службы. За двадцать лет мы переезжали восемь раз. А каждый переезд равнозначен пожару, так как все приходится начинать сначала. После Выборга одна дыра хуже другой. Ты хоть находил удовольствие в своей службе. А что видела я? Скажи, что?

— Ты не одна такая. У многих жен пограничников судьба не лучше твоей. А то и хуже.

— Мне наплевать на судьбу других жен... А я так жить больше не могу. Когда ты уехал на заставу, я вышла прогуляться и случайно встретила жену генерала Язова. Из разговора с ней я поняла, что Даурия похлеще Заполярья. Так ведь генерал закончил академию Генерального штаба и надеется, что долго здесь не задержится. А мы будем тут куковать, пока тебя не выгонят на пенсию.

От этого потока обвинений мою душу захлестнула страшная обида. И в то же время я понимал, что в словах Полины есть не просто доля, а львиная доля истины. В самом деле, что она видела за двадцать лет жизни со мной? Да ничего.

Однако в ее истерике была и другая сторона. Это был способ уйти от прямого ответа на поставленный вопрос. Правду сказать она не могла, а лгать все же она не умела. Но и рубить с ходу я тоже не умел. Крепким узлом нас с нею связывали дети.

После долгих размышлений пришел к выводу: жить с ней, пока дети не получат высшее образование и не станут на самостоятельный путь. Поэтому, воспользовавшись паузой, я сказал:

— Ладно, Полина, успокойся. Утро вечера мудренее. Давай будем спать.

А на другой день старший сын Саша сообщил новость — военкомат направляет его для сдачи вступительных экзаменов в

Московское высшее пограничное училище. Все-таки он остался верен своей мечте.

Эта новость вызвала бурю эмоций у Полины. Она умоляла, плакала, чуть ли не на колени вставала, просила отказаться от пограничного училища. Но сын стоял на своем.

— Мама, не надо кричать и не надо плакать. Я долго думал и выбор сделал сознательно и окончательно.

— Ты выбрал страшную судьбу отца.

— Мама, я выбрал судьбу офицера-пограничника, которая мне больше всех знакома.

— Я умоляю тебя, опомнись, — рыдая, просила Полина. Куда угодно, только не на границу.

— Нет, мама, никуда, только на границу!

Полина убежала в спальню, упала на кровать и забилась в рыданиях. Вопреки желанию я подошел к ней, погладил по голове и тихо сказал:

— Успокойся, Полина, чему быть, того не миновать. Авось его судьба будет лучше моей.

— Дай-то бог, — тихо проговорила она и постепенно успокоилась.

Противостояние

Утро 11 февраля 1969 года было хмурым. И день обещал быть пасмурным.

Я проснулся со щемящим чувством то ли обиды, то ли тревоги. А скорее всего: и того и другого. Посмотрел на Полину.

«А все же она чертовски красива, — подумал я. — К тому же она мать моих сыновей... И нелегко будет расставаться с ней».

Вдруг резко зазвонил телефон. Чтобы не разбудить Полину, тихонько поднялся с постели, подошел к телефону и взял трубку.

«Ураган», «ураган», «ураган» — непрерывно звучало условное слово, обозначавшее тревогу.

Быстро оделся и заглянул в спальню. Полина лежала с закрытыми глазами, делая вид, что спит. Ничего не сказав ей, вышел из дома.

Пробегая по плацу в штабное здание, увидел, как из казарм выскакивали пограничники резерва и строились во взводные колонны.

В кабинете подполковника Макарова был только начальник штаба подполковник Веселов, но через несколько минут собралось все командование отряда.

— Ну, братцы, сегодняшней денек снова обещает быть жарким. Посты наблюдения докладывают, что с самого рассвета на окраине города Чжалайнор стали собираться толпы китайцев. Сначала они митинговали, а теперь садятся в автобусы.

— Снова на остров? — спросил начальник тыла.

— Вряд ли, — усомнился подполковник Макаров. — Прошлый год из Чжалайнора они дважды выезжали к Забайкальску. Мы с начальником политотдела едем туда прямо сейчас. Колонну поведет начальник штаба. Начало движения через тридцать минут. Секретаря райкома в Забайкальске мы проинформируем.

Оставляя за собой длинный шлейф пыли, «газик» шел на предельной скорости. Проследовав без остановки через просыпающийся поселок, подъехали к заставе. Начальник заставы доложил, что колонна, состоящая примерно из двух десятков автобусов, действительно движется в сторону Забайкальска.

Подполковник Макаров проинформировал об этом первого секретаря Забайкальского районного комитета партии Юндунова. И потянулись тревожные минуты ожидания.

Наконец, будоража грохотом моторов утреннюю тишину, показалась колонна отрядного резерва. Вскоре пограничники жиденькой цепочкой растянулись вдоль границы, прикрывая поселок Забайкальск, находившийся всего в нескольких сотнях метров у них за спиной.

А через полчаса появились китайцы. Их было около тысячи. На всех была одинаковая одежда защитного цвета. А над головами трепетали сотни красных знамен.

Сначала китайцы около часа митинговали возле своей железнодорожной арки. Возле громкоговорителя ораторы сменяли друг друга и кричали так громко, что их голоса были слышны у штабной машины, где находилось командование пограничного отряда.

Переводчик — майор Лу, стоявший возле Макарова, переводил их речи на русский язык. Смысл всех выступлений сводился к одному: старожилы хорошо знают, что граница проходила по самой окраине поселка Забайкальск, а не там, где сейчас проходит. Поэтому «отстоим свою землю от советских ревизионистов».

Наконец митинг закончился. Раздались лающие слова команд, и человеческая масса заволновалась, забегала, зашумела, постепенно растекаясь вдоль границы. Растянувшись поч-

ти на километр, в две-три плотные шеренги, китайцы двинулись через границу.

У меня защемило сердце. Я впервые видел такую человеческую стихию: оружие во все глотки китайцы, размахивая маоцзедуновскими цитатниками, палками и какими-то прутьями, приблизились к пограничникам, которые, взявшись под руки, с автоматами за спиной молча стояли на своих местах.

Проходя вдоль цепочки пограничников, я подбадривал их, а у самого сердца сжималось от боли, так как то у одного, то у другого пограничника от ударов палками сочилась кровь.

Майор Лу через мегафон непрерывно передавал на китайском языке требование пограничного командования покинуть советскую территорию. Но в ответ — никакой реакции.

Почти два часа пограничники сдерживали взбесившуюся китайскую толпу.

Вдруг в центре, где был многократный численный перевес китайцев, цепочка пограничников не выдержала, разорвалась, и в разрыв хлынуло около сотни китайцев. Выкрикивая угрозы, они стали приближаться к штабной машине, где находилось командование пограничного отряда. Еще несколько минут, и они сомнут, растопчут всех, кто попадетс я им на пути.

Рядом с командованием находилась и группа инструкторов с розыскными собаками, которые при приближении китайцев залились громким лаем. Самая крупная овчарка вырвала поводок из рук инструктора и понеслась навстречу толпе. В огромном прыжке она сбила с ног впереди бегущего, и тот заорал благим матом. А овчарка металась из стороны в сторону, хватая за что попало то одного, то другого... Наконец толпа развернулась и побежала в обратную сторону. А овчарка продолжала их преследовать. Увидев эту картину, и остальные китайцы развернулись и помчались на свою территорию.

— Вот молодец! Вот это пес! — воскликнул кто-то из офицеров, а остальные рассмеялись.

— Прекратите! — раздраженно произнес Макаров. — За этого молодца я как минимум выговорешник схлопочу.

— Зато китайцев на нашей территории ни одного не осталось, — резюмировал начальник штаба отряда подполковник Веселов. — А выговоры мы и так нахватаем. На один больше, на один меньше — какая разница.

— А вот от вас, Геннадий Васильевич, я этого не ожидал, — возмутился Макаров.

— Да сколько можно терпеть? Пора уже и отпор давать! — возмутился и Веселов. А то они от безнаказанности совсем обнаглели.

В это время инструктор уже поймал пса, и тот, понуро опустив голову, словно понимая свою вину, медленно плелся за хозяином.

Вгорячах Макаров хотел было разжаловать сержанта, инструктора служебной собаки в рядовые, но мы с начальником штаба категорически стали возражать, так как это был инструктор самой результативной розыскной собаки. Сошлись на том, что его переведем на комендатуру Мангут, где инспектора никогда не бывают и проверить не смогут.

2 марта 1969 года

В круговерти событий, происшедших в последующие дни, личные неурядицы стали отходить на второй план, и моя душевная боль постепенно утихла. Да и Полина вела себя так, словно никакой размолвки у меня с ней и не было.

А события нарастали, как снежный ком. Сначала начальник войск Забайкальского пограничного округа генерал-майор Лавриненко потребовал от подполковника Макарова и от меня объяснительные записки, почему собаки (именно собаки, как было заявлено в ноте китайской стороны) покусали более двадцати китайских граждан.

Едва мы закончили писать объяснительные записки и отправили в округ, как позвонил начальник Забайкальской пограничной заставы и сообщил, что завтра, то есть 2 марта 1969 года, китайский погранкомиссар приглашает подполковника Макарова на встречу для рассмотрения спорных вопросов.

Пришлось собирать командование пограничного отряда для выработки линии поведения на этой встрече. Тем более что она состоится на территории страны, которая приглашает на встречу.

На следующий день ранним утром я был снова в управлении отряда, так как Макаров уезжал в Китай вместе с начальником штаба и я оставался в отряде один за троих.

Отдав мне последние распоряжения, Макаров сел в машину, и она, набирая скорость, направилась в сторону границы.

Я прошел, как обычно, по всем подразделениям гарнизона, проверяя порядок, и к одиннадцати часам направился в свой кабинет. Едва сел за стол, как зазвонил телефон. Оперативный

дежурный сообщил, что начальник войск вызывает меня к аппарату ВЧ.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — взяв трубку аппарата, произнес я. — На участке пограничного отряда признаков нарушения границы не обнаружено, происшествий нет. Начальник отряда с начальником штаба находятся в Китае, на погранкомиссарской встрече.

— Вот подлецы, — услышал голос генерал-майора Лавриненко. — Всех начальников отряда вызвали на погранкомиссарские встречи, а сами ведут бой на острове Даманском.

— Как ведут бой? — вырвалось у меня.

— Да вот так! Горстка пограничников двух пограничных застав сдерживает до батальона китайской регулярной армии, поддерживаемого артиллерийским и минометным огнем с коренного берега реки Уссури.

— А где находится остров Даманский? — почему-то спросил я.

— В Иманском пограничном отряде.

— В каком? — непроизвольно вырвалось у меня.

— В Иманском... Понял?

— Так точно, товарищ генерал, — ответил я, а у самого мурашки побежали по спине. — Я ведь чудом не попал в этот пограничный отряд.

— Телеграмма вам уже пошла, — сказал генерал, — но, не дожидаясь ее, поднимайте все заставы китайского участка по тревоге с занятием опорных пунктов. А вернется подполковник Макаров, пусть сразу же позвонит мне.

Когда я возвратился в свой кабинет, в дверь постучали и вошел шифровальщик.

— Война, товарищ подполковник, — как-то странно произнес он, подавая шифровку.

— Какая война? — удивился я.

— С Китаем.

— Я думаю, обойдется одним Даманским.

— Вы уже знаете?

— Знаю. Оставьте мне шифровку, — сказал я и, расписавшись в журнале их регистрации, стал читать:

«Второго марта 1969 года, в одиннадцать часов по местному, в четыре часа по московскому времени, на участке заставы Нижне-Михайловка Иманского пограничного отряда группа китайцев численностью до тридцати человек нарушила границу и направилась к острову Даманский. Небольшая группа погра-

ничников во главе с начальником заставы старшим лейтенантом Стрельниковым, имея автоматы за спиной, направилась к китайским провокаторам, чтобы потребовать их возвращения на свою территорию. Основной резерв заставы получил задачу проверить остров Даманский.

Китайцы подпустили группу пограничников почти вплотную и в упор расстреляли ее. Погиб и начальник заставы старший лейтенант Стрельников. Одновременно с этим и по резерву заставы был открыт автоматный и артиллерийско-минометный огонь. Под командованием младшего сержанта Бабанского, возглавлявшего резерв, пограничники, проявляя мужество, отразили все атаки китайских провокаторов.

Не исключена возможность подобных провокаций и на других участках советско-китайской границы. Немедленно приведите отряд в полную боевую готовность. Проверьте состояние опорных пунктов пограничных застав, охраняющих границу с Китаем. На каждой заставе проведите несколько учений по отражению внезапного вторжения. Уточните вопросы взаимодействия с частями Советской Армии. С их помощью на вероятных направлениях подготовьте в инженерном отношении оборонительные рубежи для резерва пограничного отряда».

Шифровку подписал генерал-майор Лавриненко.

Направив шифровку на пограничные заставы, я поднял отряд по тревоге и приказал заместителю начальника штаба с группой офицеров проверить готовность резерва для ведения боя, особое внимание обратив на укомплектованность и слаженность действий расчетов пулеметов, ручных и станковых противотанковых гранатометов, а также слаженность действий экипажей БМТ и БТР. Сам же связался с командиром дивизии. А так как я остался один за троих и оставить отряд не мог, то командир дивизии генерал-майор Язов сам прибыл ко мне.

— Что случилось, Анатолий Антонович, — спросил он, торопливо входя в кабинет.

— Читайте, Дмитрий Тимофеевич, — протягивая ему шифровку, сказал я и по окончании чтения добавил: — И они, сволочи, чтобы еще более обострить обстановку, вызвали на погранкомиссарские встречи всех начальников отрядов китайской границы.

— Вообще что-то подобное я ожидал, ведь коварству китайцев нет предела. Сейчас же дам команду саперным подразделениям, чтобы завтра утром были готовы к выезду на границу.

А после возвращения Макарова из Китая решите, в какие районы границы их направлять. И позвоните мне.

Потом он связался по телефону со своим начальником штаба и приказал:

— Поднимайте дивизию по тревоге. Я сейчас приеду.

Не успела закрыться дверь за генералом Язовым, как зазвонил телефон.

— Ты вообще-то сегодня будешь обедать? Я уже третий раз подогреваю, — слышался возмущенный голос Полины.

Я посмотрел на часы — пятнадцать часов тридцать минут! А Макаров пока не возвратился. Хотя раньше на переговоры уходило не более двух часов. Мою душу охватила тревога. Что же делать?

— Ты что, оглох? — повышая голос, спросила Полина.

— Некогда, Полина, некогда. Сложная обстановка.

— Меня не интересует обстановка. Чтобы сейчас же был дома.

— Я сказал — не могу. Все! — решительно произнес и положил трубку. Телефон зазвонил снова. Меня вызывали на аппарат ВЧ.

— Подполковник Макаров возвратился? — спросил начальник войск Забайкальского пограничного округа генерал-майор Лавриненко.

— Никак нет, товарищ генерал, — ответил я.

— Подготовьте подвижную группу из двух БМП и двух БТР с десантом крепких ребят и ждите указаний.

В течение часа я с заместителем начальника штаба готовил подвижную группу из добровольцев, снабдив ее полным боекомплектom. А в семнадцать часов, возвратившись в кабинет, услышал в телефонной трубке обеспокоенный голос Макарова.

— Что случилось, комиссар? Я только что прибыл на Забайкальскую пограничную заставу.

— В Иманском отряде идут бои.

— А как у нас?

— Пока все спокойно.

— Хорошо, я выезжаю, скоро буду.

Первое, что предпринял подполковник Макаров, возвратившись в отряд, — хотя и с трудом, но дозвонился по аппарату ВЧ в Иман. Оттуда сообщили, что бои закончились. Китайцы выдворены с острова, но обстановка взрывоопасная: на китайской территории наблюдается сосредоточение крупных сил Народно-освободительной армии Китая.

— А вы почему так долго были в Китае? — спросил я у Макарова.

— Они ставили все новые и новые спорные вопросы, а ответов наших почти не слушали. Создавалось впечатление, что шел разговор глухонемых. А когда мы взяли слово и заявили, что китайские граждане в массовом порядке нарушают границу, они, нахалы, стали тут же обвинять нас в нарушении границы. Когда же мы почувствовали что-то неладное и потребовали возвращения к себе, они заявили, что ждут для нас усиленную охрану, так как не ручаются за нашу безопасность. На улице в это время нарастал какой-то шум. Китайский погранкомиссар провел нас в другую комнату к открытому окну, и мы увидели толпы китайцев, окруживших погранкомиссарский домик. Размахивая цитатниками Мао Цзедуна, они скандировали: «Советские ревизионисты! Подлые нарушители границы! Мы оторвем ваши собачьи головы!» Только к вечеру прибыло около сотни китайских солдат на мотоциклах, чтобы проводить нас до границы.

— Так они вас специально держали, чтобы осложнить обстановку.

— Ясно, конечно, что держали специально, — задумчиво произнес Макаров. — Теперь давайте думать, как будем укреплять наряду с охраной оборону государственной границы. Геннадий Васильевич, — обратился он к подполковнику Веселову, присутствовавшему при разговоре. — Чтобы через тридцать минут все офицеры были в сборе. Сегодня проведем совещание, поставим задачи, а завтра с утра разъедемся по пограничным заставам.

В течение недели все офицеры управления пограничного отряда работали на пограничных заставах, охраняющих границу с Китаем по проверке опорных пунктов застав и готовности отражать внезапные нападения противника.

Командование отряда так распределило между собой заставы вероятного направления. Подполковник Макаров работал на заставе Абагайтуй, где находился остров Н-83, на котором китайцы неоднократно устраивали провокации. Туда же командир дивизии генерал-майор Язов направил и саперный батальон для оборудования на коренном берегу реки Аргунь, против острова Н-83, оборонительных сооружений для резерва пограничного отряда.

Начальник штаба отряда подполковник Веселов работал на заставе Шахалинор, у стыка трех границ: советской, китайской

и монгольской, где саперы из дивизии генерал-майора Язова также оборудовали оборонительные позиции.

Я работал на заставе Забайкальской.

Сразу же по прибытии на заставу решил проверить ее боевую готовность и дал команду «к бою».

В считанные минуты заставка уже находилась в опорном пункте, уложившись в нормативы. И несмотря на то, что после ночной службы большинство пограничников отдыхали, все были полностью экипированы. Надели даже каски. Обходя позиции заставы, остался доволен. Но вдруг мне в голову пришла дерзкая мысль. Остановившись возле окопа станкового противотанкового гранатомета, дал команду:

— Заряжай!

Ефрейтор в растерянности смотрел то на меня, то на начальника заставы, не зная, что делать.

— Товарищ подполковник, расчет СПГ в наряде, — тихо произнес начальник заставы. — А ефрейтор Симаков гранатомет не изучал.

— Зачем же он тогда взял его с собой?

— Так начальник же отряда приказал по команде «к бою» брать с собой в опорный пункт все противотанковое и групповое оружие.

— А если сейчас начнется бой, кто из него будет стрелять?

— Я! — попытался найти выход начальник заставы.

— Хорошо. Давайте еще раз обойдем опорный пункт.

Мы повторно обошли опорный пункт, и оказалось, что у большинства противотанкового и группового оружия находились пограничники, не владевшие им.

«Слава богу, что пока не пришлось вести бой. А если бы...» — дальше не стал продолжать мысль, так как по спине пробежали мурашки.

Вечером позвонил начальнику отряда и сообщил ему результаты проверки заставы по команде «к бою». Подполковник Макаров сам был до предела расстроен, так как у него на заставе положение было еще хуже — расчеты для гранатометов вообще не были подготовлены.

Договорились немедленно дать команду на все заставы китайского направления в течение пяти-семи дней подготовить по два расчета на все виды группового оружия. А в последующем провести занятия по изучению этого оружия со всем личным составом, чтобы обеспечить полную взаимозаменяемость в бою.

В течение недели, с утра до вечера, на заставских стрельбищах гремели пулеметные очереди, рвались противотанковые мины. И цель была достигнута: все пограничники научились владеть групповым оружием, а из наиболее подготовленных было сформировано по два дублирующих расчета.

В это время посты технического наблюдения в течение нескольких ночей докладывали об интенсивном движении грузовых машин с китайского тыла в город Чжалайнор. Вскоре были получены и разведывательные данные о том, что в город прибыло два полка Народно-освободительной армии Китая.

Но на границе было пока спокойно, и Макаров дал команду всем офицерам возвратиться в отряд.

Исторический парадокс

Возвратившись в отряд, прежде всего перечитал все материалы о событиях на острове Даманском, опубликованные в периодической печати, чтобы получить представление о том, чего добиваются китайцы своими авантюристическими действиями. Чем больше читал, тем больше убеждался в том, что Китай имеет какие-то территориальные претензии.

Так, в заявлении заведующего отделом печати МИД Замятина на пресс-конференции, проходившей 7 марта 1969 года, говорилось: «...Китайские власти пытаются извратить факты, снять с себя ответственность за совершенную провокацию, переложить ее на Советский Союз».

А в передовой статье газеты «Правда» «Границы СССР священны и неприкосновенны» было написано буквально следующее:

«Китайские официальные органы выдвигают совершенно необоснованные... территориальные притязания, пытаются создать основание для нового обострения напряженности советско-китайских международных отношений».

«Вот и Макаров говорит, что китайцы обвиняют нас в нарушении границы, — подумал я. — Значит, не только остров Даманский, но и остров Н-83 тоже спорный... В чем же суть этих территориальных притязаний?.. Очевидно, истоки их надо искать в истории российско-китайских отношений».

Я позвонил в секретариат и попросил принести мне правовые документы об установлении и прохождении государ-

ственной границы и уже через несколько минут углубился в их изучение.

Вдруг меня словно током поразило. Читал и не верил тому, что написано. Но, перечитав несколько раз, убедился, что не ошибся: в договоре, заключенном между Россией и Китаем в 1861 году и подписанном со стороны России генералом Потемкиным, было сказано о том, что граница между Российской империей и Китаем проходит по современному руслу реки Аргунь, а острова между старым и новым руслом реки принадлежат России.

К договору был приложен перечень таких островов и карта, на которой была нанесена красная линия, которая местами проходила по границе, а местами уходила в сторону Китая, охватывая острова, принадлежащие России.

Таких островов на участке было четыре. Все они были маленькими, за исключением одного. Это и был остров Н-83, на который неоднократно выходили китайцы, митинговали, били пограничников палками и металлическими прутьями и орали, обвиняя нас в нарушении границы.

«Значит, остров Н-83 находится за границей, — удивился я. — А Даманский?.. — Тут же пронеслось в голове: — То же самое... Вот это парадокс... Исторический парадокс».

Я захлопнул папку с документами и поспешил с ней к Макарову.

— Вы знаете, Николай Иванович, а ведь китайцы правы, обвиняя нас в нарушении границы, — с ходу произнес я, войдя в кабинет начальника отряда.

— Ты что, комиссар, спятил? Или решил выступить в защиту китайцев, а меня привлечь к уголовной ответственности как нарушителя границы, — не приняв всерьез мои слова, произнес Макаров.

— Да нет, Николай Иванович, я выступаю в защиту истины. И на полном серьезе. Дело в том, что остров Н-83 находится за границей, и по международным нормам, чтобы выйти на него, мы должны просить разрешения у китайцев. Иначе становимся нарушителями границы.

— Слушай, Анатолий Антонович, — уже более чем серьезно сказал Макаров, — если остров находится за границей, то он должен принадлежать китайцам, а не нам. Но они ведь не говорят, что он китайский, а говорят, что мы нарушаем границу.

— Я как раз об этом. Так как китайцы, обвиняя нас в нарушении границы, правы. Вот смотрите. — И, развернув перед Мака-

ровым правые документы, стал объяснять, особый упор делая на правовое положение красной линии.

Когда подполковник Макаров уловил суть договора, он несколько минут сидел молча, не в состоянии произнести ни единого слова.

Наконец он заговорил. Медленно, обдумывая каждое слово, прежде чем произнести его:

— А ведь в самом деле, комиссар, от нашего берега до острова Н-83 около двухсот метров, а между китайским берегом и островом проходит небольшая, в жаркое лето почти пересыхающая протока в несколько метров шириной, которую можно переехать на машине. Значит, основное русло реки Аргунь проходит возле нашего берега. И мы, выходя на остров выталкивать китайцев, действительно нарушаем границу. Просто не верится, что может так быть. Слушай, комиссар, а как же Даманский?

— Между нашим берегом и островом Даманский около восьмисот метров, а между китайским берегом и островом — менее двухсот. То есть основное русло Уссури проходит вдоль нашего берега.

— Погоди-погоди, — воскликнул Макаров, — значит, группа Стрельникова, находясь на льду юго-восточнее оконечности острова, была расстреляна на территории Китая?

— Как ни прискорбно признавать, но это так.

— Что же будем делать, комиссар?

— Посоветуемся с командиром дивизии и будем докладывать начальнику войск округа.

На вопрос, связанный с прохождением линии государственной границы, генерал-майор Язов среагировал немедленно и уже через пятнадцать минут был в кабинете начальника отряда. Суть исторического парадокса он схватил сразу.

— Как же так могло случиться, уважаемые стражи границы? — озадаченно спросил Язов. — Вы сами постоянно твердите, что граница Родины священна и неприкосновенна, и сами же ее постоянно нарушаете.

— Я думаю, что поколение пограничников, пришедшее на охрану границы после Гражданской войны, будучи в правовом отношении абсолютно неграмотным, но, увлеченное красным знаменем, приняло красную линию за государственную границу и стало ее охранять. Последующие же поколения пограничников даже не заглядывали в правовые документы, а переносили на свои карты и схемы государствен-

ную границу так, как фактически охраняли предыдущие поколения пограничников, — высказал я свою догадку. — А вот китайцы этот исторический парадокс обнаружили раньше нас и, не имея нормальных межгосударственных отношений с нами, устраивают провокации там, где мы несем службу не по границе, а по красной линии.

— Вероятнее всего, так и было, — согласился Язов. — И наши топографы нанесли на современные карты границу не де-юре, а де-факто. Но вы-то теперь знаете, где проходит граница, значит, нарушать ее не имеете права.

— А если они снова выйдут на остров Н-83, что тогда делать?

— Только одно, — убежденно произнес Язов. — Вы со своим резервом занимаете оборону на своем берегу и, требуя от них покинуть наш остров, демонстрируете готовность к открытию огня. Для большей демонстрации силы могу придать вам танковый батальон.

— А если они не уйдут? — высказал сомнение Макаров.

— Я абсолютно уверен, что уйдут, — категорически произнес генерал-майор Язов. — Китайцы — ведь мудрый народ. И, выходя на наш остров, они твердо знают, что сами границу не нарушают, а вас заставляют нарушать. А когда вы, не выходя на остров, будете грозить открытием огня, на что имеете юридическое право, они поймут, что вы парадокс открыли, немедленно уйдут восвояси и больше на остров выходить не будут.

— Возможно, вы и правы, Дмитрий Тимофеевич, — не совсем уверенно произнес Макаров.

— Я абсолютно убежден в этом, Николай Иванович.

— Ну, что же, теперь наши выводы надо доложить начальнику войск округа и заручиться поддержкой принятых нами решений.

Но начальник войск Забайкальского пограничного округа генерал-майор Лавриненко, услышав о том, что мы службу организуем не по государственной границе, а по какой-то красной линии, проявил упрямство и Макарова даже слушать не стал.

— Ну, что теперь будем делать, комиссар? — спросил Макаров после разговора с начальником войск.

— То, что предложил генерал-майор Язов, — убежденно заявил я. — Сами на остров не будем выходить. Местных жителей на заготовку сена не будем пускать. А если китайцы выйдут на наш остров, потребуем освободить нашу территорию. А там видно будет.

14 и 15 марта 1969 года

14 марта 1969 года я работал у себя в кабинете. Раздался телефонный звонок. Я взял трубку.

— Комиссар, зайти ко мне, — услышал голос Макарова.

— Хорошо, иду, — ответил я и направился в кабинет Николая Ивановича.

— Час от часу не легче, — сказал Макаров, когда я вошел в кабинет. — Эти драматурги на станции Забайкальск спровоцировали конфликт с китайской поездной бригадой. Поезжай и разберись с ними на месте.

— Хорошо, Николай Иванович, — сказал и, вызвав машину, позвонил Полине: — Я срочно выезжаю на границу. К вечеру буду дома.

— Ты же только вчера возвратился с границы, где находился две недели.

— Так надо, Полина.

— Приходи, пообедаем, потом поедешь.

— Не могу. Обедай сама.

— Ох, как мне все это надоело!

Я не стал больше слушать надоевшие сентенции жены и положил трубку. Минут через сорок уже был в Забайкальске. Драматургов нашел на вокзале в обществе начальника отдельного контрольно-пропускного пункта Забайкальск подполковника Семенова.

— Что случилось, Виталий Иванович? — спросил у начальника ОКПП.

— Сегодня, едва остановился пассажирский поезд Пекин — Москва, уважаемые драматурги сфотографировали большой портрет Мао Цзедунa, нарисованный на тендере паровоза. Китайский сцепщик вагонов, увидев это, с криком бросился на перрон, размахивая молотком. Что было бы дальше, не знаю, но дорогу ему преградил пограничник из группы наблюдения. Поэтому удары молотком достались ему. Поезд после смены паровоза и тележек ушел на Москву, а китайская бригада уже более двух часов митингует у своего паровоза и не хочет возвращаться в Китай.

— А какие требования они выдвигают? — спросил я.

— Чтобы мы отдали им фотопленку.

— Что за чертовщина? Зачем она им нужна? — возмутился я.

— Для уничтожения, — пожав плечами, сказал подполковник Семенов. — Я думаю вот что, — давайте пригласим в кабинет начальника станции для переговоров бригадира, сцепщика вагонов и китайского переводчика и заявим протест в связи с нанесением побоев пограничнику.

Я согласился. Однако когда в кабинете начальника станции Семенов выразил протест по поводу нанесения ударов пограничнику и потребовал наказать виновного, китайцы сделали вид, что никаких заявлений с нашей стороны и не было, а повторили свое требование о выдаче фотопленки.

— На фотоснимках нет ни военных, ни иных секретных объектов, которые были бы запрещены для фотографирования, — парировал подполковник Семенов. — На снимках всего лишь паровоз, и то старой конструкции. Поэтому ваши требования не обоснованы.

Не успел китайский переводчик начать перевод, как сцепщик вагонов что-то стал говорить своему бригадиру, и тот, не дожидаясь перевода, громко произнес:

— Великого Мао имеют право фотографировать в Китае всего несколько человек по специальному разрешению. Поэтому мы категорически требуем дать нам фотопленку для уничтожения.

— Ваши законы на территории нашей страны не действуют, — сказал Семенов. — У нас можно фотографировать все, что не содержит военной или государственной тайны.

Подполковник Семенов сделал паузу и продолжил:

— Кроме того, по нашим законам человек, нанесящий удары солдату, выполнявшему служебные обязанности, заслуживает наказания. И мы требуем наказать виновного.

Я заметил, как сцепщик вагонов, не дожидаясь перевода, снова стал что-то говорить бригадиру. Поэтому, как только китайский переводчик начал переводить, я громко произнес:

— Не надо переводить. Ваш сотрудник спецслужб прекрасно владеет русским языком, — и показал на сцепщика вагонов: — Кстати, мы можем его арестовать как тайного агента вашей разведки.

Я заметил, как китаец побледнел, а его глаза налились злобой. Разоблачение грозило ему большими неприятностями. Он тихо произнес по-китайски всего одну фразу — китайцы вскочили, и бригадир громко прокричал:

— Это провокация!.. Не позволим! Мы заявляем решительный протест!

И троица быстро двинулась к выходу. Уже у самой двери бригадир выкрикнул:

— Будем стоять, пока не получим фотопленку! Пусть пройдет даже тысяча лет!

В это время оперативный дежурный ОКПП сообщил, что подполковника Семенова вызывает к аппарату ВЧ начальник войск. Пока Семенов говорил по телефону, я вышел на перрон и стал наблюдать, как китайская поездная бригада с цитатниками в руках скандирует цитаты Мао Цзедуна.

«Как могло случиться, — подумал я, — что такой трудолюбивый народ оболванен цитатами «Великого кормчего»? Даже больных лечат цитатами Мао!.. Стоп! А может, это и помогло народу сплотиться в борьбе против иностранного порабощения?.. А вообще-то чужая душа — потемки. А душа народа тем более... Но что делать с этими?»

— Ну, Анатолий Антонович, что будем делать? — словно угадав мои мысли, спросил подполковник Семенов. — Начальник войск требует немедленно выдворить их с нашей территории. Их-то мы, в конечном счете, можем выдворить. А как быть с паровозом и багажным вагоном?

— Виталий Иванович, вы найдете прямо сейчас с десяток гренадеров из контролерского взвода?

«Гренадерами» называли контролеров ростом метр восемьдесят и выше, специально подобранных для оформления документов у иностранных граждан.

— Конечно, найду, — ответил он. — А зачем?

— Потом скажу. Вызывайте их на вокзал.

Вскоре, проинструктировав контролеров, мы с Семеновым, начальником станции и переводчиком направились к китайцам. Те, прекратив скандирование, стали наблюдать, что же будет дальше.

Через переводчика Семенов сделал следующее заявление китайцам:

— Если вы через десять минут не покинете нашу территорию, то мы будем действовать по цитате Мао Цзедуна: «Винтовка рождает власть!»

Наступила тишина. Потом китайцы сгрудились плотнее, о чем-то тихо переговорили и снова стали громко скандировать цитаты.

Прошло десять минут, и Семенов дал условный сигнал. Из дверей вокзала один за другим с автоматами в руках стали выбегать контролеры, окружая китайцев. Но те не стали ждать,

вскочили в почтовый вагон, машинист дал свисток, и паровоз, набирая скорость, ушел на китайскую территорию.

— Ну вот, — сказал я в шутливой форме, — а мы говорим, что цитаты Мао Цзедуна — глупость. А они, овладев массами, становятся материальной силой. Иди, Виталий Иванович, докладывай начальнику войск, что китайцев с нашей территории выдворили.

К вечеру, доложив результаты поездки Макарову, я уже был дома. Полина молча подала ужин. После ужина легли в постель. Она повернулась ко мне спиной, и сколько я ни старался, ничего добиться не смог.

Ранним утром меня разбудил телефонный звонок. Включив настольную лампу, посмотрел на часы: начало пятого. В трубке послышался голос оперативного дежурного:

— Товарищ подполковник, срочно к начальнику отряда.

Быстро одевшись, побежал в пограничный отряд. Когда вошел в кабинет к Макарову, там уже было все командование.

— Сегодня, пятнадцатого марта, в четыре часа утра по московскому времени, в одиннадцать часов по местному времени, на острове Даманском снова начался бой. На остров высадилось около полка китайской пехоты, поддержанной с берега артиллерией и минометами, — с тревогой в голосе сообщил подполковник Макаров. — В городе Чжалайноре тоже наблюдается оживление. Что будем делать? Через десять минут я должен доложить наше решение начальнику войск округа.

— На сухопутном участке они не полезут, — начал излагать свое мнение начальник штаба пограничного отряда подполковник Веселов. — Они знают, что в дотах круглосуточное дежурство. Кроме того, там есть электрозаградительный забор напряжением в тысячу пятьсот вольт. На стык трех границ они тоже не полезут. Предлагаю: заставы китайского участка поднять по боевой тревоге с занятием опорных пунктов. Резервом отряда занять оборонительные позиции на коренном берегу реки Аргунь, на участке заставы Абагайтуй, против острова Н-83. Об обстановке и принятых мерах информировать командование соседней дивизии.

Все согласились с начальником штаба отряда, подполковник Макаров доложил свое решение по аппарату ВЧ начальнику войск Забайкальского пограничного округа.

Вскоре поселок был разбужен мощным ревом моторов БМТ, БТР и автомобилей. На предельной скорости колонна отрядно-

го резерва направилась к заставе Абагайтуй, на участке которого находился остров Н-83.

Нужно отдать должное саперному батальону дивизии: оборонительные позиции были оборудованы добротной и на рассвете весь резерв находился в окопах, дотах и блиндажах, а БМТ и БТР — в капонирах.

Весь день ждали мы китайских провокаторов, но они так и не появились. Как потом выяснилось — бои шли только на острове Даманском.

А на следующий день Николай Иванович Макаров узнал, что на острове Даманском погиб его друг — начальник Иманского пограничного отряда полковник Демократ Леонов.

Монголия

Служба в Даурском пограничном отряде была насыщена различными событиями. Одним из таких событий была командировка в Монгольскую Народную Республику с 11 по 22 августа 1969 года в составе делегации, которую возглавлял начальник одного из управлений КГБ генерал-лейтенант Федорчук.

В состав делегации входили: начальник Кяхтинского пограничного отряда подполковник Пирушкин, я и два ветерана боевых действий на реке Халхин-Гол в августе 1939 года. Располагалась наша делегация в бывшем городском доме Чойбалсана.

Задач перед делегацией было две.

Первая — оказать помощь пограничным частям Монгольской Народной Республики во взятии под охрану монгольско-китайской границы в связи с обострением отношений между этими странами.

Вторая — принять участие в праздновании 30-летия победы советско-монгольских войск над японскими интервентами на реке Халхин-Гол.

Сначала мы ездили по воинским частям, охраняющим границу с Китаем. Делились опытом пограничной службы, вносили свои предложения по организации охраны границы. Приняли также участие в обсуждении Инструкции пограничным войскам Монголии по охране государственной границы.

Потом начались торжества, посвященные 30-летию победы советско-монгольских войск на реке Халхин-Гол.

На вертолетах мы посетили места боев, проходивших в 1939 году. У памятника героям Халхин-Гола прошел митинг, на

котором от Советского Союза выступал участник боев, глава военной делегации генерал армии Федюнинский. К сожалению, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков по уважительным причинам не смог посетить Монголию в эти торжественные дни.

20 августа мы были на приеме у министра внутренних дел Монголии генерала Гунсена. Там нам вручили медали «Найрамдал», что в переводе на русский язык означает «За дружбу».

21 августа были на приеме у Чрезвычайного и Полномочного посла Советского Союза в Монголии, где нам вручили медали «30 лет Халхин-Гола».

22 августа прием давал Первый секретарь МНРП Цеденбал.

Перед выездом на прием генерал Федорчук нас попросил, чтобы мы, насколько это возможно, воздерживались от потребления спиртного, так как на приеме будет весь дипломатический корпус и делегации из многих стран, в том числе и из КНР.

На приеме с речью выступил Первый секретарь Центрального Комитета Монгольской Народно-Революционной партии Цеденбал. Он коротко изложил события тридцатилетней давности, поздравил всех присутствующих с тридцатилетним юбилеем со дня победы советско-монгольских войск над японскими интервентами на реке Халхин-Гол в августе 1939 года и провозгласил тост за дружбу монгольского и советского народов. Мы подняли самые маленькие рюмки, чуть пригубили и поставили.

Затем выступил руководитель военной делегации Советского Союза генерал армии Федюнинский. (Брежнев на торжествах не было.) Выступил также руководитель нашей делегации генерал-лейтенант Федорчук.

Каждый раз были тосты. Мы пригубляли из маленьких стопочек и снова ставили.

Вдруг к нам направился мужчина в авиационной форме Монголии.

— Первый пилот Цеденбала, — шепнул мне на ухо подполковник Пирушкин, так как он неоднократно оформлял документы в связи с прилетом Цеденбала в город Кяхту, где располагался пограничный отряд, к родственникам жены.

Жена у Цеденбала русская и безумно красивая. На приеме она была в темном вечернем платье, которое так гармонировало с ее темной прической. В нормальном декольте всеми цветами радуги сияло красивое кольцо.

Мужчина подошел к нам и на чистом русском языке с едва заметным акцентом произнес:

— О, Александр Иванович, — воскликнул он, увидев подполковника Пирушкина и расплываясь в широкой улыбке. — Хочу выпить с советскими пограничниками за дружбу наших народов.

Я, как представитель политических органов и получивший отдельный инструктаж от генерала Федорчука, незаметно кивнул, давая понять своим товарищам, что за дружбу народов придется выпить.

Только мы выпили и поставили стопки на стол, как к нам подошел небольшого роста мужчина в смокинге, белой рубашке и галстук бабочкой.

— Хочу выпить с пограничными представителями великого советского народа, — с немалым акцентом произнес он торжественно.

— Мы только что выпили за дружбу советского и монгольского народов, — сказал я. — И нам хотелось бы знать, за дружбу с каким народом мы будем пить.

— Прошу, панове, простить меня — я посол Польской Народной Республики в Монголии, — и он назвал свою фамилию, которую я конечно же не запомнил. — Предлагаю выпить за дружбу советского, монгольского и польского народов.

Я хотел было снова наливать в самые маленькие стопки, но вмешался первый пилот Цеденбала.

— О, нет. За дружбу трех народов надо пить вот такими стопками, — и он взял среднюю из шести стопок разной величины, стоявших перед каждым из нас.

— Тогда вот так, — и я стал наливать во вторые по объему стопки.

А так как таких стопок больше не было, я налил две стопки, какие показал первый пилот Цеденбала, и кивнул своим, дескать, снова придется выпить. Выпили, немного закусили, и вдруг посол спросил:

— Кто из вас, панове, охранял границу с Польшей, когда оуновцы убили заместителя министра обороны Польши генерала Сверчевского?

— Я, — к сожалению, вырвалось у меня, и холодный пот окатил меня с головы до ног, даже руки вспотели.

«Зачем, зачем я сказал?» — пронеслось в голове, но было уже поздно. Сказав «я», надо было продолжать:

— Мы тогда даже границу переходили, чтобы на территории Польши громить украинских бандеровцев и польских аковцев (Армия Крайова).

Даурский пограничный отряд

Начальник политотдела Даурского пограничного отряда А. А. Невара

Политотдел Даурского пограничного отряда. Стоит в центре майор В. И. Зотов (в последующем генерал-майор)

Принятие решения на охрану государственной границы в Даурском пограничном отряде. Слева направо: начальник штаба подполковник Веселов (в последующем генера-майор), начальник политотдела Невара, начальник отряда подполковник Макаров (в последующем генерал-лейтенант), начальник разведотряда майор Кузнецов. 1970

С пограничниками, награжденными нагрудным знаком «Отличник погранвойск».
В центре сидит начальник войск Забайкальского пограничного округа
генерал-майор Лавриненко

На похоронах матери: братья Володя, Ваня и я; сестры Шура, Мария, Галя и Паша

Монголия

Снимки,
подаренные в Монголии

Штерн, Иванов, Чойбалсан, Жуков

Воронов, Штерн, Иванов, Чойбалсан, Жуков (крайний справа)

**Снимки из журнала «Монголия» (на русском языке),
посвященном 30-летию победы на Халхин-Голе
(здесь и на следующей странице).
Монголия. 1969. Сент. № 9**

**Посещение памятных мест халхингольской битвы руководителями партии
и правительства МНР во главе с Ю. Цеденбалом и членами военной делегации СССР
во главе с генералом армии И. Федюнинским**

**Торжественное собрание в столице Монголии Улан-Баторе, посвященное 30-летию
разгрома японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол. На трибуне министр
обороны МНР Б. Дорж**

Наша делегация. *Первый справа* руководитель делегации генерал-лейтенант Федорчук, *второй слева* А. Невара

Прибытие в Монголию на 30-летие победы советско-монгольских войск в районе реки Халхин-Гол

С начальником Забайкальского пограничного округа генерал-майором Лавриненко и начальником погранвойск Монголии генерал-майором Цеденишем

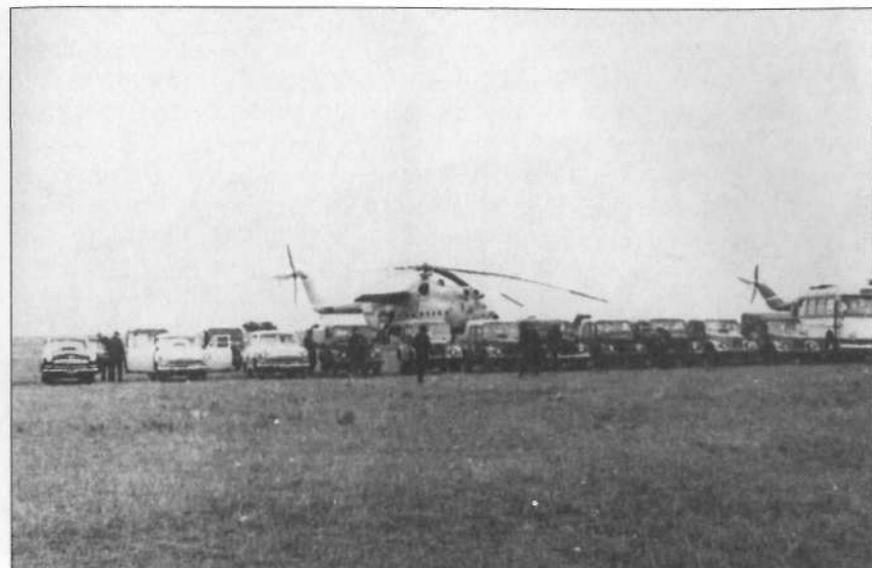
С министром внутренних дел Монголии Гунсенем

В президиуме торжественного собрания, посвященного 30-летию победы на Халхин-Голе в Министерстве государственной безопасности Монголии.
Справа налево: во втором ряду крайний справа подполковник Невара; генерал-майор Лавриненко, министр госбезопасности Монголии генерал Гунсен

На месте боев на реке Халхин-Гол. *Слева направо:* генерал Гунсен, генерал-майор Лавриненко, подполковник Пирушкин, подполковник Невара

Стоянка вертолетов, на которых советские делегации прилетели в район боев на реке Халхин-Гол

На митинге у реки Халхин-Гол. Выступает руководитель военной делегации Герой Советского Союза генерал-полковник Федюнинский

У памятника победы советско-монгольских войск на реке Халхин-Гол

Обложка приглашения на прием к Первому секретарю ЦК МНРП Цеденбалу

Приглашение на прием

— Да-да, я это и имел в виду... Подождите меня, пан... — и он показал на меня рукой.

— Невара, — деревянным языком произнес я.

— Пан Не-ва-ра. Я скоро приду, — произнес он почти по слогам и быстро ушел.

Появился он через несколько минут и вручил мне сверток в плотной бумаге, перевязанный красивой ленточкой.

— Примите, пан Не-ва-ра, в знак уважения этот маленький презент, — и протянул мне сверток.

— Благодарю вас, — еле выговорил я, принимая сверток.

«А что, если это какое-то взрывное устройство, — пронеслось в мозгу. — Ладно, сам погибну, но взрыв произойдет на приеме у Цеденбала в руках СОВЕТСКОГО офицера!»

Когда посол Польши ушел, я пошел искать генерал-лейтенанта Федорчука, чтобы доложить ему о своей оплошности.

Наконец нашел его. Он разговаривал с министром внутренних дел Монголии генералом Гунсенем и начальником пограничных войск Монголии генералом Цеденишем.

Я стал в сторонке и очень внимательно стал смотреть на Федорчука, мысленно повторяя: «Посмотри на меня! Посмотри на меня!» И он посмотрел. Я несколько раз кивнул ему, и он меня понял. Через несколько минут он подошел ко мне.

— Что случилось, Анатолий Антонович? — спросил Федорчук.

— Когда мужчина, назвавшийся послом Польской Народной Республики, подойдя к нам, спросил: «Кто из вас охранял западную границу в период, когда оуновцы убили заместителя министра обороны Польши генерала Свирчевского», я опрометчиво сказал «я», и он в порядке презента вручил вот это, — и я показал сверток.

Мы пошли в конец коридора, где никого не было, и Федорчук развязал сверток. Там оказались бутылка «Польской рябиновой» и блок хороших сигарет.

— Отнесите в нашу машину и возвращайтесь сюда, — сказал Федорчук. Что я и сделал.

Потом мы ходили по залу, и наконец я увидел мужчину. Он стоял в группе дипломатов, и о чем-то они оживленно беседовали. Я незаметно показал на него генералу Федорчуку.

— Правильно. Это посол Польской Народной Республики в Монголии, — сказал Федорчук. — Успокойтесь и идите на свое место.

Потом уже, в доме Чойбалсана, он наедине пожурил меня. Голоса он не повышал, говорил очень спокойно, но я готов был от стыда провалиться сквозь землю.

Возвращались мы из Монголии 23 августа 1969 года на самолете до Читы вместе с писательской организацией, и я познакомился с ответственным секретарем Союза писателей Читинской области Георгием Рудольфовичем Граубиным. Мы подружились, и эта дружба уже длится почти сорок лет.

Маршал Крылов

После того как 15 марта 1969 года в районе острова Даманский армейский дивизион «Град» ударил по коренному берегу Китая, где сосредоточилась тяжелая (в три раза больше нашей) дивизия Китая, китайцы в течение года не предпринимали никаких провокаций на всем протяжении советско-китайской границы. В Даурии тоже было спокойно.

10 февраля 1970 года в отряд позвонил начальник войск Забайкальского пограничного округа генерал-майор Лавриненко и сообщил, что к нам прилетит на своем самолете маршал Крылов, и попросил проверить посадочные полосы на отрядном аэродроме и в поселке Кайластуй, где стоит пограничная застава.

Макаров сразу догадался: маршал Крылов летит на рыбалку, так как он уже бывал в отряде с такой же целью.

Застава Кайластуй в пограничном отряде особая.

Во-первых. Она почти именная. На плацу, во дворе заставы, установлен бюст старшины Артемьева, совершившего подвиг в 1927 году. Все наряды, выходя на охрану государственной границы, с минуту стоят молча у этого бюста, словно мысленно дают клятву быть верными своему народу.

В феврале 1970 года как раз исполнялось сорок три года со дня героической гибели старшины Артемьева, и я, впервые в должности начальника политотдела пограничного отряда, написал стихи:

БАЛЛАДА о герое-пограничнике старшине Артемьеве

Метет Аргунью снежная поземка.
Мороз крепчает. В пойме — сорок пять!
Лишь лошади во мгле морозной звонко
По льду реки подковами стучат.

В наряде двое: старшина Артемьев,
 Не раз, бывало, он встречал врагов,
 Границу охраняя в дождь и в темень.
 А младший с ним — боец-комсорг Лавров.
 Все было тихо. В утреннем тумане
 Вдруг за невидимой державною чертой
 Зловеще замаячил на кургане
 Японских самураев конный строй!
 — Ложись, Лавров! — и сам уже ложится.
 «Что делать дальше? Силы не равны...
 Но ведь врагом нарушена граница —
 Святой рубеж моей родной страны!
 Нет, не уйдем мы. Родина за нами!
 Страна родная, отчий дом, семья.
 А гады прут сомкнутыми рядами.
 И здесь за все в ответе только я!»
 И бой жестокий грянул на рассвете,
 Дрались герои, жизни не щадя.
 Дрались за то, чтоб счастье знали дети,
 Чтоб мирно жили люди в целом свете,
 Чтобы цветы цвели на площадях.
 Артемьев ранен — и в живот, и в ногу.
 Все реже, реже стал огонь бойцов.
 Скорей бы долгожданная подмога,
 Враги сжимают намертво кольцо.
 «Скорей, друзья, я истекаю кровью.
 Но клятву, Родина, я выполнил свою.
 Сыновней я тебя любил любовью.
 И жизнь свою тебе я отдаю!»
 Друзья пришли, и враг познал расплату.
 Был для врагов последним тот рассвет.
 Друзья в историю вписали эту дату.
 И лишь Артемьева с друзьями больше нет.
 Нет?.. Нет! Он не погиб. Он вместе с нами
 Идет незримо в воинском строю.
 Во всех делах живет он на заставе,
 Хоть пал в бою за Родину свою!

Эти стихи я, на свою голову, опубликовал в газете «Пограничник Забайкалья». К этому времени как раз вышел очередной номер журнала «Пограничник», в котором была опубликована подборка моих стихов, высланных еще из Заполярья.

Вновь назначенный на должность начальника политотдела Забайкальского пограничного округа вместо генерал-майора Болдина полковник Нагибин Владимир Павлович, вскоре тоже получивший звание генерал-майора, на первом же заседании пограничного округа заслушал доклад о руководящих кадрах политсостава. В период доклада кадровик в наряде с перечислением моих положительных качеств сказал:

— Между прочим, подполковник Невара пишет стихи и публикует их в журнале «Пограничник» и газете «Пограничник Забайкалья».

Нагибин, не задумываясь, еще не побывав в пограничном отряде и не видя меня в глаза, категорически заявил:

— Если пишет стихи, значит, бездельник. Надо продумать, как от него избавиться..

Во-вторых. Вблизи пограничной заставы Кайластуй был расположен единственный в приграничной полосе аэродром, куда один раз в сутки прилетал самолет из Читы и пограничники проверяли документы у прибывших пассажиров. Через четыре часа этот же самолет, забрав пассажиров, возвращался в Читу.

В-третьих. На заставе Кайластуй был шикарный участок поймы реки Аргунь. Основное русло реки проходило вдоль китайского берега. А на широком пространстве между основным и старым руслом реки, протекавшей вблизи поселка Кайластуй, находилось около десятка мелких островков с небольшими протоками, богатыми рыбой. Зимой же и осенью на эти острова садились тучи перелетных птиц. А стало быть, была прекрасная охота.

В связи с этим на заставе были построены гостевой домик и прекрасная баня с парилкой. А начальником заставы многие годы был прекрасный офицер, лейтенант, впоследствии майор Федулов.

Мы позвонили майору Федулову и узнали, что взлетная полоса в хорошем состоянии.

12 февраля мы с Николаем Ивановичем и генерал-майором Язовым встречали на аэродроме маршала Крылова. С ним были два генерала и один полковник.

Сначала поехали в дивизию к генерал-майору Язову, который доложил о боевой готовности дивизии, развернутой по штатам военного времени, а подполковник Макаров доложил об обстановке в ближайшем прикормоне и закордоне.

— Ну, а как рыбалка, Николай Иванович? — как бы между прочим спросил маршал.

— Хорошая, товарищ маршал.

— Так, может, слетаем, а, Николай Иванович?

— Пожалуйста, товарищ маршал. Только разрешите нам с начальником политотдела съездить в отряд и предупредить начальника заставы.

— Пожалуйста, Николай Иванович.

Из отряда мы позвонили майору Федулову о том, чтобы он приготовил местных рыбаков, гостевой домик и баню, взяли «тревожный чемоданчик» (со спиртным) и поехали на аэродром. Маршал Крылов уже был там.

Через двадцать минут мы были на аэродроме в Кайластуге, где нас ждал восьмиместный «газик», а через десять минут были уже на заставе.

После взаимного приветствия, причем маршал Крылов узнал Федулова и долго жал ему руку, выехали на Аргунь.

Рыбаки уже ждали нас возле вырубленного во льду углубления наподобие ванны. Рядом лежал дрын метра два длиной, с набалдашником на конце, диаметром сантиметров двадцать пять. Рыбаки называли этот дрын «балдой».

Два рыбака стали с противоположных сторон ванны, взяли балду и резко опустили ее в центре ванны, пробив лед. И тут же вытащили балду.

Лед, оседая, давил на воду, и она стала бить фонтаном на высоту где-то около полутора метров, пока не заполнила всю ванну. Вместе с водой сплошным потоком летела рыба.

Когда вода заполнила всю ванну, рыбаки воткнули балду в дыру и стали сачками черпать рыбу. Черпал сачком и маршал Крылов, пока в ванне не осталось рыбы.

Рыбаки, улыбаясь, пояснили, что этот процесс называется «ловлей рыбы на балду».

Затем рыбаки ползали по прозрачному метровому льду, выискивая ямы с новыми скоплениями рыб.

После двух ванн пообедали. На первое, конечно, была тройная уха. Потом прорубили еще две ванны, и на этом рыбалку закончили. Рыбу сложили в мешки и оставили на льду для замораживания.

Вечером помылись в бане и в гостевом домике сели ужинать. На ужин было пять рыбных блюд, в том числе и рыбные манты, приготовленные искусными руками жены майора Федулова Марии.

После третьей стопки Николай Иванович вдруг мечтательно проговорил:

— Мечта есть, товарищ маршал.

— Какая, Николай Иванович? Поделись.

— Хочу поступить в академию Генерального штаба.

Маршал долгим взглядом посмотрел на Николая Ивановича, потом на своего полковника и сказал:

— Запишите все его данные.

На следующий день, погрузив в самолет все мешки с рыбой, маршал Крылов улетел в Москву.

А через два месяца пришло сообщение о том, что Николай Иванович Макаров зачислен кандидатом для поступления в академию Генерального штаба в 1971 году.

Остров Н-83

На рассвете 7 марта 1970 года наблюдатели стали отмечать оживление на окраине города Чжалайнор. При большом скоплении народа китайцы начали митинговать. Стало ясно: готовится очередная провокация. Но где она будет, было неясно. Так или иначе резерв надо было выдвигать к Забайкальску, а потом действовать по обстановке. Другого пути не было.

Но уже при приближении отрядного резерва к Забайкальску начальник отряда подполковник Макаров получил сообщение от оперативного дежурного о том, что колонна китайцев на двух десятках грузовых автомобилей движется в направлении острова Н-83. Мы сразу же свернули в сторону заставы Абагайтуй, на участке которой и находится остров Н-83. Минут через двадцать мы уже были на оборонительных позициях, оборудованных саперным батальоном дивизии. Солдаты заняли окопы, дзоты и блиндажи, а техника — капониры.

Вскоре к острову подошла и автоколонна китайцев. Укрыв машины за прибрежными сопками, они группами выходили на остров и все громче и громче стали выкрикивать оскорбления и угрозы в адрес советских пограничников. Причем если раньше при выходе на остров большинство китайцев были гражданскими, то теперь даже невооруженным глазом было видно, что у каждого китайца из-под верхней одежды выпирал автомат и у всех была строевая выправка.

Когда на острове их скопилось несколько сот человек, майор Лу через громкоговоритель передал требование пограничного командования покинуть остров.

Но реакция китайцев была совсем противоположной. Они собрались в центре острова и стали митинговать. Митинг проводился с использованием громкоговорителей, и майор Лу переводил речи китайских ораторов. Все они походили одна на другую и сводились в основном к территориальным притязани-

ям и угрозам. Причем чаще всего звучала фраза: «Разобьем собачьи головы советских ревизионистов».

Зазвонил телефон закрытой связи, и Макаров взял трубку.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — произнес он, и всем стало ясно, что на другом конце провода был начальник войск Забайкальского пограничного округа.

— Спрашивает, вытесняем ли мы китайцев с острова, — прикрыв трубку рукой, тихо сказал Макаров. — Никак нет, товарищ генерал. Подразделения готовятся к выходу на остров... Но у них же тройное превосходство... Есть, товарищ генерал. — И Макаров положил трубку.

— Вот так, комиссар. Ты заварил кашу, а врать приходится мне. Ты останешься чистеньким, а у меня, наверное, академия Генштаба накроется.

В это время с тыла послышался мощный гул моторов. Он постоянно нарастал, и наконец вдали показалась колонна танков. При подходе к рубежу обороны танки перестроились в развернутый строй, а к командному пункту на «газике» подкатил генерал-майор Язов.

— Ну, как дела, товарищи пограничники? — выходя из машины и пожимая руки офицерам, спросил он. — Как давно длится противостояние?

— С самого рассвета, — еще не остыв от разговора с начальником войск, раздраженно произнес Макаров. — Через громкоговоритель потребовали, чтобы они ушли с острова, а они — никакой реакции. Все митингуют. В основном кричат: «Разобьем собачьи головы советских ревизионистов». А выправка у всех военная, и у каждого под одеждой автомат.

— Успокойтесь, Николай Иванович, — внимательно посмотрев на него, сказал Язов. — Значит, решение не выходить на остров было правильным. Иначе вы бы уже вели бой. На всякий случай я вам придаю танковый батальон. Через реку он не пойдет — лед уже рыхлый. А мощным огнем поддержит. — Потом, подумав немного, добавил: — А сейчас подготовим и передадим китайцам еще одно, последнее предупреждение.

Вместе с генерал-майором Язовым командование отряда составило новый текст следующего содержания: «Вы находитесь на территории, принадлежащей Советскому Союзу. Предупреждаем в последний раз: если вы в течение тридцати минут не покинете остров, даем предупредительный выстрел и че-

рез десять минут открываем огонь на поражение из всех видов имеющегося в нашем распоряжении оружия...» И майор Лу через громкоговоритель передал его китайцам.

— А что, если они не уйдут? Мы же ведь не откроем огонь, — тихо высказал свое опасение подполковник Макаров.

— Уйдут, — убежденно произнес Язов. — Никуда они не денутся. Они же не знают, что мы не имеем санкции на применение оружия. А удар дивизиона «Град» по коренному берегу Китая, в районе острова Даманский, является доказательством того, что мы можем иметь такую санкцию.

— А вдруг после предупредительного выстрела они первыми откроют огонь, — снова высказал свое сомнение подполковник Макаров. — И мы сварганим новый Даманский.

— По опыту того же Даманского они не имеют санкции открывать огонь по коренному берегу, так как это уже будет считаться военным конфликтом.

После этого все замолчали и с тревогой посматривали на часы.

Тридцать минут истекли. И на берегу, и на острове наступила гробовая тишина. Разрывая ее, зловеще прогремел пушечный выстрел. Сразу же после него китайцев с острова словно ветром сдуло. Через десять минут на острове не осталось ни одного человека. На командном пункте все облегченно вздохнули. А через час китайская автоколонна ушла в сторону Чжаланнора.

Тепло простившись с командованием пограничного отряда, уехал и генерал-майор Язов со своим танковым батальоном.

Подполковник Макаров повеселел и после ухода китайской автоколонны доложил начальнику войск, что китайцы с острова Н-83 выдворены, но получил приказ оставаться в опорном пункте до вечера.

В течение дня обстановка не изменилась, и резерв пограничного отряда возвратился на место дислокации.

— Да, на острове Н-83 пахло порохом, — задумчиво проговорил Макаров, когда ехали на машине домой. — Мы чудом избежали жертв со своей стороны.

— Молодец Дмитрий Тимофеевич, что предложил потребовать от китайцев уйти с нашей территории, а нам не выходить на остров, — сказал я.

Когда прибыли в отряд, все облегченно вздохнули, словно свалили тяжелую ношу со своих плеч.

Ленинская почетная грамота

В канун столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина по всей границе развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу этой даты. Кроме того, по инициативе Генерального Секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева впервые в нашей стране готовились по-настоящему отметить двадцатипятилетие Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Эти две даты слились воедино и сыграли поистине мобилизующую роль.

По примеру Заполярья подполковник Макаров своим приказом закрепил командование отряда как направленных, отвечающих за определенную группу пограничных застав. Мне достались пять пограничных застав левого фланга. Начальник отряда отвечал за центральные, наиболее беспокойные заставы, начальник штаба — за заставы в районе стыка трех границ (Советского Союза, Монголии и Китая). Заместитель начальника политотдела майор Гончаренко и заместитель начальника штаба майор Платонов отвечали за заставы советско-монгольского участка границы.

В 1969 году направленные на каждой заставе своего направления провели собрания по достойной встрече столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина и двадцатипятилетия со дня Победы в Великой Отечественной войне.

Главным звеном в борьбе за достойную встречу юбилеев была воинская дисциплина. Втроем — начальник отряда, начальник штаба и я — долго обсуждали проблему ее укрепления и пришли к единодушному мнению, что при части надо создать учебный взвод со сроком обучения один месяц, в который включать с каждой заставы по одному или по два наиболее слабо подготовленных или недисциплинированных пограничника.

Подполковник Макаров поручил мне подобрать четырех сержантов-коммунистов, которые могли бы предъявить пограничникам учебного взвода самые жесткие, но в рамках устава, требования. Я подобрал таких сержантов, пообещав, что если они предъявят пограничникам учебного взвода очень высокие требования, то будут уволены в первую очередь в период демобилизации.

И результат не мог не сказаться. Сразу же после первого месячного сбора солдаты, возвратившиеся на заставы, рассказали друзьям о требованиях, предъявляемых в учебном

взводе, и среди пограничников развернулось негласное соревнование за то, чтобы не попасть в учебный взвод, то есть соревнование за более высокие показатели в учебе и особенно в дисциплине.

Как-то, когда начальник отряда был в отпуске, начальника штаба положили в госпиталь с микроинфарктом, и я остался один за троих, дежурный по гарнизону с отрядной проходной доложил, что прибыл генерал-майор Язов. Я вышел из здания штаба, пересек плац и на тропинке встретил Язова. Мы поздоровались и пошли в штаб. Только ступили на плац, где занимался учебный взвод, как командир взвода старшина Зайцев дал команду:

— Взвод, смирно! Равнение направо!

И взвод, строго чеканя шаг, поравнялся с генерал-майором Язовым.

— Здравствуйте, товарищи пограничники! — поздоровался Язов.

— Здравия желаем, товарищ генерал! — громогласно прокатилось по плацу.

— Вот бы мне в дивизию таких гренадеров вместо тех, кто находится в бегах.

Я улыбнулся и генерал-майора Язова спросил:

— А много таких, Дмитрий Тимофеевич?

— Двадцать четыре человека, — ответил Язов.

Я рассказал Язову, что это за взвод и почему я улыбнулся.

— Да? — удивился Язов, а потом подумал немного и сказал: — Ваши худшие в дивизии были бы лучшими.

После решения вопросов, с которыми прибыл Язов, я проводил его до проходной.

И еще одно очень хорошее дело мы провернули в ходе подготовки к столетию Владимира Ильича Ленина.

На участке отряда, недалеко от границы, находился богатый горнодобывающий комбинат. Добывал урановую руду. Так вот мы выпросили у директора комбината солидную сумму денег, за счет которой переокрасили все заставы в светлые тона. Ведь темные казарменные тона отрицательно влияют на психику солдата.

Так что к юбилею Владимира Ильича Ленина отряд был на подъеме и из пяти пограничных отрядов, входящих в Забайкальский пограничный округ, занял первое место, был награжден Ленинской юбилейной грамотой и переходящим Красным знаменем.

Вручать эти награды 24 апреля 1970 года прибыли: начальник войск Забайкальского пограничного округа генерал-майор Лавриненко, начальник политотдела округа генерал-майор Нагибин и делегация Читинского областного комитета КПСС.

День 24 апреля выдался тихим, теплым и солнечным. Начался он с торжественного построения всего гарнизона. Потом состоялся митинг, в ходе которого были вручены Ленинская юбилейная почетная грамота и переходящее Красное знамя. Многие офицеры были награждены медалями «За отличие в охране Государственной границы СССР», ценными подарками и грамотами, в том числе начальнику отряда подполковнику Макарову был вручен орден Красной Звезды, а мне — именные часы и нагрудный знак «50 лет ВЧК—КГБ».

Для меня эта награда является очень дорогой, так как причисляет меня к когорте чекистов, то есть людей «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». Я ее носил даже тогда, когда в период ломки советского строя чекистов обливали ушатами грязи и называли преступниками.

После митинга подразделения гарнизона прошли перед трибуной торжественным маршем. Вечером состоялось торжественное собрание, посвященное Ленинскому юбилею, и концерт художественной самодеятельности. А для командования округа и отряда, а также для гостей был дан праздничный ужин.

А потом начались торжества, посвященные 25-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Впервые в гарнизоне и на заставах были проведены торжественные собрания, на которых участникам войны, в том числе и мне, были вручены нагрудные знаки: «25 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Полковник Иван Черес

Воистину правду говорят: никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

Прошло немногим более двух месяцев с того дня, когда китайцы оставили остров Н-83 после предупредительного выстрела из пушки, то есть без кровопролития. Китайцев после этого словно подменили. На участке отряда они больше нигде не пытались осуществить провокационные действия. Командование отряда было довольно, что наконец-то наступила тишина и можно заняться нормальной охраной государственной границы.

И вдруг 14 мая 1970 года в отряд прибыл секретарь партийной комиссии Забайкальского пограничного округа полковник Иван Черес. Сам факт его прибытия вызвал тревогу в душах командного состава, так как секретарь партийной комиссии округа в отряды выезжали, как правило, только для того, чтобы собрать материал для привлечения кого-нибудь из старших офицеров к партийной ответственности. И эта тревога не была безосновательной.

— Ну что, хлопчики, доигрались, — пожав руки, весело произнес полковник Черес. — Вот, садитесь, читайте, — и он протянул подполковнику Макарову лист бумаги.

Макаров бегло прочитал его, побледнел, снова прочитал и молча протянул его мне. Я читал и не верил своим глазам.

Это было письмо начальника войск Забайкальского пограничного округа генерал-майора Лавриненко и начальника политотдела округа генерал-майора Нагибина в партийную комиссию округа о том, что «коммунисты Макаров и Невара игнорировали приказ начальника войск округа о решительных действиях по выдворению китайских провокаторов с острова и защите интересов нашей страны на государственной границе по примеру героев острова Даманский. Более того, они стали на путь лжи и обмана. Начальник отряда коммунист Макаров доложил о том, что пограничники резерва вышли на остров и выдворяют провокаторов, а в действительности они сидели в окопах на берегу реки и ждали, когда китайцы сами уйдут с острова. На основании этого командование округа считает необходимым привлечь коммунистов Макарова и Невару к партийной ответственности».

Испугавшись, как бы снова не наступил нервный шок и не отнялись ноги, я стал мысленно повторять: «Я спокоен... спокоен... спокоен». Пока не успокоился.

— А почему же они с нами предварительно не побеседовали, Иван Миныч? — спросил я полковника Череса. — Мы бы им объяснили, что действовали в соответствии с правовыми нормами.

— А вот на партийной комиссии они с вами и побеседуют... Вот такие пироги, ребятки, — забирая бумагу и улыбаясь, словно был доволен тем, что наконец-то можно кого-то привлечь к партийной ответственности, сказал полковник Черес. — Кстати, я здесь ни при чем. Как видите, это требование командования округом.

— Но требование командования округа противоречит здравому смыслу, — не выдержал я. — Командование требовало, чтобы мы нарушили границу, а мы не стали ее нарушать.

— Вы о чем, Анатолий Антонович? Вам ведь был приказ выйти только на наш остров Н-83.

— Но наш остров Н-83, Иван Миныч, находится за границей.

— Наш остров за границей? Вы думаете, что говорите, Анатолий Антонович? — став сразу серьезным, возмутился полковник Черес. — Это же абсурд!

— Он думает, что говорит, Иван Миныч, — наконец вмешался и Макаров. — И это не абсурд, а исторический парадокс. Парадокс в том, что наш остров находится за границей.

— Э нет, хлопчики, мы так далеко зайдём и накличем на наши души новый грех, — остановил спор полковник Черес. — Скажите, Николай Иванович, вам был отдан приказ силами резерва пограничного отряда выдворить китайских провокаторов с острова? — спросил полковник Черес, повернувшись к Макарову.

— Ну, был.

— Вы его выполнили? — победоносно спросил Черес.

— Нет.

— Это факт? — спросил Черес и сам же ответил: — Факт! А факты — упрямая вещь.

— Иван Миныч, вам же начальник политотдела сказал, что остров Н-83 находится за границей. На нем было свыше батальона китайских солдат, вооруженных автоматами. И если бы мы полезли на остров, было бы кровопролитие.

— А вот это выходит за рамки моих полномочий. Об этом я даже слышать не хочу, — решительно заявил полковник Черес. — Идем дальше. Николай Иванович, вы доложили начальнику войск о том, что пограничники вышли на остров выдворять китайцев?

— Ну, доложил.

— А они не выходили. Сидели в окопах. Так?

— Так, но...

— Значит, и это факт, — перебивая Макарова, сказал Черес. — Факт лжи и обмана. Что и следовало доказать. Так что садитесь и пишите объяснительные. А я пройду по подразделениям.

И полковник Черес быстро вышел из кабинета.

Зная угоднический характер секретаря партийной комиссии, мы догадались, что он сейчас найдет несколько человек, которые напишут, что на остров они не выходили. И дело сфабриковано.

— И зачем, комиссар, я тебя послушал? Может, и не было бы кровопролития, — зло бросил Макаров. — А теперь уже точно не видать мне академии Генерального штаба, как своих ушей. Ты отделаешься легким ушибом. А я... Приказ должен был отдать я. И начальнику войск врал я, а не ты.

— Я считаю, Николай Иванович, выводы делать рано. Давайте напишем подробнейшие объяснительные записки, со ссылкой на правовые документы. Они обязаны их прочитать и сделать выводы... В конечном счете в партийной комиссии не один Черес. Чай, разберутся.

— Ты о чем, комиссар? Ты плохо знаешь Череса. Он кратко изложит суть дела и предложит объявить строгача. Остальным остается только проголосовать.

— Ну, что же, Николай Иванович, как говорится, поживем — увидим.

Через два дня после отъезда Череса я пошел домой раньше обычного, чтобы приготовить ужин и сына накормить. Полина работала председателем исполкома поселкового Совета, часто задерживалась на работе, и ужинать приходилось бутербродами.

На удивление, и Полина в этот вечер пришла рано. Я хотел было ее поцеловать в щечку, но она отстранилась.

— Не прикасайся ко мне, кретин, — со злостью произнесла она

— Что опять случилось, Полина? — чтобы погасить ее пыл и не устраивать скандала, тихо спросил я.

— Ты страшный человек. Ты не умеешь жить с людьми.

— О чем ты, Полина?

— Я вчера разговаривала с женой начальника отряда, и она мне рассказала, что ты втянул Николая Ивановича в какую-то авантюру. Теперь ему откажут в поступлении в академию. И как ты думаешь дальше здесь служить, если восстановил против себя не только начальника отряда, но и командование округа?

— Никого против себя я не восстанавливал. Просто первым, к сожалению, обнаружил, что мы здесь неправильно охраняем границу.

— Ну да, ты же умнее всех. Но ведь шишки тебе достанутся. Мне это до чертиков надоело. Я снова уеду к маме.

И тут я вспомнил ее приезд в Даурию, ее нарочитость в постели и со злостью произнес:

— Чтобы искать любовные утехы на стороне.

— Какие утечи?

— Любовные.

— Если хочешь знать, давно пора, — вгорячах призналась она откровенно. — Ты как мужчина все равно меня не удовлетворишь.

— А тот, с которым ты жила, удовлетворял, да?

— Дурак! У меня перед тобой вины нет.

— Ты так думаешь? Первый раз ты меня предала, оставив в тяжелом состоянии и на костылях, а сама уехала к маме... Это ли не предательство?! Ради детей я тебя простил... И сейчас смогу простить, но при одном условии — ты прекращаешь скандалы и любовные утечи и без меня больше никуда не поедешь. А твоя так называемая «больная мама» даже тебя переживает.

— Вот как ты заговорил, после того как испортил мне всю жизнь! — со злостью воскликнула Полина. — Это ты должен стоять передо мной на коленях и просить прощения.

— После твоих предательств — ни за что и никогда, — решительно произнес я и пошел в дальнюю комнату, где в тревожные дни спал на диване, ожидая поздних звонков. И закрыл за собой дверь.

Через полчаса Полина постучала ко мне. Я молчал. Она снова постучала, открыла дверь, вошла и, всхлипывая, негромко произнесла:

— Толя, милый, прости меня, я... погорячилась.

Потом подошла, встала на колени, положила голову мне на колени и миролюбиво произнесла:

— Прости меня ради бога, Толя. Умоляю, прости.

— Ради детей снова прощаю, — после паузы тихо произнес я. — Но помни, ты прекращаешь все скандалы и любовные утечи. Иначе нам придется разойтись.

На том и порешили. Навсегда ли?

Генерал-полковник Матросов

После отъезда полковника Череса обстановка в отряде внутренне накалилась до предела. Хотя Макаров и называл меня по-прежнему комиссаром, но я понимал, что это внешняя сторона, а внутри его эмоции были сравнимы со сжатой пружиной, которая могла в любое время выпрямиться, и тогда...

Зазвонил телефон, я взял трубку и услышал голос Макарова:

— Слушай, комиссар, — как-то отрешенно произнес он. — Завтра к нам прилетает начальник пограничных войск страны генерал-полковник Матросов. Вот так...

— Так это же здорово, Николай Иванович, — обрадовался я. — Генерал-полковник Матросов умница, во всем правильно разберется. Я уже дважды почувствовал это. Если бы не он, я никогда не был бы начальником политотдела.

На следующий день в половине десятого мы были уже на аэродроме, а в десять приземлился самолет генерал-полковника Матросова. Вместе с ним прибыли один генерал, несколько полковников из Москвы и начальник войск Забайкальского пограничного округа генерал-майор Лавриненко.

В кабинете начальника отряда генерал-полковник Матросов распорядился:

— Здесь остаются: начальник войск округа, начальники отряда, политотдела и штаба и вы, — показал он на московского генерала. Остальные работайте по своим службам.

Оставшимся он предложил садиться. При этом меня поразила одна маленькая, но очень значимая деталь: когда Макаров предложил Матросову свое место за столом, тот многозначительно произнес:

— Начальник отряда в любой ситуации остается хозяином своего кабинета, — и сел за приставной столик.

Меня заинтересовала реакция на это генерал-майора Лавриненко, который, приезжая в отряд, всегда садился за стол начальника отряда. Но его суровое лицо ничего не выражало. Он старался лишь сесть поближе к Матросову.

— Нас интересует только один вопрос, — когда все сели, спокойно произнес Матросов. — За год произошли вооруженные столкновения с китайцами в пограничных отрядах Дальневосточного и Восточного округов. Вам же удалось их избежать, хотя на участке Даурского пограничного отряда провокационные действия китайцев носили особо ожесточенный характер. Чем вы можете это объяснить? — задал он вопрос и в абсолютной тишине обвел взглядом всех, кто находился в кабинете.

Я посмотрел на Макарова и еле заметно кивнул ему головой: мол, наступил решающий момент, говори. Но тот сидел в напряженной позе, бледный и молчал. Правда, его и понять можно было: в эту минуту фактически решался вопрос о его поступлении в академию Генерального штаба.

— Разрешите, товарищ генерал, — наконец не выдержал я и поднялся с места. — Начальник политотдела пограничного отряда подполковник Невара,

— Слушаем вас, товарищ Невара, — доброжелательно сказал Матросов.

— Товарищ генерал, после событий второго марта на острове Даманском, учитывая то, что китайцы все время обвиняли нас в нарушении границы, мы с начальником отряда решили внимательно посмотреть исторические правовые документы. Последний договор между Россией и Китаем, которым мы руководствуемся до сих пор, был заключен более ста лет назад, в 1861 году. В нем мы обнаружили удивительный исторический парадокс...

— Интересно, какой же? — воспользовавшись паузой, заинтересованно спросил Матросов, который до этого внимательно слушал.

— По этому договору граница проходит по современному руслу реки Аргунь, а острова между новым и старым руслом принадлежат России. На прилагаемой карте для обозначения островов, принадлежащих России, проведена красная линия. Местами она проходит по границе, а местами она уходит в сторону Китая, огибая острова, принадлежащие России, так как они фактически находятся за границей. Какие-то наши далекие предки стали охранять страну не по государственной границе, а по этой красной линии. Это было закреплено документами и дошло до наших дней. Вот в этом и есть парадокс. Китайцы первыми его обнаружили и стали устраивать провокации на островах, находящихся за границей.

— Значит, наши острова находятся за границей? — удивился Матросов.

— Так точно, товарищ генерал. Самым крупным из них на участке Даурского пограничного отряда является остров Н-83, на котором китайцы неоднократно устраивали провокации. А когда мы выходили их выдворять, они кричали, что мы нарушили границу. Оказалось, что они были правы.

— Ну, и как же вы поступили, узнав об этом? — спросил Матросов.

— Командир дивизии выделил саперный батальон, который оборудовал оборонительные позиции на коренном берегу реки Аргунь, против острова Н-83, и когда на рассвете 7 марта 1970 года около двух батальонов китайцев, вооруженных автоматами, прибыли в этот район и вышли на остров, мы со своим

резервом заняли эти позиции. Наш переводчик дважды передавал через громкоговорящую установку требование покинуть остров...

— И они покинули его?

— Никак нет, товарищ генерал, — медленно произнес я и замолчал, так как дальше должен был говорить о том, чего не знал начальник войск округа. В кабинете наступила тишина. Наконец я решился: — Вместе с командиром дивизии генерал-майором Язовым, который выделил для поддержки танковый батальон, разработали новый текст, который заканчивался словами: «Если вы в течение тридцати минут не покинете нашу территорию, даем предупредительный выстрел и через десять минут открываем огонь из всех видов оружия, которым располагаем».

— Вы, товарищ Макаров, подтверждаете то, о чем докладывает ваш начальник политотдела? — спросил Матросов.

— Так точно, товарищ генерал, — поднявшись со стула, ответил Макаров.

— И открыли бы огонь?

— Никак нет. Мы просто были уверены в том, что они уйдут с острова. И действительно, через десять минут после предупредительного выстрела на острове не осталось ни одного человека. А через два часа китайская колонна ушла в сторону города Чжалайнор. После этого никаких провокаций китайцев на нашем участке не было, — уже достаточно бойко доложил подполковник Макаров.

— Николай Иванович, распорядитесь, чтобы принесли правовые документы, — приказал Матросов.

Через пять минут он уже внимательно изучал правовые документы и особенно карту. А через двадцать минут, захлопнув документы, обвел взглядом присутствующих в кабинете и удовлетворенно произнес:

— Молодцы! Острую пограничную проблему вы решили не голым силовым методом, неизбежно ведущим к человеческим жертвам, а мудрым дипломатическим путем. По возвращении в Москву будет издан приказ о вашем поощрении.

— А нас на днях на партийной комиссии будут привлекать к партийной ответственности, — медленно и тихо проговорил я, словно сам для себя, и посмотрел сначала на Макарова, потом на начальника войск округа. И если Макаров сиял, как новый медный пятак, то лицо генерал-майора Лавриненко превратилось в маску. А глаза едва сдерживали стрелы-молнии.

— Как к партийной ответственности? — удивился Матросов. — За что?

— За то, что мы не стали выталкивать китайцев с острова, чем, как мне кажется, избежали кровопролития, так как на острове были китайские солдаты и у каждого из них под верхней одеждой был спрятан автомат.

— Что это значит, Николай Васильевич? — спросил Матросов, повернувшись к Лавриненко.

— Кто же об этом знал? — растерянно произнес тот.

— Вы что, товарищ Макаров, не докладывали об этом начальнику войск, а занимались самодеятельностью? — спросил Матросов.

Не зная, что ответить, Макаров смотрел на генерал-майора Лавриненко и молчал.

— Докладывать-то он докладывал, — пробормотал Лавриненко, — но я не разобрался. Теперь мы отменим решение о привлечении их к партийной ответственности.

— И немедленно, — строго сказал Матросов, посмотрев на него с укором. — А вы, — обратился он к московскому генералу, — по ВЧ немедленно свяжитесь с главком, чтобы оттуда сегодня же ушел циркуляр во все пограничные отряды, охраняющие границу с Китаем, с требованием изучить правовые документы и категорически запретить выход на такие острова кому бы то ни было, даже пограничникам.

После обеда группа офицеров, возглавляемая генерал-полковником Матросовым, вылетела в Читу.

— Ну, вот видишь, Николай Иванович, все для тебя обошлось благополучно... Ну а я, наверное, попаду в опалу.

***Начальник отделения
пропаганды
и агитации
Забайкальского
пограничного округа***

В июле 1971 года Николай Иванович Макаров уехал в отпуск, а из отпуска — сразу в академию Генерального штаба. Должность свою он передал подполковнику Шляхтину.

Отношения со Шляхтиным, который был намного моложе меня, стали складываться неплохие, и можно было нормально работать. Если бы не мелкие придирки начальника политот-

дела Забайкальского пограничного округа генерал-майора Нагибина, который пытался доказать, что я не на своем месте, выполняя сказанное на первом заседании политотдела округа: «Пишет стихи и прозу, — значит, бездельник. Надо продумать, как от него избавиться». И он начал избавляться.

Очевидно, с этой целью он уговорил и генерал-майора Лавриненко принять решение о привлечении Макарова и Невару к партийной ответственности за события на острове Н-83. Выговор для начальника отряда ничего не значил бы, а вот выговор для начальника политотдела требовал освобождения его от должности, так как человек, имеющий партийное взыскание, не имел права подписывать и выдавать партийные документы. К счастью для меня, партийная комиссия благодаря вмешательству генерал-полковника Матросова не состоялась.

Я уже с год не давал свои стихи в окружную газету «Пограничник Забайкалья», и ответственный редактор газеты подполковник Илья Сигалов надоел мне своими звонками. Я под благовидными предлогами отказывался давать стихи. Не мог же ему сказать, что все зависит от генерала Нагибина.

А тут еще инструктор политотдела округа подполковник Ивко, часто бывая в отряде как направленец, «на ушко шептал», дескать, в опале потому, что не делаешь подарки командованию округа. С появлением в округе генерала Нагибина система подарков приобрела систематический характер.

— Остальные начальники политотделов пограничных отрядов дарят кто шкурки соболя или белки, кто мясо убитых диких кабанов. А Терехов, начальник политотдела Кяхтинского пограничного отряда, подарил охотничьи ружья, которые отобрал у браконьеров.

Посмотрев на меня внимательно, он тихо произнес:

— А ты как будто святой.

— Так у меня же на сотни километров голая степь. Ни шкурки тебе, ни браконьеров.

— Так придумай что-нибудь другое.

— Ничего я не буду придумывать... Да и не умею я подачки давать. Я лучше уволюсь.

— А кто тебя уволит в сорок шесть лет.

— Уволят! — сказал я и на этом закончил дискуссию.

О своем положении я как-то сказал Дмитрию Тимофеевичу Язову. И он, долго не думая, произнес:

— Давай ко мне начальником политотдела дивизии. Мой начальник политотдела написал рапорт с просьбой о переводе на

должность, не связанную с личным составом, так как по своей полноте, в случае боевых действий, не сможет поместиться в окопе.

Это для меня было так неожиданно, что я с минуту не мог произнести ни слова.

— Вы серьезно, Дмитрий Тимофеевич? — наконец спросил я.

— Такими вещами не шутят, Анатолий Антонович... Я давно уже подумывал предложить вам эту должность.

— Согласен, — после некоторого раздумья сказал я.

— Ну, вот и хорошо. Буду ходатайствовать.

Двое суток мои мысли крутились вокруг предложения Язова. И все больше я склонялся к тому, что менять пограничные войска с их хорошей организацией и крепкой воинской дисциплиной на другую службу, где в бегах находятся десятки солдат, не смогу. Психологически не выдержу.

А главное, у меня накопилось много материала, над которым надо работать. И лучше уволиться, писать стихи и прозу, чем пытаться в солидном возрасте овладеть другой по характеру службой. Итак, увольняюсь!

Когда я сказал об этом Дмитрию Тимофеевичу, он сначала был удивлен, а потом расстроен.

— Ну как же так, Анатолий Антонович?.. Может, подумаешь еще?

— Да нет, Дмитрий Тимофеевич, я решил окончательно и бесповоротно. После пограничных войск не смогу перестроиться на вашу систему.

— Ну, что же, смотри, тебе виднее.

В тот же день я написал рапорт об увольнении и отправил в округ. Причиной увольнения указал ухудшение зрения после травмы глаза, полученной от китайца.

А с Дмитрием Тимофеевичем Язовым мы остались друзьями на всю жизнь, несмотря на то, что он был генералом, а потом маршалом, а я остался полковником. Ежегодно бывая в Москве, я обязательно бываю у него дома. А после освобождения его из «Матросской тишины» я был одним из первых, кто встречался с ним, несмотря на определенную опасность.

Начальник политотдела Забайкальского пограничного округа генерал-майор Нагибин, получив рапорт, испугался, так как освобождение от должности начальника политотдела пограничного отряда осуществляется только через коллегия КГБ. А вдруг я там скажу что-то нелестное про него? Рапорт мой в Москву не отправил, а доложил начальнику политуправления погранвойск генерал-лейтенанту Гапоненко.

Через несколько дней Валентин Константинович Гапоненко, вместе с Нагибиным, был уже в отряде и стал выяснять причину моего решения об увольнении.

Я опять сослался на ухудшение зрения, так как конкретных фактов плохого отношения ко мне Нагибина у меня не было и я мог оказаться клеветником.

Наконец после некоторого раздумья Валентин Константинович сказал:

— Может, сделаем так: назначим вас, Анатолий Антонович, начальником отделения пропаганды и агитации Забайкальского пограничного округа. А когда появится вакансия в Москве, переведем вас в Москву и вы сможете воспользоваться услугами клиники микрохирургии глаза академика Федорова.

— Согласен, — поразмыслив немного, ответил я.

— А вы не будете возражать, Владимир Петрович? — спросил он Нагибина.

— Конечно, нет, Валентин Константинович, — торопливо ответил Нагибин, понимая, что перевод начальника политотдела пограничного отряда на вышестоящую или равнозначную должность решается без вызова на коллегия КГБ.

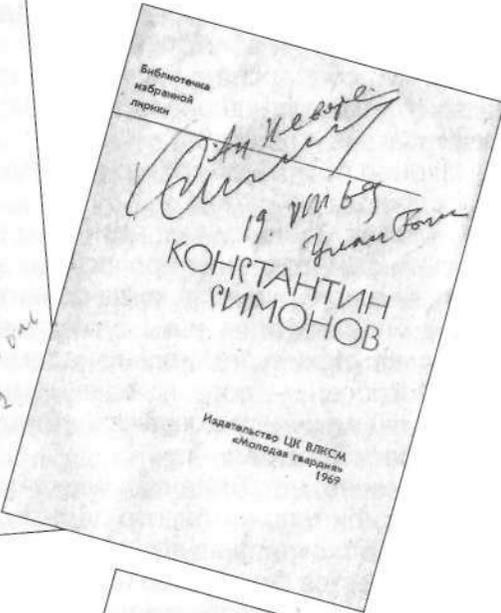
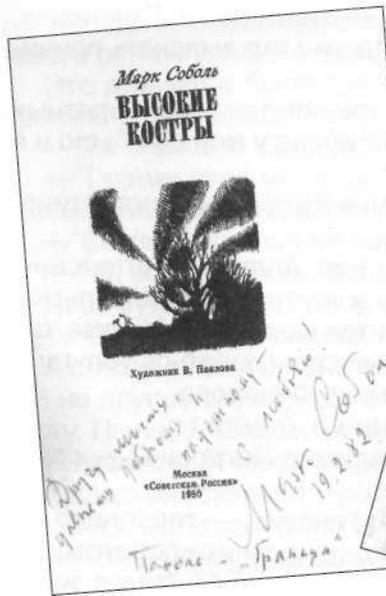
10 апреля 1972 года я занял кабинет начальника отделения пропаганды и агитации Забайкальского пограничного округа.

Отношение ко мне генерал-майора Нагибина коренным образом изменилось. С одной стороны, удалось избежать коллегия КГБ, с другой — он понял, какие отношения у меня с генерал-лейтенантом Гапоненко.

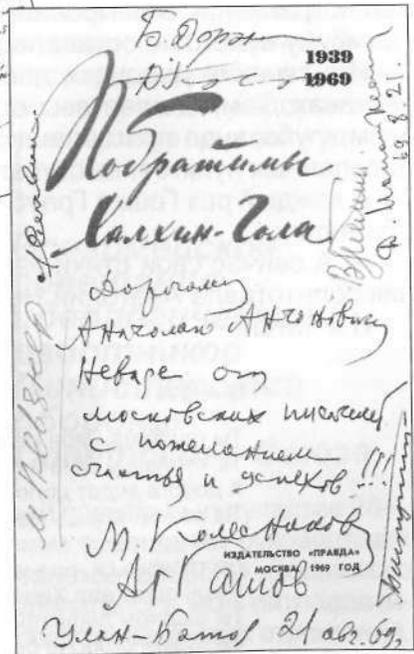
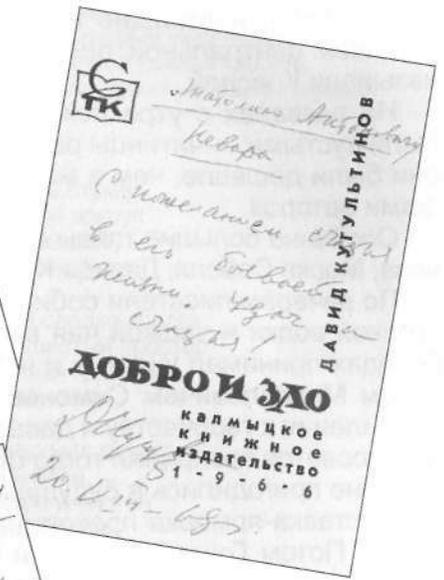
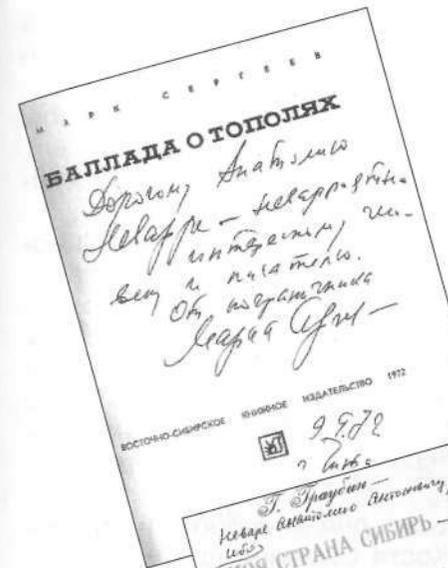
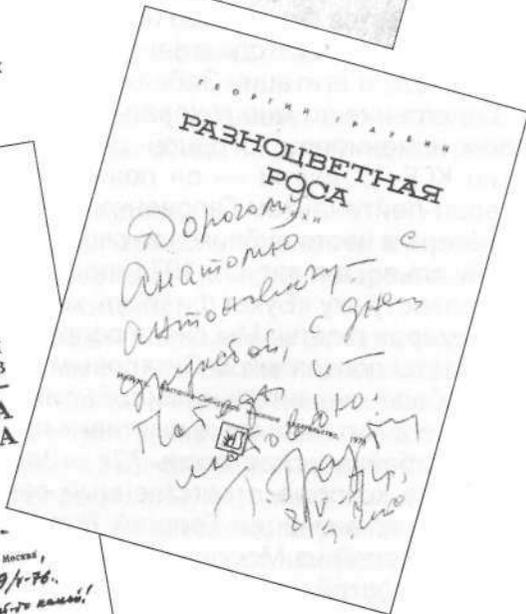
Теперь я часто публиковал свои стихи в газете «Пограничник Забайкалья», а в августе 1974 года опубликовал и свою небольшую повестушку «Букет фиалок», которая печаталась в нескольких номерах газеты. Мы снова подружился с главным редактором газеты полковником Сигаловым Ильей Михайловичем.

Наиболее значительными событиями того времени были проводимые в Чите книжные выставки-ярмарки, которые именовались «Забайкальская осень-72», «Забайкальская осень-1973» и т. д., на которые ответственный секретарь Читинской писательской организации Георгий Рудольфович Граубин приглашал писателей из Москвы, Иркутска, Красноярска, Калмыкии и других областей и республик.

В Читу съезжались известные и малоизвестные писатели. Среди них были Константин Симонов, Марк Соболь, Яков Аким, Алексей Смольников, Марк Сергеев, Давид Кугультинов и многие другие.

Автографы на титульных листах подаренных книг

Это были настоящие праздники книги. Проходили они на большой центральной площади, которую читинцы почему-то называли Красной.

На развалах с утра лежали сотни книг, но к вечеру столы были пустыми — читинцы раскупали книги пачками. Во-первых, они были дешевле, чем в магазинах, а во-вторых — с автографами авторов.

Особенно большие толпы окружали столы Константина Симонова, Марка Соболя, Давида Кугультинова и Георгия Граубина.

По вечерам писатели собирались в гостиной гостиницы и за стопкой водки и чашкой чая вели задушевные беседы. В этих беседах принимал участие и я. Чаще всего я сидел с Константином Михайловичем Симоновым, который уже знал о моем стремлении к творчеству и давал разумные советы. Я много добрых советов воспринял тогда от своих собратьев по перу, которые мне пригодились в будущем.

Выставка-ярмарка проходила два дня, в субботу и воскресенье. Потом Гошка Граубин и Костя Симонов шли к начальнику политотдела Забайкальского пограничного округа генерал-майору Нагибину и просили разрешения проехать с группой писателей по заставам двух пограничных отрядов и выступить перед пограничниками. Просили также, чтобы группу возглавил я. Нагибину ничего не оставалось делать, как согласиться.

И в течение двадцати дней мы выступали на пограничных заставах. Там, где заставы стояли в селах, выступали в сельском клубе, куда приглашались и пограничники, а где не было населенных пунктов, выступали прямо на заставе.

И каждый раз Гошка Граубин, не спрашивая моего согласия, объявлял:

— А сейчас свои стихи вам прочитает бывший ваш начальник политотдела Анатолий Невара.

И я читал:

МАМА

Ты грустишь, моя мама, накинув на плечи платок.
Ты стоишь у окна и сквозь слезы глядишь на дорогу.
А дорога ведет далеко, далеко на восток.
Ты по ней ждешь меня после службы к родному порогу.

Не тревожься, родная, у нас здесь стоит тишина.
Лишь орлы над Хинганом да ветер нарушит границу.
Ты в одном лишь права: нам, конечно, сейчас не до сна.
На чужой стороне беспокойно встревожены птицы.

Но ты, милая мама, не плачь по утрам обо мне.
Я нашел здесь друзей, на которых могу положиться.
Я в дозоре стою, в пограничной ночной тишине,
Чтобы здесь для врага была прочно закрыта граница.

И еще я читал «Иду в дозор»:

Потух закат, и снова ночь глухая,
Как пологом, покрыла все вокруг.
Зашторенные окна на заставе,
И синь реки, и белоснежный луг.

Природа спит, и людям сладко спится.
Притих степной размашистый простор.
Только не дремлет чуткая граница,
И я опять иду в ночной дозор.

Иду в дозор, чтоб день сиял лучисто,
Чтобы шумели нивы и леса.
И чтоб была нетронутой и чистой
Контрольно-следовая полоса.

Праздники «Забайкальская осень» заставили меня по-серьезному задуматься над своим творчеством. Я стал больше присматриваться к людям, пытаюсь определить их характер, склонности, привычки. Стал накапливать материал, записывая в заветную тетрадь результаты своих наблюдений, интересные факты и события. В другой тетради накапливал материал из воспоминаний о прошлом. Этот материал мне здорово помог, когда после увольнения из войск вплотную занялся художественным творчеством.

Всеармейское совещание идеологических работников Министерства обороны Советского Союза

Одним из знаковых событий в моей службе было участие 28—29 января 1975 года во Всеармейском совещании руководящих идеологических работников Министерства обороны Советского Союза. Тем более что на нем предполагалось мое пятнадцатиминутное выступление по вопросу советско-китайских отношений.

Подготовка к совещанию началась задолго до его открытия. Сначала я готовил тезисы для выступления самостоятельно. Начал с появления исторического парадокса, потом изложил соображения, почему первые пограничники несли службу не по государственной границе, а по красной линии, приводил примеры жесткого противостояния, с подробным описанием действий китайских провокаторов, в том числе и на станции Забайкальск. А завершал выводами о необходимости гибкого подхода к решению вопросов, возникающих на советско-китайской границе.

За неделю до совещания меня вызвал только что назначенный начальником политотдела Забайкальского пограничного округа генерал-майор Скотников. Он прочитал мое выступление и сказал:

— Вопрос вы, Анатолий Антонович, упростили до предела, то есть свели до уровня своего пограничного отряда. А надо показать внутриполитическую обстановку в Китае в целом, идейное обольщение китайского народа, его слепое повинование идеям Мао Цзедуну. Бездумное цитирование его цитатников. Потом изложить обстановку на всей советско-китайской границе, закончив островом Даманским. А исторический парадокс вообще из выступления исключить. Я проинструктирую Петра Власовича, и вы с ним отработаете новый текст выступления.

На следующий день мы с заместителем начальника политотдела округа полковником Ковалевым Петром Власовичем корпели над отработкой нового текста выступления в свете инструктажа генерал-майора Скотникова.

Потом мне дали машинистку, и она отпечатала и мой первый и второй тексты выступлений.

За пять дней до совещания меня вызвали в Москву. Так как начальника Политуправления пограничных войск КГБ СССР уволили, а нового еще не назначили, меня принимал исполняющий его обязанности генерал-майор Щур. После моего доклада он набрал телефонный номер и, когда на другом конце провода ответили, сказал:

— Евгений Дмитриевич, заходи ко мне.

Через несколько минут в кабинет зашел начальник отдела пропаганды и агитации пограничных войск Союза генерал-майор Соловьев.

— Евгений Дмитриевич, — сказал Щур, — товарищ Невара будет выступать на Всеармейском совещании идеологических работников, посмотри текст его выступления и, если нуж-

но, вместе с ним сделайте дополнения и изменения. Если вопросов нет, вы свободны.

И мы пошли с Евгением Дмитриевичем в его кабинет. Работали два дня. Когда закончили, то от моего первоначального текста ничего не осталось. Выхолощено было все. Остались одни общие рассуждения о том, что пограничники, воспитанные Коммунистической партией, и впредь будут мужественно отражать все попытки китайских провокаторов обострять обстановку на советско-китайской границе. И впредь будут крепить дисциплину и так далее.

Отпечатал я и третий вариант выступления.

За два дня до совещания меня вызвал начальник пограничных войск Советского Союза генерал армии Матросов. С душевным трепетом я шел к нему на прием. Честно признаться, просто боялся, хотя знал о нем как об исключительно порядочном и интеллигентном человеке.

А когда вошел и Матросов, поднявшись мне навстречу и тепло поздоровавшись, пригласил сесть за приставной стол, а сам сел напротив, боязнь словно улетучилась.

— Ну как, к выступлению на совещании идеологических работников готовы, Анатолий Антонович?

— Готов, товарищ генерал, — не совсем уверенно ответил я.

— Тогда читайте свои тезисы, — улыбнувшись, сказал Матросов.

Я прочитал последний, третий вариант выступления. Матросов слушал, не перебивая.

— Вы это выступление сами готовили? — вдруг спросил генерал армии Матросов.

— Никак нет, товарищ генерал, — робко ответил я. — Это третий вариант, подготовленный с генерал-майором Соловьевым.

— Что значит третий? — спросил генерал Матросов. — Надо понимать, что есть второй вариант и есть первый.

— Так точно, — опять робко ответил я.

— Какой ваш?

— Первый.

— Вот и читайте свой первый вариант.

Я прочитал его без запинки и, не заглядывая в бумаги, так как фактически уже знал его почти наизусть.

— Замечательно! — повеселел Матросов. — Вот с этим вариантом и будете выступать. На совещании будете сидеть в третьем ряду с краю. С вами будет сидеть генерал-майор Соловьев. Если надо будет внести какие-то изменения или допол-

нения, он подскажет. А пока идите отдыхайте, — и он тепло пожал мне руку.

27 января 1975 года утром я разместился в гостинице Центрального Дома Советской Армии. В этот день для участников совещания было организовано посещение Центрального музея Вооруженных Сил СССР, а в 19 часов вечера в малом зале ЦДС мы присутствовали на спектакле Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама».

Совещание началось 28 января 1975 года в 10 часов утра в Центральном Доме Советской Армии. С докладом «О задачах идеологической работы в Вооруженных Силах в свете решений ЦК КПСС» выступил министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Гречко А. А. С содокладами выступили: кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Пономарев Б. Н. и начальник Главного политического управления СА и ВМФ генерал армии Епишев А. А. Участники совещания доклады прослушали внимательно, в зале стояла тишина.

Мы с генерал-майором Соловьевым, как и было предусмотрено, сидели в третьем ряду. Прямо перед нами во втором ряду сидел молодой генерал-майор. Слева от него сидел вице-адмирал, а справа генерал-полковник. Оба они, наклоняясь к генерал-майору, о чем-то ему тихо говорили. А тот с гордо поднятой головой кивал в знак согласия или произносил несколько фраз.

— Кто это? — спросил я у генерала Соловьева.

— Генерал-майор Чурбанов, — ответил Соловьев. — Будущий наш начальник Политуправления пограничных войск Союза.

— Это который муж Галины Брежневой? — удивленно спросил я.

— Он самый.

После трех докладов объявили двадцатиминутный перерыв. Я тихонько шепнул генерал-майору Соловьеву:

— Давайте в перерыве подойдем поближе к нашему будущему шефу, чтобы хоть рассмотреть его поближе.

— Попробуем, — сказал загадочно Соловьев, и мы стали пробираться к выходу, естественно пропуская старших по званию.

Когда нам наконец удалось выйти в длинный коридор, вокруг Чурбанова уже было около двух десятков генералов. А он стоял в центре, внимательно слушая их. И иногда и сам произносил (очевидно, глубокомысленные) фразы, и генералы то молча кивали головами, то заразительно смеялись.

Такое даже не чиновничество, а открытый, грубый и массовый подхалимаж поразил меня до глубины души. Там, на совещании, я понял, что назначение Чередилова, не служившего ни одного дня в пограничных войсках, на должность начальника политотдела Никельского пограничного отряда, а потом возвращение в Москву и присвоение ему генеральского звания не единичный случай, а система, как ржа, разъедающая кадровую политику, ничего общего не имеет с социалистическими принципами подбора кадров.

После перерыва начались прения. Все выступления были похожи одно на другое. В основном изобиловали общие фразы и реляции о положительном процессе в укреплении обороноспособности страны и успехах в деятельности политических органов по воспитанию молодых солдат.

В зале стоял тихий гул. По-моему, многие присутствующие в зале выступающих не слушали, а разговаривали друг с другом. Тем более что многие из участников совещания были в генеральских званиях различных рангов.

Наконец объявили и меня.

Я шел на сцену с дрожью в коленках и боялся, что не смогу произнести ни единого слова. Но после нескольких фраз успокоился и до конца выступления держал себя в руках.

Первые две-три минуты в зале был такой же тихий гул, как и у большинства выступающих. Но благодаря тому, что я не читал с бумажки и говорил эмоционально, опираясь на массу фактического материала о провокационных действиях китайцев, гул в зале вдруг стих. Это меня еще более ободрило, я окончательно успокоился и довел свое выступление до конца. Под аплодисменты спустился в зал и сел на свое место. Генерал-майор Соловьев молча пожал мне руку.

По окончании первого дня работы совещания, после ужина, в двадцать часов для участников совещания был дан концерт мастеров искусств. Особенно запомнились замечательные песни и зажигательные танцы дважды Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии, веселые пародии в исполнении Геннадия Хазанова, песни «Мужчины» и «Поговори со мною, мама» в исполнении Валентины Толкуновой и «Горячий снег» в исполнении Иосифа Кобзона.

На следующий день, то есть 29 января, с 9 до 13 часов работали по секциям. Восемь пограничников, принимавших участие в совещании, занимались в секции сухопутных войск.

После обеда, с 14 до 17 часов, продолжилось пленарное заседание, после чего совещание завершило свою работу.

На следующий день меня снова принял генерал армии Матросов и поблагодарил за хорошее выступление. После обеда вылетел в Читу.

На курсах руководящего политсостава Министерства обороны

После возвращения из Москвы я все чаще стал задумываться над своим будущим. Теряя зрение, долго уже служить не мог. А после увольнения оставаться в Чите мне не хотелось, хотя с Читой и сроднился за десять лет службы. Но все же это была периферия.

В это время на здравоохранительном небосклоне взошла яркая звезда Федорова с его «Микрохирургией глаза». Чтобы воспользоваться этой клиникой, в июле 1975 года я позвонил начальнику Политуправления пограничных войск Союза генерал-лейтенанту Гапоненко и, ссылаясь на потерю зрения, попросил его перевести меня в Москву. Валентин Константинович ответил:

— Хорошо, Анатолий Антонович, буду искать такую возможность.

Прошло два месяца. И вот в сентябре 1975 года в округ пришла телеграмма следующего содержания:

«К 1 октября 1975 года направьте в Москву на 4-месячные курсы руководящего политсостава Министерства обороны Невару Анатолия Антоновича».

29 сентября я был уже в Москве. Зашел в политуправление. Генерал-лейтенант Гапоненко сказал, что пока буду на курсах, он постарается решить вопрос о переводе меня в Москву.

1 октября начались занятия. Из преподавателей запомнил только Волкогонов. Лекции о внутривнутриполитическом положении Советского Союза, преимуществах социализма перед капитализмом и международном положении СССР он читал прекрасно.

Абсолютное большинство слушателей на курсах были генералы, которые могли пропускать занятия. Но на лекции Волкогонова приходили все и добросовестно писали, надеясь на то, что потом будут читать эти лекции своим офицерам.

И каково же было мое удивление и возмущение, когда через двадцать лет Волкогонов превратился из рьяного защитника социализма в злобного очернителя не только социализма, а всего советского строя.

На Новый год нам дали три дня отдыха. Можно было лететь в Читу. Но я остался в Москве, так как в Чите меня никто не ждал. Старший сын Саша после окончания пограничного училища служил заместителем начальника заставы Нерзаводского пограничного отряда Забайкальского пограничного округа. Младший сын Толя после окончания института иностранных языков работал в школе в районном центре Кыра Читинской области. Полина не захотела одна быть дома — уехала к маме.

31 декабря, ближе к вечеру, я позвонил московскому поэту Алексею Смольникову и поздравил его и его жену Диану с Новым годом.

— Спасибо, Толя, — обрадовался моему звонку Алексей. — А собственно, ты откуда звонишь?.. Такая хорошая слышимость.

— Из Москвы. Нахожусь здесь на четырехмесячных курсах политсостава.

— И давно?

— Уже три месяца.

— Эх ты, чертушка. Почему же ни разу не заехал в гости? Или хотя бы позвонил. Забываешь друзей. Ну да ладно, об этом потом. Немедленно езжай ко мне. Адрес и как ехать, ты знаешь.

— Хорошо, Алеша, еду.

Купив бутылку коньяка, колбасы, апельсинов, поехал к Алексею Смольникову. Войдя в квартиру, обнялся с Алешей, поцеловал в щечку Диану и, оглянувшись вокруг, не увидел праздничного стола.

— Встречать Новый год будем не здесь, — заметив мой удивленный взгляд, сказал Смольников. — Сейчас поедem к Марку Соболю.

Когда мы приехали к Марку, он стоял перед зеркалом и примерял новый галстук. Жена его ушла в другую комнату одеваться. Я снова посмотрел вокруг и тоже не увидел праздничного стола.

— И здесь мы не будем встречать Новый год, — сказал Алеша. — Мы поедem к Лии Лазаревне Гайдар.

— Что? — не поверил я своим ушам. — К жене Аркадия Гайдара? Да?

— Да, Толя, да.

— Я не поеду. Для меня она — недостижимая величина. Что вы! В дом Аркадия Гайдара? Нет, не поеду.

Марк наконец завязал галстук и уставился на меня широко открытыми глазами.

— Нет, Леша, ты послушай, что сказал этот, с позволения сказать, пограничный полковник. Нет, ты послушай, он не хочет ехать к Лии. Так она же на него обидится.

— Как обидится? — удивился я. — А откуда она знает, что я должен приехать.

Марк подошел к телефону, снял трубку и набрал номер.

— Лия, ты только послушай меня. Этот пограничный полковник Невара не хочет к тебе ехать. Он хочет сказать, что ты для него недостижимая величина... Да... да... Конечно, да... На, — и Марк протянул мне трубку.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, — услышал я в трубке приятный, бархатный голос. — Что вы выдумываете? Что значит недостижимая величина? Ну, что за ерунда?.. В общем, жду вас вместе с Марком и Лешей.

— Понял, Лия Лазаревна. Я приеду, — смущенно произнес я.

У Лии Лазаревны мы были в 22 часа. Встретила она нас очень радушно. Поздоровавшись со всеми, она сказала Марку Соболю:

— Маричек, Анатолий Антонович у нас впервые. Познакомь его с нашими обычаями.

— Пошли, старик, — сказал Марк и повел меня по большой квартире.

Сначала подошли к двери, на которой висела табличка «Банкетный зал». Вошли. Это оказалась длинная комната, все стены которой от пола до потолка были заставлены стеллажами с книгами. В том числе и фолиантами, которым было по несколько сот лет. И только в одном месте была ниша, в которой стояла картина — Аркадий Гайдар за столом в рабочем кабинете. В центре зала по диагонали стоял стол, накрытый для новогоднего торжества. А в углу стояла елка.

— Толя, я не объясняю тебе, для чего банкетный зал. Ты, я думаю, и сам догадался.

После «Банкетного зала» мы подошли к двери, на которой висела табличка «Конференц-зал». Вошли. В комнате стояло несколько журнальных столиков, на них лежали газеты, сигареты, спички, стояли пепельницы. Рядом со столиками — по несколько небольших, но удобных кресел.

— Это, старик, зал для сплетен. Периодически мы будем сюда заходить и делиться слухами о светской жизни столицы и страны.

Следующий зал — танцевальный.

— Сюда мы будем ходить танцевать, — сказал Марк. — А это бар.

— Я уже прочитал, Марк. Но зачем? — удивился я.

— Сейчас поймешь.

Мы вошли в небольшую комнату, задняя стенка которой была уставлена различными напитками. А за стойкой стоял молодой бармен в белой рубашке и в галстучке бабочкой.

— Разве все эти напитки выставишь на стол? Конечно же нет, — стал объяснять Марк. — А вдруг кому-то захочется хорошего вина, прохладительного напитка или, скажем, коктейля «Серая лошадь» со льдом. Приходи, заказывай и пей. Денег платить не надо. Вот так, старик.

Наконец мы подошли к двери, на которой было написано «Сандуновские бани».

— Почему бани, Марк? Да еще и сандуновские?

— Старик, это же юмор. Ты видишь слова в кавычках... — сказал Марк и открыл дверь.

Это была большая ванная комната с двумя ваннами и душем. На самой длинной стене висело штук двадцать полотенец, над ними — таблички с фамилиями.

— Ну-ка найди, Толя, свое полотенце, — сказал, улыбаясь, Марк.

И я действительно увидел полотенце, над которым стояла моя фамилия...

— Так вот, если тебе захочется принять ванну или душ, ты, никого не спрашивая, идешь сюда и принимаешь. А вытираешься своим полотенцем. Правда, сначала на задвижку закроешь дверь.

— Спасибо, Марк, все понял.

Когда мы закончили обход, гостей прибавилось. Появились Яша Аким с женой, Оскар Хавкин с женой и... Тимур Гайдар с женой и 14-летним сыном Егором.

Яша кинулся меня обнимать, приговаривая:

— Ну чер-тя-ка Толя... Ну, старик... Ну у-у-уд-ру-жил, что приехал. А п-п-по-че-му в форме. У-у-у тебя нет костюма?

— Яша, — сказал я, наконец вырвавшись из его объятий, — я здесь на сборах.

— А!.. А я-то д-д-думал... Ну да ладно. Это тоже х-х-хорошо.

Яша немного заикался, но это не мешало ему писать прекрасные детские стихи и публиковать их в нескольких детских союзных журналах.

После этого я познакомился с Тимуром Гайдаром, с его красавицей-женой и Егорушкой. Егорушка, как его называла бабушка Лия, сразу вступил со мной в разговор о границе, не столько слушая меня, сколько сам высказывал на полном серьезе соображения об охране границы.

До нового года оставалось минут пятнадцать.

— Ну что, Лия, будем садиться. Может, он не придет.

— Нет. Что ты. Он бы обязательно позвонил. Подождем еще минут пять — не будет, тогда сядем.

И тут раздался дверной звонок.

— Ну, наконец-то, — сказала Лия Лазаревна и пошла открывать дверь. На пороге появился Константин Симонов. Так вот кого ждали! Расцеловавшись с Лией Лазаревной, он подошел к нам и с каждым поздоровался за руку.

— О, Анатолий, — здороваясь со мной, произнес он и запнулся.

— Антонович, — подсказал я.

— Да, да, Антонович. Каким ветром занесло в столицу?

— На сборах, Константин Михайлович.

— Нужно дело, — сказал он и повернулся к Лие Лазаревне: — Прошу прощения, Лия, за опоздание. Так получилось... Ну что, будем садиться.

— Конечно, Костенька... пора, — и все двинулись к столу. — Тамадой сегодня у нас будет Марк, — сказала Лия Лазаревна, когда все расселись. — Давай, Маричек.

Сначала Марк предложил добрым словом помянуть Аркадия Гайдара. Все молча поднялись и, не чокаясь, выпили по стопке.

Потом выпили за уходящий год. Прослушали правительственное поздравление по радио. И когда пробили куранты двенадцать раз, выпили за новый 1974 год.

Вечер проходил очень интересно. После двух-трех тостов шли либо в конференц-зал, рассказывали светские сплетни и анекдоты, либо в танцевальный зал и танцевали. Потом снова возвращались в банкетный зал. Пьяных не было, все были только навеселе. И так всю ночь. Всю ночь бодрствовал и Егорушка. В конференц-зале он принимал самое активное участие во всех беседах. Причем на полном серьезе, как взрослый.

— Ах, какой умный малчик! — не выдержал Оскар Хавкин и всплеснул руками. Никто тогда не думал, что этот «малчик» войдет в политику со взглядами, резко противоположными дедовым — Аркадия Гайдара и отцовским — Тимура Гайдара.

В шесть часов утра, с началом работы метро, Лия Лазаревна объявила:

— Сейчас все по домам. Немного отдохнем и в два часа дня снова всем быть у меня. Анатолий Антонович отдохнет у нас.

— Н-н-нет, Лия Лазаревна, он п-п-поедет к нам, — воспрепятствовал Яша Аким. — Мы живем н-н-недалеко. А у вас и своих гостей х-х-хватает.

— Ну, хорошо, Яша, не возражаю, — согласилась Лия Лазаревна.

Все разъехались по домам. Но в два часа дня все снова были у Лии Лазаревны. Праздник продолжался. Наконец в двадцать два часа все разъехались по домам, а я поехал в гостиницу.

При прощании Лия Лазаревна сказала мне, что по воскресеньям у нее бывают посиделки с чаепитием, в которых участвуют в основном те писатели, которые были и на празднике. Предложила, пока я в Москве, приезжать тоже. Я воспользовался этим предложением и неоднократно бывал на этих чаепитиях. Поистине чаепитиях, без спиртного, на них обсуждались проблемы литературы, которые много дали в становлении меня как писателя.

3 января в 10 часов меня вызвали с занятий, чтобы я позвонил генерал-лейтенанту Гапоненко

Первый вопрос, который задал мне Валентин Константинович, был, могу ли я проститься с зеленой фуражкой и перейти в центральный аппарат КГБ, так как в настоящее время полковничьих должностей в Политуправлении погранвойск нет. Несколько секунд поразмыслив, я ответил:

— Думаю, что за тридцать два года службы я немало отдал границе. Так что с зеленой фуражкой можно уже и прощаться. Тем более при переводе в центральный аппарат КГБ.

— Тогда, Анатолий Антонович, завтра к десяти часам вы должны быть на Мосфильмовской улице в районе «Мосфильма». На противоположной стороне в высоком каменном заборе найдете калитку и нажмете на кнопку звонка. Вас впустят, выпишут пропуск и проведут к Николаю Ивановичу на беседу. Это одно из Главных управлений центрального аппарата. Больше, к сожалению, я не могу ничего предложить.

— И за это огромное спасибо вам, Валентин Константинович.
— Если вопросов нет, до свиданья.
— Вопросы нет. До свиданья, Валентин Константинович.
(Пусть не шокирует дорогого читателя мое обращение к генерал-лейтенанту Гапоненко по имени и отчеству. Мы так привыкли называть друг друга с того момента, когда я был заместителем начальника политотдела пограничного отряда у подполковника Гапоненко.)

На другое утро я уже был на Мосфильмовской. Нашел калитку в заборе и ровно в десять часов нажал кнопку звонка. Дверь тут же отворилась, и на пороге появился могучий прапорщик. Внимательно проверив мои документы, он провел меня в бюро пропусков, откуда уже с другим прапорщиком я пошел по ухоженному двору к одному из многоэтажных зданий. Поднялись на второй этаж и по длинному коридору прошли в приемную. По пути у меня несколько раз проверяли пропуск.

В приемной товарищ в штатском тоже проверил мои документы и пропуск, потом скрылся за дверью, обитой кожей.

Через несколько минут он вышел и оставил открытой дверь.
— Заходите, — пригласил он.

Я вошел в большой, если не сказать огромный, кабинет. Слева у глухой стены стоял длинный стол для заседаний. Справа у окон стоял большой письменный стол с приставным столиком, за которым стояло четыре стула, по два с каждой стороны.

За столом сидел маленький (как мне показалось, очевидно, из-за величины стола) человек в штатском костюме. Когда я вошел, он поднялся и пошел мне навстречу и оказался одинакового со мной роста.

Приложив руку к головному убору, я представился.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, я Николай Иванович, — представился и он, пожимая мне руку. — Проходите, садитесь, — показал он на стул за приставным столиком.

Потом он нажал какие-то кнопки и, повернувшись к аппарату, сказал:

— Заходите, Анатолий Антонович Невара уже у меня.

Через несколько минут в кабинет вошли два человека в штатском и сели на стулья за приставным столиком, против меня. Началась беседа, длившаяся более двух часов.

Вопросы задавали попеременно все три человека. Причем часто перескакивали с одной темы на другую. Прямо противоположную. Во всяком случае, неожиданную. Например:

— Расскажите о своих братьях и сестрах.

А после этого:

— Какую книгу последнюю читал?

Или:

— Как относитесь к балету?

На вопрос — какое имеете хобби? — я ответил:

— Пишу стихи, рассказы и повести.

И так далее.

Я наконец догадался, что происходит тестирование меня.

По истечении двух с лишним часов Николай Иванович сказал:

— Анатолий Антонович, выйдите на несколько минут, мы совещаемся.

Я вышел и облегченно вздохнул.

Минут через пять меня снова пригласили, и Николай Иванович сказал:

— Анатолий Антонович, вы нам подходите. Мы можем вам предложить должность полковничью, денежное содержание несколько выше нынешнего вашего, но... вот беда — вам 49 лет. А после 45 — решение о переводе в Москву принимается только на уровне министров. У нас — на уровне председателя КГБ. Но мы постараемся подойти к Юрию Владимировичу Андропову, когда у него будет хорошее настроение, и попробуем убедить его, чтобы вопрос решить положительно. Результаты вам сообщим. До свидания.

Из здания я вышел окрыленный.

До конца сборов я так и не дождался ответа. И уехал в Читу.

Сразу же по междугородному позвонил Полине. Она пришла на телефонную станцию только на второй раз. Я ей сказал, что решается вопрос о переводе меня в Москву. А она, всхлипывая, сказала:

— Мама тяжело больна. Я не могу ее оставить. Если что случится, я себе не прощу... А если тебя переведут в Москву, я сразу туда приеду.

Сколько ее ни уговаривал, она стояла на своем, и я повесил трубку.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Прибалтийский пограничный округ

6 февраля 1976 года меня срочно позвали на аппарат ВЧ. Вызывала Москва. Я взял трубку и представился.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, говорит Николай Иванович.

— Здравия желаю, Николай Иванович.

Поздоровался, а у самого руки задрожали.

— Анатолий Антонович, мы долго искали подход к Юрию Владимировичу Андропову, но, увы, ничего не получилось. На ваших бумагах он написал: «В Москве и так пенсионеров много. Отказать». Так что простите нас и не обессудьте. Если вопросов нет, до свиданья.

Попрощавшись, медленно побрел в свой кабинет. Увы, Москва для меня недоступна. Через два дня позвонил генерал-лейтенанту Гапоненко.

— Валентин Константинович, — не очень весело начал я, — Николай Иванович сообщил...

— Я уже знаю, Анатолий Антонович, — перебивая меня, сказал Гапоненко. — Очень жаль, конечно. Но ничего не поделаешь, такой порядок.

— Валентин Константинович, создан новый Прибалтийский пограничный округ. Может, меня туда переведете.

— Там осталась только одна вакантная должность — старший лектор политотдела. Это для вас, Анатолий Антонович, хотя и небольшое, но понижение.

— Я согласен на понижение, Валентин Константинович.

— Вы хорошо подумали?

— Очень хорошо.

— Тогда ждите приказа. До свиданья.

И уже 10 февраля 1976 года пришел приказ откомандировать меня в распоряжение политотдела Прибалтийского пограничного округа.

Позвонил Полине и сообщил ей:

— Перевод в Москву не состоялся...

— У тебя вообще ничего не состоится, — перебивая меня, произнесла Полина.

Сделав вид, что на реплику не обратил внимания, продолжил:

— Думаю, что увольнение уже не за горами. Но не оставаться же в Чите. Поэтому позвонил генерал-лейтенанту Гапоненко и попросил перевести меня в Ригу, во вновь сформированный пограничный округ. Приказ уже пришел. Через четыре дня вылетаю. Поэтому прилетай в Читу немедленно. Не оставлять же квартиру без присмотра.

— А ты упаковывай вещи и отправляй в Ригу. Я приеду прямо туда.

— Куда? Многоквартирный жилой дом только строится. Будет готов через несколько месяцев. Я где вещи буду хранить?

— И что... я пока буду жить в Чите? Дудки!

— Полина, ничего не случится, если и поживешь. Это ведь последний переезд. Вылетай немедленно.

— А как же мама?

— Я думаю, что с мамой за это время ничего не случится. Так что вылетай.

— ...

— Ты слышишь меня, Полина? Я говорю, вылетай немедленно.

— Слышу... Хорошо.

И в трубке послышались гудки. Значит, повесила трубку. Я умышленно тянул с расчетом. Еще два дня ждал после расчета. Но так и не дождался. Взял билет и улетел в Ригу.

По прибытии в Ригу представился начальнику политотдела Прибалтийского пограничного округа генерал-майору Боканю Ивану Кирилловичу, который знал меня еще лейтенантом по 93-му (6-му Гдыньскому ордена Красной Звезды) пограничному отряду, где он, будучи старшим лейтенантом, работал в кадрах. Это от него я узнал, когда уезжал из пограничного отряда, что за шесть послевоенных лет в боях с оуновскими бандитами мы потеряли 71 пограничника и свыше ста было ранено.

Принял Бокань меня тепло. Даже обнялись.

— А теперь садись и слушай, — сказал Иван Кириллович. — Многоквартирный дом войдет в строй через несколько месяцев.

Как участник войны, получишь квартиру первым и перевезешь семью. А пока поживешь в гостинице, где живет большинство офицеров.

Рабочее место Иван Кириллович определил мне в небольшом кабинете, вместе с начальником пропаганды и агитации политотдела округа полковником Вобликовым. Впрочем, все управление округа располагалось на двух этажах жилого дома, правда, с отдельным от жильцов дома входом.

После того как я устроился, большую часть времени проводил на пограничных заставах, где читал лекции. В конце февраля возвратился в Ригу, чтобы получить денежное содержание. Позвонил в Читу. Ответил младший сын Толя.

— Здравствуй, сынок, — поздоровался я.

— Здравствуй, папа. Почему так долго не звонил?

— На границе работал. А где мама? Я хочу ей выслать деньги.

— Уехала к своей матери.

— Что?

— Говорю, уехала к своей матери. Пап, а ты не сможешь мне немного денег подбросить?

— Конечно, смогу, сынок. А когда мать уехала?

— С неделю... Сказала, что мать заболела.

— А ты долго будешь в Чите?

— Не знаю... Как получится.

— Ну ладно, будь здоров. Желаю удачи.

Я положил трубку и задумался: «Опять мама! Да сколько же можно?»

Я знал, что ссылка Полины на болезнь матери ничего общего с истиной не имела. Это был только предлог. После войны ее мать нигде не работала, хотя числилась колхозницей. Жила за счет своего хозяйства да тех денег, которые Полина, тайно от меня, высылала ей ежемесячно. О чем я только догадывался.

(Забегая наперед, скажу, что ее мать имела крепкое здоровье, пережила свою дочь почти на тридцать лет и умерла в возрасте 96 лет.)

Выслав деньги Полине, снова поехал на границу. Но через неделю мне позвонил генерал-майор Бокань:

— Анатолий Антонович, приезжай немедленно, а то я сойду с ума.

— Что случилось, Иван Кириллович? — обеспокоенно спросил я.

— Уже второй день в Риге твоя жена. Удивляюсь, как ты с ней прожил почти тридцать лет. Я одного дня не выдержал. Она

даже Андроповым меня пугала, если немедленно не дам тебе квартиру. Так что приезжай и разбирайся с ней сам.

К вечеру был уже в Риге. Приехал в гостиницу. Полина сидела в моем номере одна, выдворив из двухместного номера майора, с которым я жил.

— Ты, сволочь, до каких пор будешь надо мной издеваться? — с ходу разошлась она. — Почему перевелся в Ригу, не посоветовавшись со мной?

— Потому, что ты жила у мамы. А мне нужно было решать срочно, так как не собирался после увольнения оставаться в Чите.

— Поехали бы к маме. Она уже тебе и работу нашла.

— К твоей маме в деревню никогда в жизни не поеду.

— Ну, вот что... Если завтра же тебе не дадут квартиру, чтобы я немедленно переехала сюда со всеми шмотками, тогда ты мне... больше не муж. Мне надоело болтаться без квартиры.

В висках застучали молоточки, трудно стало дышать. Но, удержав себя от взрыва, поднялся и тихо произнес:

— Вот даже как!.. Больше не муж!.. Ну что же, считай, что ты сама себе подписала приговор. До утра можешь жить в моем номере. Утром езжай к своей маме... Прощай!

Сказал и быстро вышел из номера.

— Толя, обожди... Толя, я погорячилась!.. — закричала она и кинулась за мной.

Быстро спустившись по лестнице, я скрылся за углом. Она, рыдая, побегала по улице и возвратилась в гостиницу.

«Я спокоен, спокоен, спокоен...» — повторял я, как заклинание, бродя по вечерним улицам Риги.

Возвратившись в гостиницу, попросился в свободный номер, и мне предоставили такую возможность. Разделся, лег, но долго не мог уснуть. На душе тревога.

Вдруг я подумал: «А ведь она права в отношении квартиры. Из одиннадцати мест службы я только в трех последних имел нормальные квартиры. А в восьми — жил либо на частной квартире, либо в коммуналке... Ну и что? Другие жены пограничников тоже так живут, но не возникают... А почему я думаю, что не возникают? Многие наверняка возникают». С этой мыслью и уснул.

Утром, приехав в управление пограничного округа, зашел к Боканю и рассказал о перипетиях ночи. Одновременно сказал, что буду подавать документы на увольнение, так как, разойдясь с женой, не имею морального права работать политработником.

— Я тебя понимаю, Анатолий Антонович. Но давай договоримся так: ты будешь служить, пока не получишь квартиру. Оставляешь ее жене, а сам едешь, куда тебе захочется. Так, думаю, будет честно и по-человечески.

— Вы, наверное, правы, Иван Кириллович. Так и поступлю.

Прошло три месяца. Я получил квартиру и оформил ее на жену и младшего сына. Сам жил на частной квартире, адрес которой знал только Бокань. Большую же часть времени работал на заставах, а милый Иван Кириллович выдерживал осаду моей жены.

При очередном приезде в Ригу написал рапорт на увольнение и, получив денежное содержание, зашел к генералу Боканю:

— Иван Кириллович, пока не пришел приказ на увольнение, хочу снова уехать на границу.

— Нет, не на границу, а в Таллиннский пограничный отряд. Там послезавтра начинается семинар заместителей начальников застав по политической части. Должен был ехать Вобликов, но он заболел. Придется тебе ехать, Анатолий Антонович.

— Когда?

— Сегодня.

— Но вы же знаете, Иван Кириллович, что в день отъезда на таллинский поезд невозможно достать купейный билет.

— В крайнем случае возьми плацкартный, а бригадир поезда найдет тебе купейный. Ты же будешь в форме.

— Хорошо, Иван Кириллович, я поеду.

Забегав в гостиницу, собрал последние вещи, которые там оставались, и открыл ящик стола, где лежали все мои документы, в том числе и диплом об окончании университета. Но документов там не оказалось, значит, забрала Полина. Остались одни записные книжки. И за то спасибо.

(Забегая наперед, скажу, что документы вернул мне старший сын Саша уже после смерти матери.)

Вещи отвез на частную квартиру, где жил, и поехал на вокзал. Кассирша, увидев меня в пограничной форме, с горечью сказала, что ни одного купейного места нет, а потом, улыбнувшись, сказала:

— Товарищ полковник, у меня сын служит в пограничных войсках и очень доволен этим. Я поставлю все кассы на уши, но к отправлению поезда купейный билет вам найду. Подойдите ко мне за сорок минут до отправления поезда.

— Спасибо, буду надеяться, — сказал я и пошел в зал ожидания.

Сел поудобнее, так как придется ждать несколько часов, и стал читать книгу. Но не столько читал, сколько думал горькую думу: к концу службы остался у разбитого корыта — ни жены, ни семьи, ни квартиры. Наконец созрела мысль: поеду в Минск к другу — Виктору Трегубову, с которым начинал службу в 93-м пограничном отряде, и несколько успокоился.

За сорок минут до отправления поезда подошел к кассе. Кассирша, увидев меня, отправила очередь к другим кассам, закрыла окошко и начала звонить по телефону. Минут через десять, очевидно так ничего и не добившись, она положила трубку и огорченно посмотрела на меня.

И вдруг ее словно чем-то озарило изнутри. Хитровато улыбнувшись, она взяла мои проездные документы и, оформив билет, протянула его мне со словами:

— Вы уж простите, что верхняя полка.

— Ну, что вы, и за это большое спасибо, — взяв билет, сказал я и побежал к поезду.

Уже вдогонку услышал:

— Счастливого пути!

Когда вошел в вагон, в купе уже сидело три пассажира. Поздоровавшись, бросил свой чемоданчик на верхнюю полку.

— Кажется, у нас полный мужской комплект, — сказал мужчина, одетый в штатский костюм, но по каким-то неясным признакам угадывалась армейская косточка. — Может, и пулечку распишем?

Но его никто не поддержал. Я, наверное, один внутренне был согласен, но почему-то тоже промолчал.

Вдруг быстро застучали женские каблучки. Я выглянул из купе и словно прикипел к даме, которая шла по коридору.

— Добрый день, соседи, — весело поздоровалась она, войдя в купе и положив свой чемоданчик на мою полку.

— Вечер добрый, — почти хором ответили обитатели купе.

— Но вы, кажется, ошиблись местом, а может, и вагоном, — робко произнес я, пораженный ее обаянием. — Та полка, на которую вы положили свой чемоданчик, моя.

— Тогда, наверное, вы ошиблись вагоном, — улыбнувшись, сказала дама, — потому что эта полка моя.

Тогда пришлось доставать оба билета, и при детальном рассмотрении оказалось, что они оба на одно место.

И тут я вспомнил, как кассирша хитровато улыбалась, и догадался, что она сознательно оформила билет на уже занятое место. Ай да кассирша! Какая молодец!

Мысленно поблагодарил ее за это, но даме ничего не сказал.

— Ну, что будем делать? — спросил даму.

— Будем спать вдвоем на одной полке, — улыбнувшись, с задором произнесла она. — Ведь на это, наверное, рассчитывали кассиры, выдавая два билета на одно место.

Мне понравилось то, что она не подняла скандала, как обычно поступают женщины в подобных случаях, а восприняла досадное недоразумение с юмором.

Когда поезд отправился, позвали проводницу и сообщили ей о «недоразумении». Она пообещала решить этот вопрос с бригадиром поезда. Через полчаса пришел бригадир и сообщил, что в соседнем вагоне есть свободное место, и спросил, кто туда пойдет.

— Нижнее место или верхнее? — поинтересовался я.

— Нижнее.

— Тогда я уступаю его даме, — склонив голову, ответил я.

— Значит, рыцари еще не перевелись, — тепло произнесла попутчица и внимательно посмотрела на меня. — Премного вам благодарна.

И еще раз внимательно посмотрев на меня, взяв чемоданчик, пошла за бригадиром.

Проводив взглядом попутчицу, я около часа молча стоял у окна, пораженный ее удивительным обаянием. Наконец не выдержал и пошел в соседний вагон. В первом же купе увидел ее. Она одиноко сидела на полке, поджав под себя ноги.

— Ну, как вы устроились? — спросил я.

— Спасибо, отлично. Только, боюсь, соседи попались шумливые. Какая-то молодежная туристическая группа. Недавно все хором ушли в ресторан.

— Давайте знакомиться, — сказал я. — А то как-то неудобно обращаться безымянно. — А потом, после паузы, продолжил: — Анатолий Антонович Невара. Где работаю — видно по форме.

— Очень приятно, — снова улыбнувшись, ответила попутчица. — Ананьева Нина Григорьевна. Из Волгограда. Была в командировке в Риге. А теперь еду в Таллин решить некоторые командировочные вопросы.

В это время шумно толпой в купе ввалились туристы, и нам ничего не оставалось, как выйти в коридор.

Стоя у окна, разговорились. Беседа текла так доверительно и свободно, что через пару часов мы уже знали друг о друге очень много. Я сказал, что порвал с женой окончательно и бес-

поворотно. Оказалось, что и Нина Григорьевна одинокая. Разошлась с мужем-пьяницей семь лет назад. Узнав о том, что у меня в этом году еще не было отпуска, пригласила в Волгоград посмотреть Мамаев курган — Главную высоту России.

— Вы когда-нибудь были в Эстонии на празднике Янова дня? — вдруг спросила она.

— Нет. Даже не слышал о нем.

— Янов день завтра. Эстонцы его отмечают интересно. Причем всю ночь, с вечера до утра... Но я боюсь одна ночью ходить по городу.

— А если вдвоем... Со мной... Не побойтесь?

— Ну, что вы. Конечно, нет.

— Хорошо. Позвоните мне завтра, где-то к вечеру.

Я дал ей номер телефона политотдела пограничного отряда.

— Вас завтра будут встречать?

— Конечно, — ответил я.

— Завезете меня в гостиницу?

— Что за вопрос. Конечно, — обрадовался почему-то я.

— Вот спасибо... Повезло мне с попутчиком... благодаря двум билетам на одно место. — Она широко улыбнулась и внимательно посмотрела на меня.

Проговорили мы до двух часов ночи, и у меня от мрачного настроения не осталось и следа.

Пожелав Нине Григорьевне покойной ночи, ушел к себе в вагон. Взобрался на свою полку и, уже засыпая, подумал: «А жизнь все-таки удивительная штука. И она продолжается».

Утром вышел на перрон и пошел к соседнему вагону. Нина Григорьевна уже ожидала меня. Только мы с ней поздоровались, как подбежал майор и доложил, что машина подана.

Я завез Нину Григорьевну в гостиницу и поехал в отряд. Встретившись с начальником политотдела пограничного отряда Толей Давиденко, замечательным офицером и прекрасным товарищем, уточнив план проведения семинара и включив в него свои лекции, я у него спросил:

— Говорят, эстонцы интересно проводят Янов день. Это правда, Толя?

— А вы что, ни разу не были в это время в Эстонии? Очень жаль. В этот день все население выходит на улицу и празднует до утра. Кстати, завтра как раз Янов день. Я вам дам машину, и шофер провезет вас по самым интересным местам. Отдыхайте хоть до утра.

— Спасибо, Толя! — искренне поблагодарил его.

На следующий день, проводя занятия с заместителями начальников застав по политической части, нет-нет да и вспоминал свою попутчицу.

Где-то часов в шестнадцать меня позвал к телефону инструктор политотдела.

— Слушаю, — взяв трубку, произнес я.

— Здравствуйте, Анатолий Антонович, это Нина Григорьевна. Вы не забыли про Янов день?

— Как можно такое забыть. Во сколько я должен быть у вас?

— Часов в шесть устроит?

— Хорошо. В шесть часов буду у вас. До встречи.

Ровно в шесть подъехал к гостинице. Нина Григорьевна в новом, красивом, бордовом платье только выходила из подъезда гостиницы. Я вышел из машины и тепло поздоровался с ней.

— Точность — привилегия королей, — посмотрев на часы, улыбаясь, сказала она. — Да еще на машине. Вот здорово!

— Ну что, поедем сначала в ресторан. Я еще не ужинал. Да и вы, наверное, тоже. Не возражаете, Нина Григорьевна?

— Не возражаю.

— Ну вот и добре, — произнес почему-то якушинскую фразу, открыл дверку и пригласил Нину Григорьевну в машину.

У ресторана спросил водителя:

— Юра, ты ужинал?

— Так точно. Я же знал, что еду на всю ночь.

В ресторане долго не задержались. Поели, выпили по фужеру сухого вина (я тогда еще спиртного не потреблял), сели в машину и поехали на окраину города Таллина, где в сосновом бору стояли частные домики, а на полянах горели костры, вокруг которых веселились жители этих домиков.

Мы подъехали к одному из костров. Нас встретили как самых дорогих гостей. Пригласили за стол и стали угощать домашним вином и богатой закуской. Потом пели песни, в том числе и русские, водили хоровод вокруг костра, а иногда и прыгали через него. В том числе прыгали и мы с Ниной Григорьевной и вели себя так, словно к нам вернулась молодость.

Побывали мы у нескольких костров, и везде нас встречали очень радушно.

Когда уже была глубокая ночь, мы возвратились в Таллин и поехали на берег залива. Нам показалось, что весь город был там. В специальных устройствах горели костры, дымились мангалы, и везде пели песни и танцевали. Но мы нигде не встретили хотя бы одного пьяного эстонца. Все были просто навеселе.

Уже в четвертом часу утра завез Нину Григорьевну в гостиницу. — Спасибо вам, Анатолий Антонович. Это был чудесный праздник, который никогда не забудется, — сказала Нина Григорьевна, выходя из машины.

— Это вам спасибо, Нина Григорьевна, я ведь даже не знал, что есть такой праздник, — сказал я, а потом улыбнулся и произнес: — А главное — спасибо кассирам за то, что дали два билета на одно место. Иначе мы с вами никогда бы и не встретились.

— Да, да, конечно, — сказала она и внимательно посмотрела на меня. — Это было чудесное совпадение.

А через день я провожал Нину Григорьевну на поезде через Москву в Волгоград. На перроне мы обменялись адресами, я пообещал, что приеду в Волгоград, посмотреть Мамаев курган, но, очевидно, теперь уже после увольнения. И впервые поцеловал ее в щечку.

Уже засыпая в отрядной гостинице, я снова подумал: «А все-таки жизнь — интересная штука».

Мирная жизнь

Прослужил я в Прибалтийском пограничном округе полтора года. После тридцатичетырехлетней службы, на пятидесятом году жизни, в апреле 1977 года пришел приказ о моем увольнении.

Провожали меня торжественно, в актовом зале. Собрались все управление. Были добрые прощальные пожелания. Коллеги-политработники подарили приемник, который прослужил у меня почти тридцать лет, и книгу «Пограничные войска 1945—1950 гг. Документы и материалы». Из книги зачитали материал о младшем лейтенанте Неваре. Для меня это было настоящим открытием, что моя застава попала в такой сборник. Я же прочитал стихи, которые написал накануне:

Отшумели былые походы.
Отслужил боевой командир.
И теперь только — годы вы, годы!
Да висящий на стенке мундир.

Я с тревогой смотрю на такое.
И в глазах моих скрытая грусть:
Не хочу я такого покоя.
Для покоя совсем не гожусь.

Я готов до могилы холодной
Прошагать с рюкзаком на спине.
Кроме жизни тревожной, походной,
Та другая — она не по мне!

Но я знаю, ушла, пролетела
Быстрокрылая юность моя.
Голова уже вся поседела.
Ждет такой же покой и меня.

После увольнения поехал к родителям и рассказал о разрыве с женой. Мать сказала:

— Правильно, сынок, давно пора.

— Детей хотел вывести в люди. Поэтому и жил с ней.

— И это очень правильно, сынок... Но как же дальше? — спросила мать.

— Не знаю, мама, не знаю...

Через несколько дней позвонил в Волгоград. С удовлетворением узнал, что Нина Григорьевна никуда не уехала, находится дома. Взял билет и поехал, чтобы посмотреть величественный памятник героям Великой Отечественной войны — Мамаев курган, да там и остался на всю последующую жизнь, связав свою судьбу с судьбой Нины Григорьевны.

Брак мы зарегистрировали и совершили свадебное путешествие. Поехали в Ленинград. Посетили памятные места, в том числе Петродворец. Попутно в Ленинградском государственном университете получили дубликат диплома об окончании экспериментального курса философского факультета. После Ленинграда поехали в Минск к моему другу Виктору Трегубову, а потом посетили моих сестер Шуру, Марию и Галю в городах Кричеве и Чугуеве. Наконец прибыли в город Волчанск Харьковской области, где жила мама с младшим братом Володей. Мама мой выбор одобрила и благословила. К концу отпуска посетили старшего брата, Ивана Антоновича, и возвратились в Волгоград.

Имея на руках диплом с правом преподавания в высших учебных заведениях, решил самостоятельно (и в этом была моя ошибка) проехать по вузам Волгограда и найти себе работу философа. Но увы! Как только в ходе беседы узнавали, что я тридцать четыре года служил в армии, сразу отвечали: к сожалению, вакансий у нас нет. Хотя я доподлинно знал, что в двух вузах вакансии были.

Перед посещением последнего института зашел в Дом политического просвещения с надеждой узнать, есть ли вакансии

в вечернем университете марксизма-ленинизма. Но не дошел до него, так как на табличке, висящей на одной из дверей, прочитал: «Учебно-консультационный пункт Саратовской заочной Высшей партийной школы при ЦК КПСС».

Решил заглянуть. Постучался и вошел в комнату. За столом сидели две женщины. Одна уже в возрасте, другая молодая. Я понял — секретарша.

Поздоровался и обратился к женщине постарше:

— Не найдется ли у вас случайно работы для безработного философа?

Она заулыбалась, а потом сказала:

— Давайте сначала познакомимся... Я — заведующая учебно-консультационным пунктом Екатерина Фоминична. А вы?

— Невара Анатолий Антонович — безработный философ. Закончил экспериментальный курс философского факультета Ленинградского государственного университета. Готов работать на общественных началах, чтобы не терять квалификацию.

Екатерина Фоминична снова заулыбалась, а потом спросила:

— И все-таки где вы работаете?

— Я же сказал, безработный философ.

— Ну, где-то же вы до настоящего времени работали?

— А... Служил в пограничных войсках... Тридцать четыре года... Теперь можно уходить, Екатерина Фоминична? — И я поднялся со стула.

— Почему? — удивилась она.

— Потому, что во всех вузах, куда я обращался с просьбой принять меня на работу, как только узнавали, что я тридцать четыре года служил, сразу отвечали: вакансий нет!

Она от души посмеялась. А я продолжил:

— Я их понимаю. Они думали, что я все эти годы только и умел командовать «ать-два». А я тридцать два года из тридцати четырех служил в пограничных войсках КГБ, где в системе офицерской учебы все время изучалась философия. И я ее преподавал.

— Да сядьте же, Анатолий Антонович, — внимательно выслушав меня, наконец произнесла Екатерина Фоминична.

Я сел.

— У вас интересная фамилия. Вы не русский?

— Нет.

— А кто же вы по национальности?

— Я хохол, Екатерина Фоминична.

Она рассмеялась. А потом сказала:

— Ну что, «хохол», давайте ваши документы. У нас как раз ушли два преподавателя философии. А очередная сессия на носу.

Я обрадовался и протянул документы. Екатерина Фоминична сделала у себя какие-то записи и передала документы секретарю. Пока та делала копии документов, Екатерина Фоминична дала мне программу занятий по философии на предстоящей сессии и объяснила, что и как надо делать.

Две недели я тщательно готовился к занятиям, понимая, что Екатерина Фоминична будет присутствовать на них. И действительно, на первой лекции она присутствовала от начала до конца. А потом, уже в кабинете, сказала:

— Оригинально вы проводите занятия, Анатолий Антонович. Я впервые увидела, как философ читает лекцию с использованием плакатов, доски и мела. Это очень интересно и вполне доступно пониманию.

На семинар она не пришла. Но в перерыве подошла к слушателям и о чем-то стала их спрашивать. Чтобы они не стеснялись, я отошел в другой конец коридора.

— Ваш метод проведения занятий при помощи доски и мела одобрили и слушатели. Замечательно. Так и продолжайте, — сказала Екатерина Фоминична, когда после занятий зашел в кабинет.

— Итак, работа есть! Но не постоянная. По две сессии на трех курсах — итого шесть месяцев.

Поговорил с Екатериной Фоминичной, и она порекомендовала мне обратиться к заведующей отделом науки и учебных заведений областного комитета партии.

Анастасия Ивановна Укустова приняла меня очень хорошо. При мне позвонила Николаю Ивановичу, зав. кафедрой философии политехнического института.

На другой день я был уже у него.

— Зачем вам нужен институт, — внимательно выслушав меня, сказал Николай Иванович. — В институте вы будете заняты с утра до вечера, так как будете иметь максимальную нагрузку, а получать будете минимальную заработную плату, так как ваш педагогический стаж преподавания в вузах начинается с нуля. Идите в среднее специальное учебное заведение. Там вы будете иметь минимальную нагрузку, а получать максимальную заработную плату. Так как там в ваш педагогический стаж войдет вся ваша офицерская служба.

Я послушал его и снова пошел к Укустовой.

— Я думала, вам нужна престижная должность, Анатолий Антонович, — сказала Укустова. — Поэтому и порекомендовала политехнический институт.

— Нет, Анастасия Ивановна, престиж мне не нужен. Мне нужна минимальная нагрузка и зарплата не выше двухсот пятидесяти рублей, чтобы я мог заниматься литературным творчеством.

— Вы где живете, Анатолий Антонович?

— На Спартановке.

— Прекрасно. В Волжском медицинском училище есть вакантная должность преподавателя философии. А в Волжский вам ближе ездить, чем в центр города. Как вы на это смотрите Анатолий Антонович:

— Я согласен.

Анастасия Ивановна при мне позвонила директору училища и сказала, что я направляюсь областным комитетом партии для работы преподавателем философии. Через два дня я уже работал в Волжском медицинском училище председателем цикловой комиссии общественных дисциплин, преподавателем философии и основ законодательства и права, классным руководителем и заведующим кабинетом общественных дисциплин. И проработал я в этом училище двадцать лет, до 1998 года.

Возвращаясь к началу моей трудовой деятельности, скажу, что через неделю после окончания моей первой рабочей сессии позвонила Екатерина Фоминична и попросила приехать в У КП.

Приехал, получил план проведения следующей сессии и расписание занятий, выслушал рекомендации Екатерины Фоминичны, после чего она сказала:

— А сейчас, Анатолий Антонович, идите в кассу областного комитета партии и получите свою заработную плату.

— Мы же договаривались, что буду работать бесплатно, Екатерина Фоминична.

— Что вы, Анатолий Антонович. Кто же работает бесплатно... По моему предложению бюро областного комитета партии утвердило вас старшим преподавателем философии. Так что идите и получите законно заработанные деньги.

— За это огромное спасибо вам, Екатерина Фоминична.

Когда в обкоме партии посмотрел в ведомость, я ужаснулся — там стояла сумма 670 рублей, то есть в два с половиной раза выше, чем я имел право получать. Или иначе — в три раза выше моего потолка заработной платы. И это без учета зарплаты в училище.

«Полетела вся моя пенсия и даже больше», — промелькнула мысль.

Но делать нечего — расписался в ведомости, получил деньги, купил шампанское, коробку конфет, букет цветов и понес Екатерине Фоминичне. Она молча приняла все, достала в шкафу три фужера и сказала:

— Разливайте, Анатолий Антонович, шампанское, обмоем вашу первую зарплату.

Разлил. Выпили раз, второй, потом я почти слезно стал просить:

— Умоляю вас, Екатерина Фоминична, в следующий раз пишите мне заработную плату не больше ста рублей, а остальное я буду делать бесплатно. Вы понимаете, что значит в декларации указать такую, как я получил, сумму... Полетит же вся моя пенсия...

— Помилуйте, Анатолий Антонович, какая декларация? Ни в какой декларации вы не должны указывать эту сумму, так как это партийные деньги, а не государственные. И государственные законы на них не распространяются.

Наконец до меня дошел смысл сказанного. Значит, мой доход в период сессий безбоязненно будет состоять из 250 рублей пенсии, 250 рублей заработка в училище и 600—700 рублей в Высшей партийной школе. Значит, около 1200 рублей. Недурственно!

Вторым направлением моей деятельности является активное участие в ветеранском движении. А началось это так. В Ленинграде скончался генерал-майор Кузнецов Петр Никифорович, любимец всех пограничников, которые его знали. А для меня он был просто как отец. Во время войны он был начальником политотдела 10-й дивизии НКВД, а после войны — начальником политотдела Ленинградского пограничного округа.

28 мая 1977 года, купив хороший букет цветов, мы с Ниной Григорьевной поехали к памятнику воинам-чекистам 10-й дивизии НКВД. Естественно, я был в пограничной форме. Положив к памятнику цветы, словно на могилу Петра Никифоровича Кузнецова, постояв с минуту молча и повернувшись, чтобы уходить, оказался окруженным группой молодых людей в штатском, но в зеленых фуражках и со стаканами в руках. Дескать, «на границе мы с вами не могли пить, давайте выпьем сейчас за День пограничника».

А вокруг памятника десятки, если не сотни таких же парней, с женами и детьми, сидели на траве, пили спиртное, смеялись,

ссорились и горланили песни. Я был поражен. Наконец, выпив стопку, я сказал:

— Ребята, это же кощунство пить и горланить песни фактически на могиле погибших. Это пир на костях. Наверное, День пограничника надо отмечать как-то иначе, организованно.

— А вы организуйте, — чуть ли не хором заявили они.

И я пообещал организовать.

Узнав, что в Волгограде при управлении КГБ существует совет ветеранов-чекистов, то есть ветеранов территориальных органов и пограничных войск, попросился поучаствовать на одном из заседаний. Председатель совета ветеранов-чекистов майор запаса Соболевский Владимир Семенович разрешил. Когда были обсуждены все вопросы, я попросил слова и рассказал, что я видел 28 мая у памятника Чекистам. Мне сначала не поверили. Пришлось убеждать. А когда я предложил 28 мая 1978 года у памятника Чекистам провести митинг с машиной озвучивания, оркестром, самодеятельностью и возложением цветов, все заявили, что это невозможно, так как для этого нет денег.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда дайте мне мандат, то есть документ о том, что мне поручено организовать мероприятия по празднованию Дня пограничника 28 мая 1978 года. А деньги я найду. Пойду в Волгоградский городской и Ворошиловский районный комитеты партии, наконец в обком комсомола. Я думаю, они не откажут.

— Одну минутку, посидите, я сейчас, — сказал Владимир Семенович Соболевский и пошел на второй этаж к секретарю парткома УКГБ.

Мы ждали его минут двадцать. Наконец он появился и сказал, что деньги на гирлянду цветов управление КГБ найдет...

Меня удовлетворило и это. Я побывал в Ворошиловском райкоме партии, в областном комитете комсомола, рассказал о том, что я видел на площади Чекистов, о заседании совета ветеранов-чекистов, и они деньги на машину озвучивания нашли. А оркестр выделил комендант гарнизона.

В газету «Волгоградская правда» и на волгоградское радио я дал информацию о том, что 28 мая 1978 года на площади Чекистов будут проведены торжественные мероприятия, посвященные Дню пограничника.

Наступил день икс. Я много переживал — получится или не получится? Получилось! Правда, не обошлось без казусов. С утра на площади Чекистов появилось несколько групп, кото-

рые пытались устроить трапезу с распитием спиртных напитков вокруг памятника Чекистам, но были удалены милицией, которая дежурила в этот день на площади.

За полчаса до торжественных мероприятий машина озвучивания начала трансляцию песен, в том числе и пограничных, и к памятнику стали подходить парни в зеленых фуражках.

В первом празднике приняло участие несколько третьестепенных лиц, в том числе из управления КГБ, и несколько сот бывших пограничников.

Но с каждым годом статус торжеств, посвященных Дню пограничника, поднимался все выше и выше. Наконец в них стали принимать участие вторые, а то и первые лица города. На площади Чекистов стали собираться по нескольку тысяч бывших воинов-пограничников разных возрастов. А Волгоградский обком комсомола стал ежегодно предусматривать расходы в годовых бюджетах на эти цели.

Особенно тяжело было проводить Дни пограничника в 90-е годы, в период распада СССР. Но и тогда все же удавалось решать вопросы, связанные с оплатой гирлянды цветов, машины озвучивания и оркестра. И мы не пропустили ни одного года. С 1978 года я подготовил и провел восемнадцать торжественных мероприятий, посвященных Дню пограничника, что стало одной из традиций города Волгограда.

Правда, сейчас уже никто и не помнит, кто стоял у истоков этой традиции, так как с конца 90-х годов проведением торжеств, посвященных Дню пограничника, стал заниматься Волжский пограничный отряд, а потом управление пограничной службы Волгоградской области.

После проведения первого Дня пограничника, в 1978 году, я был избран заместителем председателя совета ветеранов-чекистов при управлении КГБ (ФСБ) по работе с ветеранами погранвойск. И проработал в этой должности до 2005 года, когда был избран заместителем председателя Волгоградского областного комитета ветеранов войны и военной службы.

Таким образом, даже находясь в запасе и отставке, я не прерывал связей с пограничными войсками.

Третьим направлением моей деятельности стало литературное творчество.

Еще когда я служил в Прибалтийском пограничном округе, генерал-майор Бокань познакомил меня с ветераном пограничных войск, майором в отставке Качалубой Иваном Евграфовичем, который заразил меня идеей написать роман о боевых

действиях 95-го Надворнянского пограничного отряда Украинского пограничного округа.

За несколько лет мы с ним разыскали около 60 пограничников, бывших в составе этого отряда и оставшихся после войны в живых, а также несколько вдов погибших пограничников и попросили их написать свои воспоминания.

Четыре раза мы их собирали на встречу в местах самых ожесточенных боев: в городе Надворная Ивано-Франковской области, в городах Виннице, Синельниково и Донецке.

А встречи эти проходили так. Работая в системе народного образования, я летом с 1981 по 1984 год брал отпуск, за свой счет ехал в эти города, вместе с Качалубой встречался с руководителями партийных, советских и комсомольских органов и договаривался с ними о приглашении бывших воинов 95-го пограничного отряда на места боев.

Проезд по железной дороге, проживание в гостиницах, питание и поездка на автотранспорте к местам боев осуществлялись за счет городских бюджетов.

Жили, как правило, по три-четыре дня, встречались с рабочими на промышленных предприятиях и со школьниками. В городе Надворная посетили Музей боевой славы, побывали на местах расположения бывших пограничных застав, которые больше недели сдерживали на границе немецко-венгерские войска. В городе Синельниково присутствовали при укреплении мемориальных досок: на здании школы, где во время Великой Отечественной войны стоял штаб 95-го пограничного отряда, и на первом доме улицы имени 95-го Пограничного отряда.

В ходе этих встреч я досконально побеседовал с каждым бывшим воином отряда и подробно записал воспоминания, которые появились у них в ходе посещения мест боев. Таким образом беседы во время этих встреч в Надворной, Виннице, Синельниково и Донецке, письменные воспоминания, дневниковые записи, карты с нанесенными данными боевой обстановки и архивные материалы легли в основу моего романа «И кровь, и слезы».

Моя жена, Нина Григорьевна, не считаясь с расходами личных денежных средств, поддерживала меня в желании посетить места боев, а во Львов сама ездила со мной на встречу с ветеранами 95-го пограничного отряда, проживающими в этом городе.

Встречи и беседы со многими участниками Сталинградской битвы, а также их воспоминания и подробнейший днев-

ник участницы этой битвы Исуповой (Пивоваровой) Нины Александровны легли в основу документального сборника «Солдаты Сталинграда» и повести «Сталинградские зарницы».

Бывший моряк Черноморского флота Василий Алексеевич Тимошенко дал мне богатейший материал о 250-дневной обороне Севастополя, который был подготовлен сразу же после Великой Отечественной войны участниками этой обороны, но не был опубликован.

Этот материал лег в основу повести «Севастопольцы». Кроме того, я пользовался материалами по истории Великой Отечественной войны и документами из архивов.

Так были написаны почти все произведения. Поэтому они правдивы от начала и до конца. В них почти нет прототипов. Все герои истинные, с их фамилиями и судьбами. Кроме того, они теснейшим образом увязаны с реальными событиями по месту и времени. После увольнения из войск мною были опубликованы романы «И кровь, и слезы» и «Крутые повороты»; повести «Война без войны», «Выбор только один», «Двадцать лет спустя, или «Красная линия», «Сталинградские зарницы», «Севастопольцы» и «Две судьбы»; киноповесть «Граница не знает покоя»; документальные сборники: «Солдаты Сталинграда», «Солдатская Слава», два выпуска, о кавалерах ордена Славы, проживающих в Волгоградской области, и «Ядерный щит России».

В сборнике «Поэтическая мозаика» и в сборниках, изданных литературным объединением «Патриот», опубликованы многие мои стихи.

В 2005 году в Москве, в издательстве «Граница», был издан двухтомник моих избранных произведений под названием: «Зарницы победы» — первый том и «Дозор не бывает последним» — второй том.

В основе моего успеха в литературном творчестве лежат три неиссякаемых источника.

Первый — это огромная заслуга моей жены Нины Григорьевны. Она взвалила на свои плечи все бремя семейного бытия, а мне предоставила время для литературного творчества. Это она, не считаясь с огромными денежными издержками, поощряла мои поездки по местам боев. Это она ежегодно посылала меня в санатории, где я имел возможность работать от зари до зари. Это она — мой пресс-секретарь, первый читатель, строгий судья и беспощадный критик. И поэтому я говорю ей огромное спасибо и склоняю перед ней свою седую голову.

Второй неиссякаемый источник — это литературное объединение «Патриот» при Волгоградском гарнизонном Доме офицеров, членом которого я состою с 1985 года, а с 1992 года являюсь его руководителем.

В 1996 году вышел первый большой литературно-художественный сборник литературного объединения «Патриот». А всего за 14 лет мы подготовили и издали семь таких сборников: «Лик войны», «Пути-дороги», «Сталинградские зарницы», «Годы и судьбы», «Мы юности нашей верны», «Память огненных лет» и «Мы дети твои, Сталинград».

А так как каждый сборник начинался моим романом или моей повестью, то я должен был их написать в течение полтора лет, чтобы к формированию рукописи сборника они были готовы.

Для этого существует третий неиссякаемый источник — мое умение использовать каждую свободную минуту для литературного творчества.

Я никогда не пользовался выходными. За тридцать с лишним лет, после увольнения из войск, ни разу не пользовался отпуском для отдыха. А если ехал в санаторий, то брал с собой полчемодана бумаг для работы.

Кроме этого выработал строжайший режим дня, который соблюдаю уже много-много лет. В 22 часа ложусь спать и засыпаю мгновенно. Поднимаюсь в пять-полшестого. Пишу или печатаю на компьютере одну-две страницы. Потом 40—45 минут утренняя гимнастика, завтрак; общественная работа до 13—14 часов и снова литературное творчество до 22 часов. И так изо дня в день.

Над каждой страницей я работаю в четыре приема: сначала пишу развернутый план, потом пишу черновой набросок, потом печатаю и правлю и наконец печатаю окончательный вариант. Но некоторые страницы перепечатаваю еще раз.

Вот эти три источника и помогли мне написать и издать такое количество произведений.

СЫНОВЬЯ

Мои сыновья — это большое мое счастье. У меня с ними самые добрые отношения. Я очень рад, что они росли в иную эпоху, чем наша, и на их долю выпало значительно меньше трудностей, чем на нашу.

Старший сын, Саша, в 1968 году поступил в Бабушкинское (Московское) пограничное училище КГБ. Затем его перевели во вновь созданное Голицинское политическое училище КГБ (в последующем военный институт), которое закончил в 1972 году. После окончания училища он был назначен заместителем начальника пограничной заставы по политической части в Забайкальский пограничный округ.

Через три года он был назначен помощником начальника политотдела пограничного отряда по комсомольской работе. С этой должности поступил в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, которую закончил с отличием, и был назначен заместителем начальника политотдела Октемберянского пограничного отряда Закавказского пограничного округа КГБ.

Полгода принимал участие в боевых действиях в Афганистане. После возвращения из Афганистана был назначен заместителем начальника политотдела Голицинского политического училища пограничных войск КГБ.

В ходе так называемой перестройки, после распада Советского Союза, когда должность начальника политотдела училища была упразднена, Саша был назначен помощником начальника Голицинского пограничного училища по воспитательной работе. В то самое смутное время это была трудная, неблагодарная и неопределенная работа, и Саша перешел на преподавательскую деятельность.

В настоящее время, в звании полковника, он уже много лет возглавляет ведущую кафедру Голицинского военного института ФСБ. Несмотря на то, что ему скоро шестьдесят лет, его пока не увольняют. Значит, уровень достаточно высокий.

Саша женат. Имеет двух дочерей (то есть моих внучек) и двух внуков (то есть моих правнуков).

Младший сын Толя в 1975 году закончил Читинский институт иностранных языков. За период учебы в институте овладел китайским, английским и французским языками. Ведущий язык — китайский. Стажировку несколько раз проходил на советско-китайской перевалочной базе в пограничном поселке городского типа Забайкальске.

После окончания института получил назначение в школу в районный центр Кыру Читинской области. Год поработал преподавателем английского и французского языков. На следующий год ему предложили учебу в Минской школе КГБ. Он согласился. После окончания школы был оперативным работником, за-

тем начальником отделения и отдела Латвийского КГБ по борьбе с организованной преступностью.

В начале 90-х годов, когда в Латвии назревали негативные события, он подал документы, сдал экзамены и был зачислен в адъюнктуру Московской высшей школы КГБ.

Пережил все преобразования органов государственной безопасности, но адъюнктуру закончил и был зачислен преподавателем теперь уже в академию ФСБ по предмету — борьба с организованной преступностью.

В 2007 году из органов ФСБ уволился и устроился в компанию «Норильск-Никель», где работает по настоящее время.

Женат. Имеет сына (моего внука), который закончил Московский государственный институт международных отношений.

Таким образом, я счастлив сыновьями и горжусь ими.

В заключение — одно из последних стихотворений, которое является моим кредо:

ЖАЛЬ, Я НЕ ДАНКО

Я вырвал бы сердце свое из груди,
Понес бы, как ранец, его впереди.
И нес бы его я вперед и вперед,
Тьму ночи рассеял, расплавил бы лед,
В цветущий бы сад превратил я пустыни
И все арсеналы бы сделал пустыми.
Но жаль, я не Данко и краток мой век,
Я не из легенды, я — человек.
И сердце я вырвать свое не могу —
Умру, у людей оставаясь в долгу.
Поэтому сердце свое по частям
В течение жизни я людям отдам.

**С героями романа
«И кровь, и слезы»**

В районе бывшей заставы И. Е. Качалубы 95-го Надворнянского пограничного отряда

На
местах
их
боев

272

У Вечного огня защитникам Отечества. Винница

У Синельниковского райкома комсомола. В первом ряду крайний слева комиссар 2-й комендатуры капитан Коваленко, четвертый слева начальник 95-го пограничного отряда подполковник Арефьев

273

Митинг у школы, где во время Великой Отечественной войны находился штаб 95-го пограничного отряда. Синельниково

*Литературное
объединение
«Патриот»
при Волгоградском
гарнизонном
Доме офицеров*

Литобъединению «Патриот» 25 лет

Литобъединению «Патриот» 30 лет

Литобъединению «Патриот» 35 лет

На презентации книг, изданных литобъединением «Патриот»

В Волжском медицинском училище

**Семья.
Друзья**

Нина Григорьевна Невара

Анатолий Антонович Невара

Толя и Саша.
1964 г.

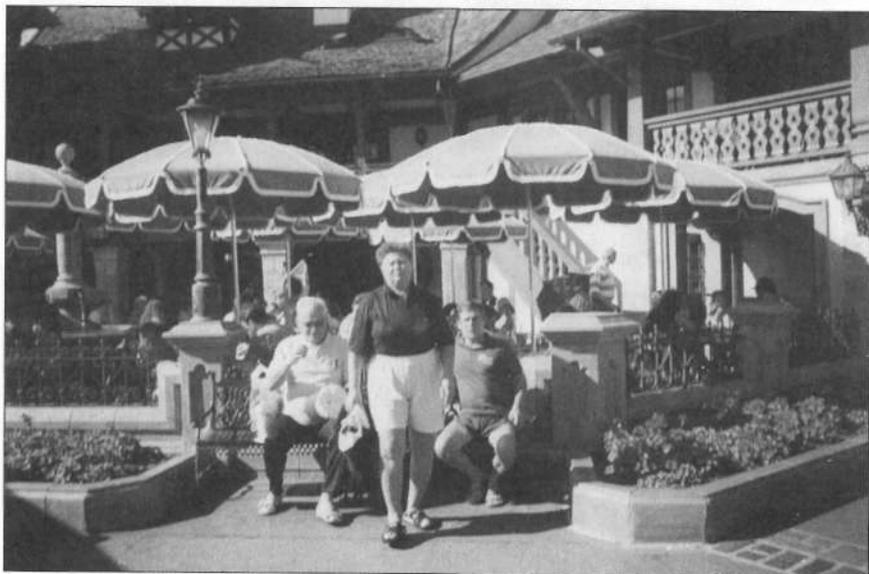

У озера Рица

В Петродворце

В Майями (штат Флорида, США)

С друзьями
Виктором
и Таней
Трегубовыми

В День Победы
с друзьями
Дмитрием
и Ниной
Данильченко

Памятная запись в книге почетных гостей на Мамаевом кургане

С героем повести «Две судьбы» Героем Советского Союза А. М. Числовым
(второй справа)

282

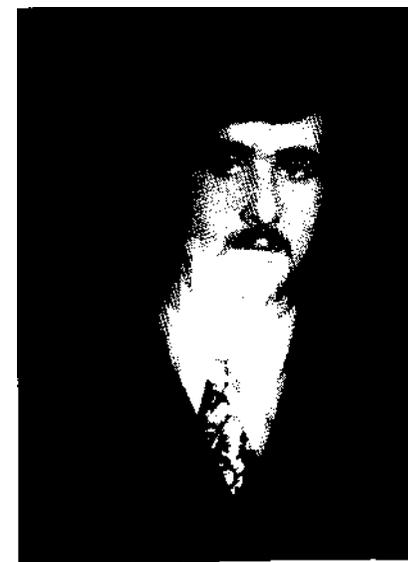

Мне восемьдесят лет

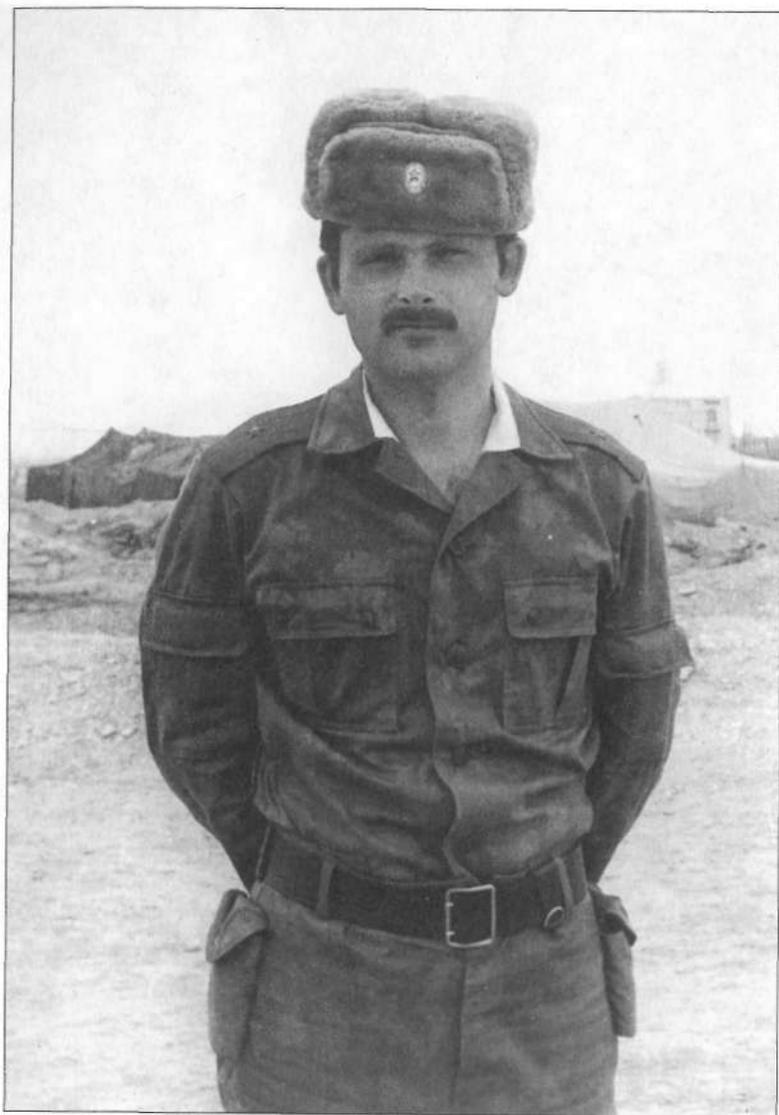
Саша

Толя

283

Саша. Афганистан. Мозари-Шариф. Апрель 1983 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	3
Часть первая	
Молодо, но не зелено	8
Граница	8
Потеря друга	23
Боевые операции	32
Право выбора	41
На новой заставе	50
Падение.	56
Конец Оленя	60
Самолет без опознавательных знаков	65
Прорыв	69
Возбудено уголовное дело	79
Под следствием	83
Часть вторая	
Из прошлого в настоящее	89
Детство и юность	89
На родине	93
Свидетели нашлись	95
Нервный шок.	98
Возвращение в строй	102
На перепутье	108
Первый космонавт	113
Крушение мечты	130
Мир не без добрых людей	135
Грызу гранит науки	138

Часть третья	
На подъеме	143
Заполярье	143
Неизвестная «шхуна»	150
Назначение не состоялось	160
Новый начальник политотдела	166
Назначение состоялось	169
Часть четвертая	
Китайская граница	173
Даурия	173
Противостояние	180
2 марта 1969 года	183
Исторический парадокс	189
14 и 15 марта 1969 года	193
Монголия	197
Маршал Крылов	213
Остров Н-83	217
Ленинская почетная грамота	220
Полковник Иван Черес	222
Генерал-полковник Матросов	226
Начальник отделения пропаганды и агитации Забайкальского пограничного округа	230
Всеармейское совещание идеологических работников Министерства обороны Советского Союза	237
На курсах руководящего политсостава Министерства обороны	242
Часть пятая	
Жизнь продолжается	250
Прибалтийский пограничный округ	250
Мирная жизнь	259
Сыновья	269

Невара Анатолий Антонович

МОЯ СУДЬБА — ГРАНИЦА

*Воспоминания и размышления
о судьбе моего поколения*

Редактор **И. В. Косина**

Художественный редактор **Т. В. Давыдова**

Художественно-технический редактор **С. С. Бабицкая**

Корректор **Э. С. Долгилевич**